НАТАЛЬЯ ГВЕЛЕСИАНИ

ИНТУИТИВНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Наталья Гвелесиани

Интуитивное литературоведение

Статьи и эссе о писателях

Тбилиси, 2025

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17555860
https://doi.org/10.5281/zenodo.17555860
Авторская лицензия:
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Аннотация

В сборник вошли статьи и эссе о М. Горьком, М. Цветаевой, А. Гайдаре, В. Крапивине, Ш. Руставели. Это размышления, которые автор строит на основе собственных интуитивных догадок.

Публикации:

«Причина поражения социализма в СССР названа М. Горьким» - в журн. «Нева» (2019, 3).
«Четвертое измерение М. Цветаевой» - в кн. «Путь неприкаянной души: О М. Цветаевой и не только» (Издательство «Ставролит», г. Ставрополь, 2013 г).
«Дети Кристаллы Владислава Крапивина» - в журн. «Уральский следопыт» (2013, 12).
«Прощайте, Папа Слава!..» - опубликовано на сайте "Литературной газеты" 5 сентября 2020 г

Об авторе

Гвелесиани Наталья Александровна. (По паспорту – Гвелесиани Натэла Сандроевна). Род. в 1967г. Окончила филологический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Пишет прозу и эссеистику.
Лауреат литературной Премии им. Марка Алданова (за повесть "Уходящие тихо"- Новый журнал N247,2007). Публиковалась также в журналах "Нева" (роман "Мой маленький Советский Союз" - в сокращении, отрывок романа "Новая сказка о Гайдаре" под названием "Сказка о Гайдаре", повесть "Пустите детей и не препятствуйте им"), "Уральский Следопыт","Футурум АРТ", "Новая реальность". Автор книг "Путь неприкаянной души (О Марине Цветаевой и не только)" - (Ставрополь, издательство "Ставролит", 2013г), "Выход Алисы из Зазеркалья" (серия 'Психология') - (Москва, издательство "Велигор", 2015г). 'Мой маленький Советский Союз' - полная авторская версия. (Москва, издательство "Рипол-Классик", 2016).
Автор литературно-критических статей о творчестве М.Цветаевой, М.Горького, А.Гайдара, В.Крапивина, , а также статей о христианстве в современном мире.
Интересуется религиоведением, философией, психологией.
Автор диалектического метода толкования Библии (см. сборник "Взирая на Христа").
Автор «Нового Завета в художественном переводе» (в 3-х книгах).
Также является автором оригинальной гипотезы о причинах некоторых форм аутизма (изложена в статье "Аутизм и инстинкт сохранения целостности"; в книге "Выход Алисы из Зазеркалья", также - наиболее полно - в статье «Аутизм и гештальт целостности»).
С помощью НейроСети, согласно этим новаторским взглядам не только на природу аутизма, но и природу человека вообще, автором были созданы новаторские пособия "Введение в Целостную химию для гуманитариев", "Целостная органическая химия", «Краткий словарь химических терминов для гуманитариев».
Живет в Грузии, в г.Тбилиси.

От автора:

Все мои литературные, научные и иные произведения распространяются под авторским именем (псевдонимом) “Наталья Гвелесиани” или "Гвелесиани Наталья Аоександровна", при том, что моё настоящее имя по документам — Гвелесиани Натэла Сандроевна.

Произведения на этой авторской странице и на других ресурсах, все изданные и не изданные произведения и книги, кроме тех, что были изданы под иной лицензией и срок иной лицензии еще не истек, распространяются и должны распространяться в будущем, в том числе по истечении срока иных лицензий, по данной лицензии:

Авторская лицензия:
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Это произведение распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Разрешается свободное распространение, копирование, цитирование, а также создание производных произведений (переводов, инсценировок, экранизаций и т.п.), при условии обязательного указания имени автора и сохранения этой же лицензии в производных работах. Лицензия бессрочная и не подлежит отзыву. Полный текст лицензии:
https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

© Natalia Gvelesiani, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International License (CC BY-SA 4.0).
You are free to share, copy, distribute, and adapt this work (including translations, performances, and film adaptations), provided that proper attribution is given to the author and that derivative works are distributed under the same license.
This license is perpetual and irrevocable.
Full license text: https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/

Содержание

Причина поражения социализма в СССР названа М. Горьким. *Статья*

Четвертое измерение М. Цветаевой. *Статья*

Гайдар против Хайдара: история двух капитанов. *Статья*

Дети Кристаллы Владислава Крапивина. *Статья*

Прощайте, Папа Слава!.. *Эссе*

Поэт-провидец Шота Руставели. *Эссе*

Интуитивное литературоведение

Статьи и эссе о писателях

Причина поражения социализма в СССР названа М. Горьким

Главная причина поражения социализма в СССР давно названа М. Горьким - ее глашатаем и ее же критиком, автором "Песни о Буревестнике".

Все, о чем ярко и точно писал А. М. Горький в 1918г в своих "Несовременных мыслях" - сбылось.
Сбылось то, что, если следовать учению К Маркса, а не Ленина, (которого Горький называет не коммунистом, а анархо-синдикалистом), - в такой отсталой стране как Россия в начале 20в еще не созрели условия для социалистической революции. А следовательно, и построить так называемый "социализм" можно было только на костях людей, а потом устроить "железный" занавес, поместив народ в внушенную искусственную реальность, где люди, не поддающиеся гипнозу властей или даже просто имевшие задатки самостоятельного мышления (последние, видимо, просто по причине страха властей перед их потенциальным прозрением) попадали в ГУЛАГ.

Причем, все это произошло по причине привычки народа, а также его вождей - к многовековому рабству. Как пишет Горький: "Живя среди отравлявших душу безобразий старого режима, среди анархии, рожденной
им, видя, как безграничны пределы власти авантюристов, которые правили нами, мы — естественно и неизбежно — заразились всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами людей, презиравших нас, издевавшихся над нами. "

Тем самым подлинная революция, подлинный социализм, базирующиеся на единстве материальных и духовных преобразований, несущие освобождение от мертвящего груза всего ветхого, державшегося на эксплуатации человека человеком с помощью насилия, были только дискредитированы. А страна после несвоевременного рывка вперед, оплаченного колоссальными жертвами - отброшена назад. Хотя и немало преуспела в рамках искусственно созданной реальности.
Наш социализм был не настоящим.
Но это и обнадеживает.
Значит, настоящий - еще впереди.
Когда-нибудь в мировом масштабе до него созреют условия.
И это возможно лишь при революции в области духа.
Причем, такую будущую революцию должна, по Горькому, возглавить передовая

интеллигенция. То есть тот класс, который на протяжении веков боролся за освобождение человека от всего низменного в первую очередь в области духа, а не только материи. Также для такой революции необходима религия - новая религия. Причем, образцом лидера такой религии Горький считал Иисуса Христа как носителя качеств Прометея. (Не проговаривая этого прямо, а как бы переадресовав данный вывод читателю).Человек должен родиться заново и родить нового Бога. Который, по-видимому, и есть воскресший внутри Христос. (Об этом у Горького есть статья "Разрушение личности" и повесть "Исповедь").

М. Горький – из сборника «Несовременные мысли» (1918г):

«В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью, сделать социалистами 85% крестьянского населения страны,
среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников.
От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс, ибо он — передовой отряд революции, и он первый будет истреблен в гражданской войне. А если будет
разбит и уничтожен рабочий класс, значит, будут уничтожены лучшие силы и надежды страны.
Вот, я и говорю, обращаясь к рабочим, сознающим свою культурную роль в стране: политически грамотный пролетарий должен вдумчиво проверить свое отношение к правительству народных комиссаров, должен очень осторожно отнестись к их социальному
творчеству.
Мое же мнение таково: народные комиссары разрушают и губят рабочий класс России, они страшно и нелепо осложняют рабочее движение; направляя его за пределы разума, они
создают неотразимо тяжкие условия для всей будущей работы пролетариата и для всего прогресса страны.
Мне безразлично, как меня назовут за это мое мнение о «правительстве» экспериментаторов и фантазеров, но судьбы рабочего класса и России — не безразличны для
меня.
И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарию:
— Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!»
.....

"Истинная суть и смысл культуры — в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать. Нужно научиться ненавидеть страдание, только тогда мы уничтожим его. Нужно научиться хоть немножко любить человека, такого, каков он есть, и нужно страстно любить человека, каким он будет.
Сейчас человек измотался, замучился, на тысячу кусков разрывается сердце его от тоски, злости, разочарований, отчаяния; замучился человек и сам себе жалок, неприятен, противен.
Некоторые, скрывая свою боль из ложного стыда, все еще форсят, орут, скандалят, притворяясь сильными людьми, но они глубоко несчастны, смертельно устали.
Что же излечит нас, что воскресит наши силы, что может изнутри обновить нас?
Только вера в самих себя и ничто иное. Нам необходимо кое-что вспомнить, мы слишком много забыли в драке за власть и кусок хлеба. Надо вспомнить, что социализм —

научная истина, что нас к нему ведет вся история
развития человечества, что он является совершенно естественной стадией политико-экономической эволюции человеческого общества, надо быть уверенными в его осуществлении, уверенность успокоит нас.
Рабочий не должен забывать идеалистическое начало социализма, — он только тогда уверенно почувствует себя и апостолом новой истины, и мощным бойцом за торжество ее, когда вспомнит, что социализм необходим и спасителен не для одних трудящихся, но что он
освобождает все классы, все человечество из ржавых цепей старой, больной, изолгавшейся,
самое себя отрицающей культуры.
Цензовые классы не принимают социализма, не чувствуют в нем свободы, красоты, не представляют себе, как высоко он может поднять личность и ее творчество.
А многие рабочие понимают это? Для большинства их социализм — только экономическое учение, построенное на эгоизме рабочего класса, так же как другие общественные учения строятся на эгоизме собственников.
В борьбе за классовое не следует отметать общечеловеческое стремление к лучшему.
Истинное чувствование культуры, истинное понимание ее возможно только при органическом отвращении ко всему жестокому, грубому, подлому как в себе самом, так и вне
себя.
Вы пробуете воспитать в себе это отвращение?"

И да, да, и еще раз тысячу раз да! Как прав был Горький, когда-то написавший:
"Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые - вторую".

По Горькому, убийство подлинного революционера-идеалиста мнимыми революционерами - это огромное преступление перед той же Революцией, которая должна быть с большой буквы.

Об этом писатель написал предельно убедительно:

"На днях какие-то окаянные мудрецы осудили семнадцатилетнего юношу на семнадцать лет общественных работ за то, что этот юноша откровенно и честно заявил: «Я не признаю
Советской власти!»
Не говоря о том, что людей, которые не признают авторитета власти комиссаров, найдется в России десятки миллионов и что всех этих людей невозможно истребить, я нахожу
полезным напомнить строгим, но не умным судьям о том, откуда явился этот честный юноша,
столь нелепо — сурово осужденный ими.
Этот юноша — плоть от плоти тех прямодушных и бесстрашных людей, которые на протяжении десятилетий, живя в атмосфере полицейского надзора, шпионства и предательства, неустанно разрушали свинцовую тюрьму монархии, внося, с опасностью для
свободы и жизни своей, в темные массы рабочих и крестьян идеи свободы, права, социализма.
Этот юноша — духовный потомок людей, которые, будучи схвачены врагами и изнывая в тюрьмах, отказывались на допросах разговаривать с жандармами из презрения к победившему

врагу.
Этот юноша воспитан высоким примером тех лучших русских людей, которые сотнями и тысячами погибали в ссылке, в тюрьмах, в каторге и на костях которых мы ныне собираемся
строить новую Россию.
Это — романтик, идеалист, которому органически противна «реальная политика» насилия и обмана, политика фанатиков догмы, окруженных — по их же сознанию — жуликами и шарлатанами.
Чтобы воспитать мужественного и честного юношу в подлых условиях русской жизни, требовались огромная затрата духовных сил, почти целый век напряженной работы.
И вот теперь те люди, ради свободы которых совершалась эта работа, не понимая, что честный враг лучше подлого друга, осудили мужественного юношу за то, что он,— как это и
следует,— не может и не хочет признавать власть, попирающую свободу."

Позже эмигрировавший в Италию Горький все-таки вернулся в СССР. И активно включиться в строительство молодой страны на культурном фронте.
В литературе, посвященной этому периоду жизни А. М. Горького, можно прочитать, что Сталину удалось поместить Горького в иллюзорную действительность, иллюзорность которой тот, возможно, не осознал до конца жизни. Это действительность, полная нешуточных успехов в самых разных областях, умиляла писателя-гуманиста до слез. Поэтому он пересмотрел свои несвоевременные мысли.

Но логичней предположить, что обладавший недюжинным критическим умом Горький все осознал, но все равно вернулся в СССР как Штирлиц в тыл врага. Чтобы бороться с псевдореволюционерами культурными методами.
А основа его методов была одна - призыв к человеку стать Человеком с большой буквы.
Ведь в стране к тому времени народилось немало людей с новым сознанием, свято верящих не только в вождей, но и в коммунистические идеалы. Их деяния действительно вызывали у Горького неподдельный восторг.
Большевики старательно взращивали эти молодые умы, выковывали их сильные характеры для поддержания собственной власти.
Однако, не осознавая того, власти взращивали тех, кто шел против логики двойной морали. То есть своих потенциальных критиков и могильщиков. (Впрочем, недремлющее око НКВД было всегда начеку).
Тех, кто, осознав наличие двойных стандартов, всю их мерзость и пагубность, смог бы проанализировать ошибки отцов и… продолжить (начать?) строительство социализма с новой, чистой страницы. Как это отчасти и произошло в дальнейшем во время хрущевской оттепели.
Думается, что Горький делал ставку именно на такой разворот будущего.
Но увы, то, что могло бы сбыться – не сбылось. Не было доведено до победного конца, До действительного торжества действительного социалистического гуманизма.
И не сбылось во многом в силу привычки нашего народа создавать себе кумиров и отдавать им безраздельную власть. Думать не своей, а чужими головами – головами своих идейных лидеров.

Парадоксально, но СССР на протяжении всей своей семидесятилетней истории действительно добился больших успехов. Поскольку людей с большой буквы, выросших в новых условиях, появилось немало. Эти успехи и были возможны потому, что были эти светлые, не знающие закулисья власти люди. Свято верящие в коммунистические идеалы.
НО ТЕМ И СТРАШНЕЙ БЫЛО ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ, когда во времена

горбачевской перестройки они все-таки узнали о массовом нарушении морали и законности советской властью на протяжении всей ее истории. Когда столкнулись с предательством своих идеалов, причем, изначальном.

Параллельно с появлением нового человека, взлетом культуры - шел, как всегда, мещанин-собственник.
И этот мещанин в итоге и победил.
Потому что власть с самого начала, с Ленинской поры и до Брежневской - проповедуя коммунистические нравственность и социалистическую законность, на деле нарушала эти принципы.
Поскольку сама до них не доросла.
У Горького этот корень проблем большевизма проанализирован с привлечением многочисленных фактов.

Когда страх перед сталинской "законностью" перестал поддерживать социалистическую идеологию, то она начала отмирать, поглощаясь чисто мещанскими, мелкобуржуазными интересами. Причем, эти интересы захлестнули буквально все слои населения, не исключая высшие власти. Культ власти, культ накопительства, культ масскультуры, культ ширпотреба...
Вера в идеалы, духовная чистота все больше выхолащивались.
Потому что как пятна гнили повсюду проступала двойная мораль.
Которая такой и была изначально - двойной.
А не двойной она быть не могла.
Поскольку экономические условия, сознательность, культура в стране, не прошедшей после Февральской революции через буржуазно-демократические реформы, еще не созрели для того, чтобы основная масса рабочих и крестьян действительно хотела бы строить социализм.
Основная масса крестьянства, которого было большинство, пошло на коллективизацию под, мягко говоря, нажимом властей.
Конечно же, в результате этого ценой колоссальных человеческих жертв появилось немало замечательных колхозов. Но многие колхозники оказались не особо идейными и желали всеми правдами и неправдами переехать в город. Ведь не особо идейные люди стремятся к новым возможностям в области материального благосостояния. Большинство на деле хотело простого материального изобилия, хотело расширения собственного производства. Одним словом - желало собственности, хоть это желание и было табуированным.

Наверное, можно бы было найти выход из этой тупиковой ситуации.
Он был бы найден, если бы с самого начала коммунисты были бы людьми с большой буквы и честно говорили народу все как оно есть. И делали ставку на Честь, Совесть, Справедливость. Тогда бы люди поняли их. И поверили, не допускающим двойной морали. И. возможно, тогда бы это был действительно невиданный взлет возможностей Человека, в первую очередь духовных.
Коммунисты должны были воспитывать темную народную массу собственным примером. Они должны были бы быть действительно похожими на тех честных и справедливых революционеров и строителей нового быта, какие были изображены в действительно прекрасных книгах писателей-соцреалистов.
У них же была двойная мораль.
Они просто преследовали и уничтожали несогласных, как делал до них царский режим.
Прекрасные советские искусство и литература в их лучших образцах стали для таких "коммунистов" лучшим разоблачающим зеркалом, в которое они просто не достойны были посмотреться.

Увы, даже некоторые авторы этих прекрасных произведений тоже не смогли бы с чистой совестью глядеть в это чистое зеркало. Потому что их же слова - разоблачали их дела. Да и обстановка давления на них не способствовала единству слова и дела.

Приведу в заключение некоторые отрывки о двух типах революционеров из горьковских "Несвоевременных мыслей".
Это прекрасная анализ разницы между черным и белым.
Потому что красных в итоге победили не белые.
Черные, говоря образно, просто еще не доросли , чтобы играть белыми.

"Наблюдая работу революционеров наших дней, ясно различаешь два типа: один — так сказать, вечный революционер, другой — революционер на время, на сей день.

Первый, воплощая в себе революционное Прометеево начало, является духовным наследником всей массы идей, двигающих человечество к совершенству, и эти идеи воплощены не только в разуме его, но и в чувствах, даже в области подсознательного. Он —ж
ивое, трепетное звено бесконечной цепи динамических идей, и при любом социальном строе
он, всей совокупностью своих чувств и мнений, принужден на всю жизнь остаться неудовлетворенным, ибо знает и верит, что человечество имеет силу бесконечно создавать из
хорошего — лучшее.
Он жарко любит вечно юную истину, но не на столько чувственно и физически, чтобы вбивать ее кулаком в сердце и головы людей, которые порабощены мертвой правдой прошлого или неизлечимо влюблены в отжившее. Вообще же люди для него — неисчерпаемая
живая, нервная сила, вечно творящая новые ощущения, мысли, идеи, вещи, формы быта. Он
хотел бы оживить, одухотворить весь мозг мира, сколько его имеется в черепах всех людей
земли, но, преследуя эту его единственную и действительно революционную цель, он не способен прибегать к тем или иным приемам насилия над человеком иначе, как в случаях неустранимой необходимости и с чувством органического отвращения ко всякому акту насилия.
Он твердо знает, что, по верному слову одного из замечательных русских мыслителей, «ужас истории и величайшее ее несчастье заключается в том, что человек жестоко оскорблен», — оскорблен природой, которая, создав его, бросила в пустыню мира зверем среди зверей, предоставив ему для развития и совершенствования те же условия, как и всякому другому зверю; оскорблен богами, которых он, в страхе и радости пред силами природы, создал слишком поспешно, неумело и слишком «по образу и подобию своему»; бесконечно оскорблен хитрым или сильным ближним и — всего горше — самим собою, своими колебаниями между древним зверем и новым человеком.
Но у революционера вечного нет чувства личной обиды на людей, он всегда умеет встать выше личного и побороть в себе мелкое, злое желание мести людям за пытки и муки, нанесенные ему.
Его идеал — человек, физически сильный, красивый зверь, но эта красота физическая — в полной гармонии с духовной мощью и красотой. Человеческое — это духовное, то, что создано разумом, из разума — наука, искусство и смутно ощущаемое все большим количеством людей сознание единства их целей, интересов. Вечный революционер стремится
всеми силами духа своего углубить и расширить это сознание, чтобы оно охватило все

человечество и, расширив и разрушив все, дробящее людей на расы, нации и классы, создало в
мире единую семью работников-хозяев, создающих все сокровища и радости жизни для себя.
Изменения социальных условий бытия к лучшему для вечного революционера — только ступень бесконечной лестницы, возводящей человечество на должную высоту, и он не забывает, что именно в этом — смысл исторического процесса, в котором он лично является
одною из бесчисленных необходимостей.
Вечный революционер — это дрожжа, непрерывно раздражающая мозги и нервы человечества, это — или гений, который, разрушая истины, созданные до него, творит новые,
или — скромный человек, спокойно уверенный в своей силе, сгорающий тихим, иногда почти
невидимым огнем, освещая пути к будущему.

Революционер на время, для сего дня,— человек, с болезненной остротой чувствующий социальные обиды и оскорбления — страдания, наносимые людьми. Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований своих, остается
консерватором, являя собою печальное, часто трагикомическое зрелище существа, пришедшего в люди, как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей.
Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что некогда он сидел в тюрьме, был в ссылке, влачил тягостное существование эмигранта. Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его. Идеи, принятые им только в разум, но не вросшие в душу его, находятся в прямом и непримиримом противоречии с его деяниями, его приемы борьбы с врагом те же самые, что применялись врагами к нему, иных приемов он не вмещает в себе.
Взбунтовавшийся на время раб карающего, мстительного бога, он не чувствует красоты бога милосердия, всепрощения и радости. Не ощущая своей органической связи с прошлым
мира, он считает себя совершенно освобожденным, но внутренно скован тяжелым консерватизмом зоологических инстинктов, опутан густой сетью мелких, обидных впечатлений, подняться над которыми у него нет сил. Навыки его мысли понуждают его искать в жизни и в человеке прежде всего явления и черты отрицательные; в глубине души он
исполнен презрения к человеку, ради которого однажды или стократно пострадал, но который
сам слишком много страдает для того, чтобы заметить или оценить мучения другого.
Стремясь изменить внешние формы социального бытия, революционер сего дня не в состоянии наполнить новые формы новым содержанием и вносит в них те же чувства, против
которых боролся. Если бы — чудом или насилием — ему удалось создать новый быт, он первый почувствовал бы себя чуждым и одиноким в атмосфере этого быта, ибо, в сущности
своей, он не социалист, даже не пресоциалист, а — индивидуалист.
Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов, с тою, однако, разницей, что и бездарный ученый, мучая животных бесполезно, делает это ради интересов человека, тогда как революционер сего

дня
далеко не постоянно искренен в своих опытах над людьми.
Люди для него — материал, тем более удобный, чем менее он одухотворен. Если же степень личного и социального самосознания человека возвышается до протеста против чисто
внешней, формальной революционности, революционер сего дня, не стесняясь, угрожает протестантам карами, как это делали и делают многие представители очерченного типа.
Это — холодный фанатик, аскет, он оскопляет творческую силу революционной идеи и, конечно, не он может быть назван творцом новой истории, не он будет ее идеальным героем.
Может быть, его заслуга в том, что, разбудив в человеческой массе древнего жестокого зверя, он этим приблизил смерть звериного начала?
Жестокость утомляет и может, наконец, внушить органическое отвращение к ней, а в этом отвращении — ее гибель.
Мы, кажется, начинаем воспитывать в себе именно физиологическое отвращение ко всему кровавому, жестокому, грязному — нужно, чтобы это отвращение росло, чтобы оно стало идиосинкразией большинства."

Четвертое измерение М. Цветаевой

Слово о детстве Поэта

Предисловие

Мне нравиться, что вы больны не мной,
Мне нравиться, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.

Всем, наверное, знакомы эти строки?
Ведь в какой-то мере они обращены и к нам, что станет понятней из дальнейшего изложения.

Эта концепция сложилась у меня еще тогда, когда только начала знакомиться с творчеством Марины Цветаевой — она легла в основу моего эссе «Детская экзистенция», написанного в соавторстве с Ольгой Крулевой, где личностный подход Цветаевой рассматривался как один из частных аспектов некого явления. И только потом, несколько лет спустя, я стала углубляться в проблему и узнала, что думают о Марине Цветаевой другие — профессионалы и любители. Я узнала самые разнообразные версии о том, кем была Марина Цветаева в жизни. Все они сводятся примерно к следующему. Марина Цветаева была:

1. *Поэтом предельной искренности и правды чувств. Ярчайшей солярной личностью. Человеком — Солнцем.*
2. *Лукавой поэтессой — гордячкой, создавшей о себе миф и сама в него поверившей.*
3. *Двоедушной демонической личностью — оборотнем.*
4. *Вздорной, истеричной бабой.*
5. *Практичной меркантильной дамой.*
6. *Несчастным, никем не любимым ребенком, который тщетно пытался стать всем матерью.*

7. *Несчастной, никем не любимой женщиной.*
8. *Вечным подростком — бунтарем.*
9. *Маленькой девочкой неловкою.*
10. *В глубине души — мальчиком.*
11. *Андрогинном, сочетавшим в себе женское и мужское начала.*
12. *Поэтом — мистиком, поэтом — философом.*
13. *Просто человеком, недостойным своего великого дара.*

На этом фоне моя версия выглядит столь же убедительной...

Наверное, никто теперь так никогда и не узнает, кем была на самом деле Марина Цветаева. Но она добилась кое-чего из того, что хотела. По одному из ее мнений, важен не пишущий, а читающий. И каждый, глядя в это Зеркало, наверное, видит что-то свое, какую-то свою тему. Но каждому почти физически хочется вступить в Зазеркалье... Вот и я увидела свое.

Часть первая.
Белая Собака

Что же мне делать, слепцу и пасынку
В мире, где наичернейший — сер,
Где вдохновенье, хранят как в термосе,
С этой безмерностью в мире мер?!
М. Цветаева

«У стойки кафе, глядя на красующегося бельомма — хозяина... Я внезапно осознала, что я всю жизнь прожила за границей, абсолютно — отъединенная — за границей чужой жизни — зрителем: любопытствующим (не очень!), сочувствующим и уступчивым — и никогда не принятым в чужую жизнь — что я ничего не чувствую, как они, и они — ничего — как я — и, что главнее чувств — у нас были абсолютно разные двигатели, что то, что для них является двигателем — для меня просто не существует — и наоборот (и какое наоборот!).

М. Цветаева. Неизданное. Сводные тетради.

В автобиографической прозе Марины Цветаевой, к которой она обратилась в последние годы, самые проникновенные страницы посвящены детству. Более того — детство и является той стихией, из которой сотканы ее стихи. Стихией потому, что детство у Цветаевой — это не место и не время, а **способ существования души** — единственного подлинного отечества на Земле. Это — ее **четвертое измерение**. «Цветаева неоднократно утверждала, что все, что ей нужно познать, она познала «до семи лет», а дальше только училась это понимать», — пишет литературовед Г. Горчаков. В двух первых сборниках стихов она явно декларирует свое нежелание взрослеть. Однако исследователи больше интересуются чисто биографической составляющей. «Основной спор — «спор о детстве» — между исследователями происходит на уровне признания достоверности тех или иных фактов», — пишет тот же Г. Горчаков и указывает, что только В. Швейцер вносит новую ноту в этот спор предположением о том, что Цветаева писала не мемуары о своем детстве, а исследовала «феномен ребенка, обреченного стать поэтом», что трагическое мироощущение, которым проникнуто цветаевское детство, заложено в поэтах генетически. (Уточнит — не во всех поэтах, а в «поэтах без истории»: «О поэтах без истории можно сказать, что их душа и личность сложились еще в утробе матери... Они уже все знают отродясь... Они пришли в мир не узнавать, а сказать» (М. Цветаева «Поэты с историей и поэты без истории»). «Вовлекаясь все более и более в этот

спор о детстве — резюмирует Г. Горчаков, — исследователи допускают полную непоследовательность, они по сути идут по кругу — вначале опровергают друг друга, а затем повторяют сами то, что опровергли».

На мой взгляд, все исследователи, в том числе и Г. Горчаков, видящий, как и многие другие, истоки цветаевского трагизма в ее детских обидах, упустили кое-что важное — может быть, самое важное в феномене Марины Цветаевой.

Попробую прояснить это с привлечением несколько эклектичного материала, непривычного для строгого литературоведения.

Мне кажется — редко кто из серьезных исследователей отмечает это — что у Марины Цветаевой было **четвертое измерение** в буквальном, а не аллегорическом значении, что соль поэзии Цветаевой, да и всей ее трагической жизни — в утверждении беспредельно-чистого восприятия, в непримиримо-яростном выгораживании пространства для той детской правды, которая не удовлетворяется привязанностью ни к кому и ни к чему, ибо таинственно полна памятью о Высшем.

"*Вотще* рвалась душа моя!" — эта строка пушкинского "К морю" любима поэтессой до самозабвения. Цветаевское признание — как крик: "Боже мой! Как человек теряет с обретением пола, когда *вотще, туда, то, как* начинает становиться лицом, с носом, глазами, а в моем детстве и в пенсне, и с усами... И как мы люто ошибаемся, называя это — *тем*, и как не ошибались — *тогда*!" Психея (душа) противопоставлена в ее поэтическом мире Еве (плоти) совсем не по случайным, психофизиологическим мотивом, как иногда полагают ультрасовременные интерпретаторы.

Восхищенной и восхищенной,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

Отсюда в ошеломительно новом свете открывается так многих сбивающая с толку любвеобильность Цветаевой, ее страстное желание ворваться в судьбу каждого встречного (зачастую младшего по возрасту и сироте по **духу**) и раскрыть, выпестовать в нем «бьющим из сердца материнством, уст дочерство пьющих» («Федра») **божественного Ребенка —**

В тебе божественного мальчика
Десятилетнего я чту ...
(«Ты запрокидываешь голову...»).

«Да, да, я их всех на так немного меня младших или вовсе ровесников чувствовала сыновьями... я **помнить** начала с тех пор, как начала жить, а помнить — стареть, и я, несмотря на бьющую молодость, была стара, стара, как скала, не помнящая когда началась», — скажет она, вспоминая студийцев-вахтагонцев, в самой, наверное, сокровенной своей вещи — «Повести о Сонечке».

Сонечка — это реальное лицо и в то же время частичка Софии Премудрости Божьей. Через нее осуществляется единение Марины с заоблачно-рыцарственным Володей, связанного незримыми узами с Христом, которого нигде не называют по имени, как незримо присутствующего, — все происходит недалеко от Храма Христа Спасителя. Цветаева прекрасно была в курсе поисков русских философов Серебряного века и поэтов-символистов, но переосмысляла все по-своему, с помощью личной мифологии, так свойственной маленьким детям, придавая большое значение случайностям, за которыми видела знаки судьбы. Среди взрослых недаром все время крутится маленькая Аля — дочь Цветаевой и ее второе «я», — которая тоже все видит по-своему и ведет дневник. Правда, из повести начисто выпал «быт» — другая сторона цветаевских взаимоотношений со

своим вторым «я». Но об этом — потом. Интересно и то, что в повести нет почти ни слова о революции, которая грохочет в те годы **снаружи** — революцией Цветаева уже переболела с 12-ти до 16-ти лет.

Отмечу пока важную деталь, которую раскрою позже — **глубинное, подлинное** детство, в отличие от плотско-природного, сродни старости как синониму **мудрости** и, как следствие, **многопечалию**.

«Стих для М. Цветаевой, — это сотворение идеальных отношений с миром, душой другого — как частицей Единой Мировой Души, со своим Высшим «Я», тождественным Божественной Монаде, — пишет в своей философской работе Н. Шлемова. Творчество Цветаевой сеть высшее проявление Любви — «универсального самостояния, связи себя со всем, самопознанием в форме отношений, как имманентной способности человека эволюционировать».

«Творчество — это сотрудничество с высшими силами», — писала и сама Цветаева. На внешнем плане *знающая* Цветаева подспудно дает своим избранникам, равно как и читателям, «уроки» в форме **исповеди** — стихотворной ли, эпистолярной ли — и, страшно волнуясь, потому что предчувствует роковое несовпадение регистров, ждет отдачи в виде **пламенного рождения души**. («Если душа родилась крылатой, что ей хоромы и что ей хаты...»). При этом она, по всей видимости, в глубине души прекрасно осознает свою миссию учителя, гуру (как сказали бы теперь) — и, как минимум, с ранней юности. «Мне жаль, что я не знала вас маленьким. Каким вы были? — пишет 16-тилетняя Марина Пете Юркевичу, от которого она уже не ждет взаимности, так как уже получила от него вежливую «онегинскую» отповедь. — Я чувствую в себе бесконечный восторг перед каждым облачком, каждым заревом, поворотом дороги. И вот, Петя, мне бы хотелось и вам передать свою сладкую способность волноваться. Мне хотелось бы, чтобы Вы, благодаря мне, пережили многое — и не забыли его. Верьте и доверьтесь мне... Ни один человек, встретившийся со мной, не должен уйти от меня с пустыми руками. У меня так бесконечно много всего. Умейте только брать, выбирать». («Письма к П. Юркевичу»).

Позже этот мотив выльется в щемяще-величественные строки:

К вам всем — что мне ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

(«Уж сколько их сорвалось в эту бездну...»)

И это не юношеская восторженность и не романтизм — **привычно** понятый романтизм. О необычности Цветаевой свидетельствует хотя бы уже то, что она еще в 1908г., в 16 лет предрекает победу социализма и то, что с ним потом произойдет:

«Идти против — вот мой девиз! Против чего? спросите Вы. Против язычества во времена первых христиан, против католичества, когда оно сделалось государственной религией и опошлилось в лице его жадных, развратных, низких служителей, против республики за Наполеона, против Наполеона за республику, против капитализма во имя социализма (нет, не во имя его, а за мечту, свою мечту, прикрываясь социализмом), против социализма, когда он будет претворен в жизнь, против, против, против!» («Письма к П. Юркевичу»).

Это своеобразное кредо анархиста — лишь одно из развернутых знамен ее любимого девиза «Против течения», которому она не изменит никогда и в котором свернуто еще многое, очень многое. «Нужно быть вечно на страже, как бы не свихнуться», подобно всем остальным — это ведь еще Пете Юркевичу сказано. И — в другом месте: «Все зависит не от нас, желающих чего-нибудь, а от нас, всегда чувствующих себя, ощущающих каждое биение своего сердца».

Замечательно реконструировала мировоззрение зрелой Цветаевой, с лежащим в его основе делением на **существенное** и **вещественное**, «собрав» его по крупицам из разных писем и записей, И. Кудрова. Помимо сидения в кафе, хождения по политическим и литературным собраниям и выставкам, «к суете, уводящей от существенного, она относит еще и деньги, войны, спорт, идеи, открытия, моду, общественную жизнь», деловую жизнь, «мужскую жизнь», зрелища, литературные течения, футбол, конгрессы — и даже лекции Бердяева!.. Есть, правда, в ее рассуждениях важная оговорка: все перечисленное «уводит» ... если оно не получило преображения в мире души — «ибо тогда: вода — не вода — и земля — не земля».

«Бог дал Вам великий покой затвора, — пишет Цветаева Анатолию Штейгеру, — сам очистил Вашу дорогу от суеты, оставив только насущное: природу, одиночество, творчество, мысль...». («Письма к А. Штейгеру)

«В сущности, ее мир — это мир Вечного во временном», — говорит о поэте И. Кудрова.

Жажда, чтобы ее любили — это ведь жажда, чтобы **себя** любили — свою бессмертную душу и постигали ее через проекцию на самые разнообразные предметы. «Чтобы «Марина» — значило — мир, а не мир «Марина». («Письма к А. Бахраху»). Чтобы были в сем сомнительном мире «вероломны», то есть — «сами себе верны».

Никто в наших письмах роясь
Не понял до глубины
Как мы вероломны,
То есть — как сами себе верны.

А раз ее не полюбили, значит и себя не полюбили, не поняли... Не разглядели свою глубинную суть, свой собственный путь во Все: «Если мне, через свою живую душу, удастся провести вас в Душу, через себя — во Все, я буду счастлива. Ведь Все — это мой дом, я сама туда иду, ведь я для себя — полустанок, я сама из себя рвусь!». («Письма к А. Бахраху»).

В разных местах писем к П. Юркевичу читаем: «Тоска — мое обычное состояние». «Порой мне бывает страшно и откуда-то со дна всплывает что-то темное». Что же так гложет юную гимназистку, которая ждет революции и со скукой готовится к экзаменам по плохо дающимся ей алгебре и химии? Ведь это только на первый взгляд может показаться, что все дело в людях, к которым она не хочет «лезть за участием», «а сами они приласкать не догадаются». «Внешние неудачи, домашние скандалы, разные сплетни — ерунда, вот уж что меня не огорчает, а «вопросы» разные — мое горе. Хочется понять жизнь». Например, «однажды небо совсем померкло, а при свете луны поля сделались какие-то странные, грезящие, холодные. Вся оторванность человека от природы вдруг ярко стала мне понятна. И вышло так: люди — чужие, природа — чужая, далекая».

«Кто мы, откуда мы, куда мы идем? — наверное, Цветаева бы подписалась под этими словами Гогена. Мучительная глубина вглядывания в неразрешимую загадку бытия то и дело проглядывает за быстро проносящимися полудетскими, наивными мечтами о революции и вечно яркой жизни, полной незабываемых впечатлений. И — тут же — еще более горькое признание: «Как бы вам объяснить получше, почему мне там трудно жить. Видите ли, я сознаю свою полную непригодность для жизни».

Цветаева — **живой** человек и искренняя, теплая атмосфера необходима ей, как воздух. А этого почти нигде нет. Люди — как стены. «Тело другого человека — это стена, она мешает видеть его душу», — запишет она четыре года спустя. А пока — Юркевичу: «Я думала над тем, почему люди так одиноки. Ведь это же ужас, подумайте, это же проклятие. И ведь никогда люди, даже самые, самые близкие, не могут знать, что происходит в душе друг друга. Вот я говорю с Вами... и никогда не знаю, серьезно ли Вы говорите или шутя, не могу поручиться за то, что Вы понимаете мое настроение...».

Сами по себе земные радости — вне контекста конкретных человеческих отношений — поначалу не вызывают у нее аскетического желания отгородиться. Это потом ей предстоит пройти по всем кругам ада **слишком человеческой** любви и убедиться в ее иллюзорности, понятой еще **до**. «Я не боюсь пошлости, потому что знаю, что ее во мне нет», («Письма к П. Юркевичу). Пошлость — это когда таинства рождения в горнем мире чего-то **Третьего** так и не происходит. И тогда даже жаркая счастливая взаимность оборачивается — все в этом мире состоит из перевертышей! — невзаимностью, «тупиком»: «Точно двое друг в друга уперлись — и все стоит». («Сводные тетради»). И тогда — Разрыв... Причем, не по ее вине. «И кто-то нас друг к другу бросил, И кто-то снова оторвет», — писал поэт Иннокентий Анненский. А еще потому, что любовь **по горизонтали** неизбежно вырождается. Несбывшаяся счастливая любовь пушкинской Татьяны Лариной превращается в сбывшуюся счастливую любовь Анны Карениной, от которой хочется лечь на рельсы.

Литературоведы, которые, как Н. Доля, осуждают Цветаеву за то, что она предпочитала в отношениях роль Татьяны якобы для того, чтобы вечно терзаться и мучиться, то есть вечно наслаждаться невозможной, полной протеста и прихотей, **страстной** любовью, даже не подозревают, насколько в жизни Цветаевой, как и в действительном мире, все обстоит наоборот! Для Цветаевой-Татьяны неприемлема как раз страстная любовь — это за ней она отказывается признавать подлинность. Митрополит Иерофей Влахос пишет, что «для людей Божьих то, что мир называет естественным, является противоестественным, а так называемое вышеестественное переживается ими как естественное».

И все это у Цветаевой — так естественно, органично, без выведенного на поверхность мистицизма и мудрствований о Мировой Душе. Органично — значит, по определению, трагично, противоречиво, поскольку трагично и противоречиво в сем странном мире положение «пленного духа» и открытой, щедрой по природе души, замкнутой в непробиваемых стенах чужих личных пространств.

Любовь к ближнему снова и снова заменяется в ее судьбе на любовь к дальнему, которого **вечно нет рядом,** вроде нас с вами, грядущих читателей («Моему читателю — через сто лет») или кому-то вроде заочного — через столетие! — возлюбленного — герцога Рейхштадского, умершего век назад, на чей портрет 9-летнего «**сломленного жизнью гениального ребенка**» («Письма к П. Юркевичу») 16-летняя Марина едва ли не молилась («Это любовь? Я сама не знаю. Я бы теперь сказала — это жажда ласки, участия, жажда самой приласкать. Но сравниваю я свое чувство к Наполеону второму с своей любовью к Вам — и удивляюсь огромной их разнице» («Письма к П. Юркевичу»). И все это — чтобы раздвинуть пределы и парадоксальным образом прийти к тому же ближнему, но уже — со стороны **духа.** «Ухожу от вас, возлюбленные братья, чтобы вернуться к вам, — так, примерно, говорил кто-то из св. отцов — пустынников, удаляясь в затвор, — ухожу телом, прихожу **духом**». Все это Цветаева **знает** отнюдь не из их писаний.

Во многих религиозно-философских текстах прослеживается мысль о том, что люди, которые умеют жить *здесь* и *сейчас* — это святые и дети, при том, что святые — это те же вчерашние дети, только вновь умалившиеся. («Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Евг. от Мф — 18:3).

Все остальные трагически блуждают в поисках утерянного рая, а многие, впрочем, даже не помнят, что когда-то там были и, свыкшись с нынешним заурядным положением, даже находят в нем болезненную усладу.

"Да, что знаешь в детстве — знаешь на всю жизнь, но и: чего не знаешь в детстве — не знаешь на всю жизнь." — так определила Марина Цветаева божественную детсткость души — через органическую связь с неким *пра*-знанием, *про*-зрением. То есть живым знанием, которое теплится в человеке до тех пор, пока его не утрамбовали знанием

мертвым — заблудше-взрослым, якобы общезначимым. «Детство — пора слепой правды, юношество — зрячей ошибки, иллюзии, — напишет Цветаева в очерке «Наталья Гончарова». «История моих правд — вот детство. История моих ошибок — вот юность. Обе ценны, первая как Бог и я, вторая как я и мир».

Описывая в эссе "Мой Пушкин" свое детское мировосприятие, Цветаева вводит такое образное измерение как *здесь и завтра*.

Завтра — это и есть то самое сейчас, но далеко не сиюминутное, не обыденное. Не показатель времени, приуроченный к фотографической копии вещей, а скорее таинственный свет души, проникающий сквозь вещи-как-фотографии к вещам-как-они-есть-сами-в-себе.

Вот маленькая поэтесса едет в поезде к морю, видом которого она — в скором будущем — будет на всю жизнь разочарована.

"Море было здесь, и завтра я его увижу... Здесь и завтра. Такой полноты владения и такого покоя владения я уже не ощутила никогда. Это море было в мою меру.

Море здесь, но я не знаю, где, а так как я его не вижу — то оно совсем везде, нет места, где его нет, я просто в нем...

Это был самый великий канун моей жизни.

Море — здесь, и его — нет".

Образ, так чудно выношенный в детском воображении под впечатлением пушкинского стихотворения, оказался объемней, богаче реального объекта. Поэтесса с грустью признается: "Моря я с той первой встречи никогда не полюбила, я постепенно, как все, научилась им пользоваться и играть в него, собирать камешки и в нем плескаться — точь-в-точь как юноша, мечтающий о большой любви, постепенно научается пользоваться случаем".

Заблудший мир — плохой поводырь. Он водит юные души лишь одной дорогой — дорогой разочарований. Вот, взятый из Цветаевой же образец одного из таких жизненных отрезков на все том же пути к Морю:

> "—Ася! Муся! Глядите! Море!
>
> —Где? Где?
>
> —Да — *вот*!
>
> Вот — частый лысый лес, весь из палок и веревок, и где-то внизу — плоская серая, белая вода, водица, которой так же мало, как... на картине явления Христа народу. Это — море? И, переглянувшись с Асей, откровенно и презрительно фыркаем.
>
> Но — мать объяснила, и мы поверили: это Гэнуэзский залив, а когда Гэнуэзский залив — всегда так. *То* море — завтра.
>
> Но завтра и много, много завтр опять не оказалось моря, оказался отвес гэнуэзской гостиницы в ущелье узкой улицы, с такой тесноты домами, что море, если и было бы — отступило бы..."

Дорога разочарований... Человек только *ею* приходит в мир. Только *так* в него входим. Когда, появившись на свет, он видит разлитого повсюду Бога, ему указывают на мать и отца, словно боги — они, а когда у него высыхают слезы первого разочарования, то это обычно означает, что он к тем богам приспособился, а от своей божественной сыновности — отступил. Мир всегда указывает пальцем на что-то меньшее, называя это большим. И детская память, не выдержав столкновения с массовым авторитетом богов, в конце концов уступает свое великое знание. Врожденные структуры сознания, отвечающие за цельное, целостное мировосприятие, приходят в упадок, деформируются. В "жизнь" вступает еще один стандартный шизофреник, то есть субъект, пытающийся судить о целом по его жалким частям. Способный судить, но не чувствовать. Оперировать понятиями, но не видеть за ними надмирной сути. Исступленно искать любви и никогда не иметь ее в себе...

Человек словно обречен пожизненно принимать нечто меньшее за большее и, больно ударившись об это меньшее, думать, что это — предел.

Большинство из свернувших — свернувших с самого истока — заканчивают свои дни в бесцветной обыденщине. Многие становятся обитателями психиатрических больниц. И лишь некоторые, почуяв подвох, рискуют двигаться дальше через движение вспять. Назад! — к истокам! — в морскую раковину! И оттуда — снова в мир, где "я" и "Бог" — единство, а неразделенность.

"Утром по дороге к морю, Валерия:

—Чувствуешь как пахнет? Отсюда — пахнет!

Еще бы не чувствовать! Отсюда пахнет, и повсюду пахнет, но в том-то и дело, что *не* узнаю: свободная стихия так *не* пахла, и синяя открытка так не пахла.

Настораживаюсь". (М.Цветаева. "Мой Пушкин").

Опыт прорыва за пределы ведом в первую очередь монахам, во вторую — «поэтам **без истории,** которые все знают отродясь», но более всего, на мой взгляд, — *бродягам Дхармы*. Это символичное название, данное Джеком Керуаком в своем известном романе поколению первых битников — предшественников хиппи как нельзя лучше указывает на родственную связь с пушкинско-цветаевским "*вотще*". *Бродяга* — странник. *Дхарма* — путь Освобождения.

Бродяги Дхармы — это те же монахи и те же поэты, но только в одном лице. От классических монахов (но не Монахов) они отличаются непринужденностью и самоиронией, а также тем, что, живя среди мира, редко следуют путем какой-либо одной, навязанной воспитанием религии, а предаваясь искусству, предпочитают незатейливость стиля — чем и отличаются от профессиональных поэтов.

Профессиональные труженики на ниве культуры часто принимают их за дилетантов, священнослужители — за одержимых, родственники — за блудных сынов, общество же в целом — за пустоцвет, то есть цветы, которые никогда не приносят плодов.

Среди этих людей тоже встречаются сорвавшиеся в бездну (болезнь)... И тем не менее даже такой — сорвавшийся — первопроходец, и в поэзии, близкой к молодежной культуре, такому герою воздается осанна:

она умерла оттого, что хотела любви без меры и без предела,
она упала оттого, что летела, и тело её уже не тело,
она замолчала оттого, что не пела, а говорить она не умела,

(Ольга Арефьева "Она сделала шаг")

В наше замешанное на тотальном скепсисе время с постмодернистским отрицанием вектора в Трансцендентное, вечно юное это племя упорно держится за свой кратчайший путь к истине — не быть как все, не стремиться к предложенному стандарту. Понимая, что стандарт этот — нечто искусственно введенное и по сути абсурдное (при реализации этого стандарта и без того в неблагоприятных условиях жизни):

"К сорока годам у Барби появились: жених, сотовый телефон, инвалидное кресло, квартира.
И У МЕНЯ, И У МЕНЯ: жених в инвалидном кресле, квартира в нежилом доме, и телефон... по которому мне никто почти не звонит..."

(Наталья Медведева).

Не делать лишних движений!.. Испытывать природное отвращение к этому всеобщему "И у меня!". Откуда берется столь нелогичное стремление души, как и чем удерживается вопреки сопротивлению среды?

Ответ напрашивается сам собой — берется из детской памяти. Ею же и удерживается.

Рассказы людей, так или иначе соприкоснувшихся с хиппизмом, — а такие люди помнят свое детство дольше и ярче других, нередко с первых недель младенчества — свидетельствуют об удивительной вселенной — она воистину альтернативна нашей — всеобщей — плоскости.

Наряду со всем нам памятными живостью, полнокровием и красочностью внешнего мира в раннем детстве, непринужденные взрослые с долгой памятью отмечают его глубину и неоднозначность. Так, некоторые, помнящие себя с годовалого возраста, рассказывают, что окружающие казались им наивными, несмышлеными и неумными, они все делали не в такт с тем страшным величием, которое неприкрыто таилось, подобно буре, за стенами их мнимой стабильности.

Слово **такт** здесь имеет огромную смысловую нагрузку. Именно благодаря такту семилетняя Цветаева так не смогла рассказать батюшке на исповеди про свои сны с похожим на дога чертом: «Есть одно: его часто — нет, но когда оно есть, оно, якобы вторичное, сильнее всего первичного: страха, страсти и даже смерти: такт. Пугать батюшку чертом, смешить догом и огорошивать балериной было не-прилично. Неприлично же, для батюшки, все, что непривычно. На исповеди я должна быть как все». («Черт»).

«Огорошивать балериной» означало рассказывать батюшке уж и вовсе неприличное: «Но и раскаяния не было. Было — одиночество с тайной. То же одиночество с все той же тайной. То же одиночество, как во время бесконечных обеден в холодильнике храма Христа Спасителя, когда я, запрокинув голову в купол на страшного Бога, явственно и двойственно чувствовала и видела себя — уже отделяющейся от блистательного пола, уже пролетающей — гребя, как собаки плавают — над самыми головами молящихся и даже их — ногами, руками — задевая — и дальше, выше — стойком теперь! как рыбы плавают! — и вот уже в розовой Цветочной юбочке балерины — под самым куполом — порхаю». («Черт»)

От страшного таинственного величия, которое у досемилетней Цветаевой олицетворялось в «бесцветных, безразличных и беспощадных» глазах игрушечного черта, люди могли защитить таких экзистенциальных детей только за своими призрачными стенами. Но надо было как-то выживать и им тоже пришлось укрыться в предложенной реальности, хотя люди раздражали их уже своим отношением к природе, а некоторые даже доводили до бешенства издевательствами над бездомными животными. Одна девушка рассказывала, что родители даже застали ее вкушающей на четвереньках пищу из одной миски с кошкой. Жизнь их в этом внешнем мире была какая-то полусонная, походила скорее на фотографию былого. Былое просачивалось в тогдашнюю память проблесками сияния, наполнявшего душу то теплом и спокойствием, то страхом и трепетом. Порой возникали необычные видения, чаще всего пугающие.

Психолог Эрих Берн заметил в одной из своих работ, что младенцы, по-видимому, целиком пребывают в стихии чистой поэзии. (Сравним с цветаевским: «Идите в... детство, если можете — в младенчество. Там — корни» («Наталья Гончарова»).

В устах психологов это не положительный момент, а констатация факта, вытекающего из отсутствия у новорожденных жизненного опыта и абстрактного мышления. В фрейдистском толковании мир младенческих грез и переживаний — это концентрированное либидо, эквивалент бессознательного в его несублимированом виде.

Такого рода указатели — *либидо* вместо с*тихия* — еще одно массовое — под прикрытием науки — отступление от того, что мы так романтично назвали *божественной сыновностью*. Постмодернистское перекодирование культуры, освобождая сознание от многих ложных мифов — политических, научных, культурно-религиозных — выплескивает, однако, вместе с водами и ребенка. В органической поэзии детей несомненно содержится жизненная сила (Эрос, либидо), но разве содержание исчерпывается силой? Что заставляет младенца выделять, включая в свою личность из

познавамого им мира людей то, что созвучно его поэтической среде, а от несозвучного — с отвращением отворачиваться?

Не имея мыслей и слов, младенец, по-видимому, способен охватить все то, что в дальнейшем выпадает из поля зрения под влиянием страха, авторитета, необходимости познавать среду непосредственного обитания, приобретать умения и навыки. Поэзия его отнюдь не сентиментальна, она символична, глубинно-мифологична и глубоко экзистенциальна.

Почему поэзия? Потому что *стихия*. Стихия обнаженной души. Вывернутая наизнанку Раковина в безбрежном океане Вселенной. Раскрытая в Океан Раковина — загадочна и бездонна. Но Раковина, став Каплей по неизвестным нам причинам, должна выделиться из Океана, а не раствориться в нем.

Какое мужество должно быть у ребенка, чтобы удержаться на вечно колеблемых волнах! И кто из нынешних смертных может стать ему опорой?!

Диалектика развития такова, что ребенок может выжить только обретя панцирь из умений и навыков, соответствующих обществу, в которое его забросила данность, соответствующих общественному, а не детскому способу познания. И в тоже время панцирь, сколоченный в процессе забвения и самозабвения — верный способ умереть, если, повзрослев, человек не предпримет деятельной попытки вырваться из своей временной крепости.

Его шансы тем больше, чем тоньше было в его детстве общественное сознание с идеями, которые носятся в воздухе и которые ребенок схватывает на лету без мыслей и слов остатками непрерывно разрушаемых здравых структур. И если педагогика отстает, — а практическая педагогика всегда отстает не столько в способах подачи этих идей, сколько в умении гениально их схватить цельным детским восприятием, — то это значит, что человек, не веря ей, двигался вслепую.

Движение вслепую, увы, очень часто — наилучший выход.

Остро чувствуя топорность любых воспитательных подходов, Лев Толстой даже призывал в своих педагогических статьях вовсе отказаться от попыток указывать молодому поколению какое-либо направление, в первую очередь потому, что осознавал *всех* стоящими на бездорожье. Цель образования вне отвергнутых им задач воспитания сводилась к простому уравниванию знаний между учителем и учеником, причем последний имел полное право перенимать лишь те знания, которые соответствовали его индивидуальной природе, а от тех, которые ее калечили — закрываться.

Очевидно, Толстой имел в виду неподавленного изначального Ребенка, который, пребывая вне принятых в обществе преходяще-косных критериев добра и зла, интуитивно способен удержать свою подлинность. Но проблема в том, что "отпадение" ребенка в больном обществе — процесс очень ранний, закономерный и трагически-неизбежный. Осознав это, Толстой в дальнейшем отошел от педагогики и углубился в религиозно-нравственную проблематику, отказавшись заодно от художественного творчества в духе классического реализма. Интуитивно Толстой прощупывал пути к глубинному реализму, но спотыкался о собственные рационалистические конструкции.

Впрочем, тенденция к глубинному реализму, как и Достоевскому, была ему свойственна всегда, — особенно в эпопее «Война и мир».

Касаемо непосредственного восприятия действительности ребенком, приведем несколько примеров.

Один наш знакомый вспоминал о своем школьном "недопонимании":

Получив контрольную работу, он "долго медлил, тупил над заданием". К примеру, предлагалось порассуждать над таким определением из учебника, как "*Общество — это часть материального мира*". При попытке обосновать его своими словами с привлечением полученных ранее знаний, мальчик впадал в недоумение, во-первых, уже от убогой пресности формулировки. Образы, связи, ассоциации, которые проносились в его

голове, большей частью бессловесно, никак не складывались в столь одностороннюю картину. А между тем контрольное время подходило к концу.

С высоты теперешнего опыта он говорит, что если бы кто-то дал ему тогда понять, что у понятия "общество" есть множество формулировок, что знания об обществе не исчерпываются формулировками, он, вероятно, вовремя выработал бы, наряду с общим взглядом с высоты по-детски незащищенного полета, другой — узкоспециализированый подход к решению конкретно-ограниченого участка проблемы. На наш вопрос: "Но разве кто-то акцентировал твое внимание на однозначности? Разве разноплановость не прорисовывается логично в курсе школьных предметов?" — собеседник отвечает:

"В школьном преподавании наук нам не хватало чего-то, что обеспечивало бы их синтетическое восприятие. Это что-то можно назвать философией наук. Теорией теорий. Без этого связующего центра все распадалось на неприменимые к жизни знания, точнее, вроде бы наоборот применимые, но непонятно зачем. Ребенок ведь не хочет знаний затем, чтобы получше устроиться в жизни. Он хочет понимать жизнь, понимать, *зачем* все это? Не задумываясь, он подсознательно воспринимает как свое, кровное лишь то, что согласуется с высшими законами жизни".

Подобную же ситуацию я встретила в статье К. Ф. Вайцзеккера (немецкого физика и философа, директора (1969-80) Института Макса Планка) "Физика и философия":

"Одна из основных трудностей, с которой я столкнулся, изучая физику, состояла в том, что слова и понятия, используемые людьми весьма эффективно при решении проблем, мне показались чрезвычайно сложными для понимания их значений, того, что в этих понятиях действительно стремились выразить. Поэтому, когда я узнал, что физики говорят о пространстве и времени, об энергии, о потенциальной энергии, о реальности, мне было трудно понять, что все это означает. С другой стороны, сначала я думал, что физики очень хорошо понимали их смысл поскольку могли хорошо использовать эти понятия. Но вскоре я обнаружил — во многих случаях знание физиков о способах приложения этих понятий объясняется просто тем, что они узнали об этом от своих учителей. *Я обнаружил, что существовало общепринятое использование этих понятий без размышления об их смысле*".

Узкая школьная специализация вне высших духовных вопросов, (на которые никто, быть может, не может ответить, но надо же их ставить со всей искренностью!), вносит раскол в детскую психику. Дети не увязывают то, что им преподают с практическим опытом, с внутренними своими запросами. И постепенно приучаются относится к школе как к досадной необходимости отнимать время у настоящей жизни, еще отчасти натуральной, полной невинных забав. Мертвое, не увязанное с индивидуальностью знание, только захламляет, заземляет, уродует личность.

Вот рассказ еще одного "умственно отсталого":

"Помню, как отталкивали меня не только уроки литературы, но и сама литература. Я в школьную пору совсем не читала книжек. Открыв учебник, скользила взглядом по какому-нибудь "салтыкову-щедрину" и — тут же захлопывала. Чувствовала, наверное, что автор не соответствует современности, глубинным ощущением жизни. Не чувствует еще одной ступеньки, на которую лучшие из нас поднялись. Точнее, наши учителя не чувствуют, что прошлому надо отдавать дань уважения, но не выжимки любви, которые они пытались из нас выдавить ложью восхищения. Зато, когда я случайно открыла страницу с "Преступлением и наказанием" — со мной случился настоящий культурный шок. Я впервые почувствовала сквозь буквы все — все: желтую пыль города, туман, одиночество, привкус депрессии. Это был мой класс! Я весь роман прочитала не отрываясь — до конца. Но прочувствовала — еще с одной странички, ею в книге могла стать любая. Как?! Наверное, мы с Достоевским шли вровень. Однако, учительница, словно не замечала основной проблематики романа. Напирая на набившие оскомину слова "тварь ли я дрожащая или право имею?", в то время как далее по тексту Раскольников сам говорит: "Если б я не вошь был, то пришел ли бы я к тебе? Слушай: Когда я тогда к

старухе ходил, я только *попробовать* сходил... так и знай!". Раскольников не каялся перед народом — "В чем я виноват перед ними? Зачем пойду? Что им скажу? Все это один призрак... они сами миллионы людей изводят, да еще за добродетель почитают... Так ведь они же сами надо мной смеяться будут, скажут: дурак что не взял, трус и дурак!" Раскольников ринулся от тоски "*в возможность этого цельного, нового, полного ощущения*." Он все хотел выпрыгнуть из своей действительности. Действительности более не внешней, а внутренней! Он все размышлял, как он будет смотреть на мир после своей внутренней перемены — "Вот и вывеска, как-то я тогда прочту эти самые буквы? Вот тут написано: "Т*а*варищество", ну вот и запомнить это *а*, букву *а*, и посмотреть на нее через месяц, на это самое *а*: как-то я тогда посмотрю? Что-то я тогда буду ощущать и думать?" Раскольников совершал поступки ожидая, что они переменят его в процессе действия. Туманно надеялся совершить "квантовый скачок" подкрепив к текущим мыслям, радикальное и не свойственное ему (пусть и кажущееся рационально бесцельным) действие. Он не знал, да и не думал о том, куда идти; он знал одно: "Что все *это* надо кончить сегодня же, *за один раз, сейчас же;* что *домой* он иначе не воротится, потому что не хочет *так* жить". Чувство неправильности этого "*так"* — это и есть экзистенциальное чувство. Удивительно, или вернее — не удивительно, Достоевский сам выделил курсивом слова "тогда" и "попробовать". Но учительница, руководствующаяся вероятно, методическим указанием для учителей, расставила акценты на второстепенном."

Над чистым листом бумаги долго "тупят" лишь самые пытливые и бесхитростные. Как тут не вспомнить ненависть к гимназиям и ее неспособность долго в них удерживаться вроде бы никогда не «тупившей», с 6-ти лет писавшей стихи и с 10-ти — дневники Цветаевой и ее собственное признание, что она была «в детстве такая несообразительная, недогадливая» («Пушкин и Пугачев»). («Ибо сыны века сего догадливее сынов света в некотором роде». (Евг. от Лк, 16:8). А также учительскую подпись под первым французским сочинением: «Чрезмерное воображение и слишком мало логики», которую она не забыла и даже упомянула в анкете, присланной ей Пастернаком. Наводят на размышления и ее нелады с точными науками. Слово «точные» так и подмывает поставить в кавычки...

Над чистым листом бумаги «тупят» самые отчаянные.

Остальные с той или иной степенью легкости приучаются воспринимать, думать и отвечать по трафарету. Им не приходится рефлексировать над очевидными нестыковками взрослого мира, осуществлять каждый раз выбор не в пользу кратчайшего решения, а в пользу отсутствия явной пользы. Американская модель образования вконец делает ребенка приспособленцем, она преподносит ему трафарет на блюде в окружении пряников. В результате наши люди отстают от американцев в умении быстро проходить тесты на интеллект, но превосходят их в духовно-цельном и базово — теоретическом видении проблем. Скорость снижена за счет активации множества естественных связей, которыми обусловлено задание. Они вытекают далеко за пределы отдельно взятого задания.

Активация таких связей происходит на уровне подсознания, вначале — без мыслей и слов, что субъективно ощущается как пауза в мышлении, а перед экраном компьютера, где фиксируется время тестирования, ощущается — как интеллектуальный и моральный провал... Ходят исторические слухи, что результатом такого рода "тупежей" у юного Эйнштейна стала исподволь вызревшая теория относительности.

Но не все особо одаренные дети — а одарены они все — становятся счастливчиками, подобно Эйнштейну, Вайцзеккеру и др. На мой взгляд, некоторые случаи шизофрении — самого массового психического заболевания, в котором, по мнению психиатров, видны как в зеркале, в сгущенном виде многие аспекты душевного разлада современного homo sapiens, — можно рассматривать в свете нашей гипотезы утраченной целостности.

Для нас важна особенность шизофренического мышления, которая заключается в том, что больной осуществляет преждевременные обобщения там, где их не должно быть по законам здорового, не связанного с жизненным опытом смысла. Хотя формально — логически, вне связи с практической жизнью, такие обобщения возможны. Например, на вопрос: "Что объединяет между собой ножницы, катушку с нитками и наперсток?", больной отвечает, что во всех этих предметах содержатся круглые отверстия. Очевидное "предметы для шитья" странным образом ускользает из поля зрения либо оказывается на его периферии — в последнем случае опрашиваемый упоминает правильный ответ как один из вариантов. А ведь интеллектуальный уровень у незапущенных больных, в свете новейших научных подходов, как правило, не снижен.

Дело в том, что, оказавшись в раннем детстве между молотом и наковальней — между пугающе многослойной Вселенной с одной стороны и бегущей от нее плоскостью человеческой цивилизации — с другой, ребенок может подсознательно принять судьбоносное решение не входить в подсистему "Человечество", если в ней его что-нибудь радикально не устраивает, пугает. На практике осуществить подобное невозможно, он все равно войдет, но только наполовину, внешне, оставаясь бесчувственным к высшим смыслам чисто человеческого существования, пусть и системно ограниченным. Не зная глубинным чувством высшего человеческого смыслообразования, не пропитавшись его экзистенцией, он основательно запутывается с тем, что считается у людей частностями. И в конце концов, не увязав их ни с чем, смешивает частности в одну безразличную кучу, элементы которой он может группировать по любым, часто самым причудливым критериям, благо, что интеллект этому не препятствует.

По сравнению с замкнутой от Вселенной системой цивилизованного человечества — радикально протестуя против этой чисто человеческой замкнутости — он в силу своей недиалектичности сам становится... суперзамкнутой системой, равно от всех удаленной, бесконечно одинокой. Такие люди лишены социокультурного панциря и знают только два состояния: либо безусловную, мертвящую от всего отгороженность, либо столь же полную и непродуктивную распахнутость, когда Молот и Наковальня оказываются словно в центре их крохотного существа... У них словно нет себя, и поэтому в непознанном нет ничего, кроме страха.

Прирожденному Ребенку ведома иерархия, согласно которой человечество — лишь подсистема Вселенной, а Вселенная — подсистема некоего Центра, Источника, (Бога?), существом которого понизаны все уровни. Все это вместе он воспринимает из своей духовной пуповины цельно-поэтически. Человечество может быть адекватно-радостно принято им лишь как часть мировой гармонии. Для этого его должен встретить по выходе из родового канала такой же *знающий*, чуткий и восприимчивый взрослый, в симбиозе с которым ребенок учится дышать и жить в ритмах великого Дао.

Но, увы, общественное сознание еще далеко от того, чтобы переводить такие вещи в плоскость реальной повседневной практики. Родительская любовь, благодаря которой должно, по идее, осуществиться божественное единение Матери и Дитя на *Оси Вселенной*, ограничивается на деле чисто биологической заботливостью, часто в ней отсутствуют даже простая теплота и земная поэтичность. Что и становится мощным шизогенным фактором.

Отсутствие, при всем их духовном сходстве, с матерью душевного контакта (и даже, по всей видимости, биологического — мать не кормила ее грудью, и по всей видимости, в глубине души предпочитала ей сестру, которую выкормила сама) — кардинальная точка в судьбе Цветаевой, многое в ней предопределившая. Обида за это — осевая из всех обид.

Так и слышится голос психоаналитика: «Мама в детстве не любила, поэтому и была маленькой старушкой, так и не сумела стать нормальным ребенком и всю жизнь потом искала себя, маленькую».

Но Цветаева не говорит языком детских обид — она пластично использует этот язык для раскрытия фундаментальной подмены реальности (подлинного **бытия —** профаническим **бытом**), которая начинается вроде бы с невинных вещей.

Вот что пишет М.Цветаева о невольных попытках матери нарушить целостность ее восприятия:

"Глядя назад, теперь вижу, что стихи Пушкина и вообще Стихи... для меня досемилетней и семилетней были — ряд загадочных картинок — загадочных только от материнских вопросов, ибо в стихах, как в чувствах, только вопрос порождает непонятность, выводя явление из состояния данности. Когда мать не спрашивала — я отлично понимала, то есть и понимать не думала, просто — видела. Но, к счастью, мать не всегда спрашивала, и некоторые стихи остались понятными".

Понятно, например, что в строке "Черногорцы? Что такое? — Бонапарте вопросил" и без ответа на вопрос: "Мама, что такое Наполеон?" ("Как? Ты не знаешь, что такое Наполеон?" — "Нет, мне никто не сказал". — "Да ведь это же — в воздухе носится!"), что черногорцы — это черные люди в черных горах: на каждом зубце горы — как дети рисуют — по крохотному злому черногорчику (просто — чертику). А Бонапарте, наверное, красный. И страшный. И один на одной горе".

Оглупляющее, бессмысленное чувство войны схвачено и передано верно. Как у одного пятилетнего малыша, который на мой вопрос: "Что такое бог?", не задумываясь ответил: "Бог — это когда в церкви пахнет дымом". И вынес тем самым приговор бездушию формального богослужения, если не сказать больше — состоянию современной церкви: ее периферийности в жизни общества, оторванности от нужд личности. (Можно вспомнить восприятие церковной службы в храме Христа Спасителя досемилетней Цветаевой как стояние в холодильнике, а самих священников — как покойников.

«Эти воскресные службы для меня были — вой. «Священники пришли» звучало совершенно как «покойники».

—Барыня, покойники пришли, — прикажете принять?» («Черт»).

Услышав такое определение, родители в лучшем случае проведут с ним скучную нравоучительную беседу о Боге, которого ни они, ни он через них не чувствуют. И если он каким-то чудом сохранит свою бесхитростность до школьной поры, то, прочитав на доске тему сочинения "Что такое Бог?" внезапно почувствует себя таким дауном! Найдись у него слова, он скорее написал бы сочинение о том, почему он не может написать сочинение!

Здесь уместно упомянуть признание моего знакомого, которого я уже цитировала, что уже позже, сомневаясь во всем, он испытал пару раз, как ему кажется, опыт *благодати*, в котором у него "не было *вопросов*, но это не значит, что были *ответы*". И тем не менее его недоумения органически разрешались.

Но и блаженная немота должна разрешиться собственной речью.

Старшеклассник так упрямо, *не по своей воле* медливший над листом бумаги, тот, что готов был променять себя на любого другого — понятливого (отцовское, после жалоб классной дамы, несмотря на всю его интеллигентность: "Ну, чего ты не понимаешь?" — "Ничего! Ни-че-го!" — "Нечего тут понимать. Просто зубри!"), ежась под скорбным взглядом учительницы, пытаясь лихорадочно просечь, какой именно ответ у доски ей нужен, ибо ответов несколько, но учительница, похоже, не чувствует в духе и силе ни одного — у учительницы нет выстраданного угла зрения, она какая-то потерянная — и поэтому любой ответ навеки обесценен и только усугубляет позор невысказанности. А на улице — такой постмодернизм! Он буквально *носится в воздухе*!

Настает день, когда ученик должен решить, кто из них двух ненормален: он или мир.

Отсюда видно, как цивилизованный мир — в целом — шизогенен. Душа в схватке с ним почти обречена истаять. Приходится только удивляться гению Льва Толстого, который высказывался в том духе, что никакая наука, будь то математика или история,

сама в себе воспитательного значения не содержит, а если кто все же имеет непреодолимое желание кого-нибудь воспитать, то тот должен любить свою науку и верить в нее, любить ученика и верить в него. Просто напросто, легко и запросто. Не концентрируя внимания на воспитательных выводах, якобы следующих из наук специальными методами. Даже не помышляя о них за отсутствием оных.

Любовь как способ смыслообразования! Как субстанция, закладывающая и скрепляющая угол зрения в соответствии с высшими Законами Жизни! Вера формирует, закладывая содержание в жаждущие ячейки структуры. Становится незримой линией, проводящей интуитивно знаемую истину от одного угла зрения к другому — *поверх наук* и голов проводящей.

А еще Толстого по школьной *привычке* называют плохим философом!

Когда заключенному в "курятнике" Гадкому Утенку приходится делать какой-то смутный, мучительно-тягостный, в то же время, такой восхитительный, до жути притягательный выбор, самое большое его искушение — так радикально пересмотреть свое и всеобщее прошлое, что все прочие родичи по курятнику окажутся в стане бледных либо зловещих теней. Между тем как все тут — жертвы одного процесса: малоподвижного, но все же диалектического цивилизованного развития, которое наказывает самое себя топтанием на одних и тех же ступенях, пока не происходит — в глобальном бессознательном — интуитивного переворота на почве накопленных проб и ошибок. И мир может неожиданно перескочить сразу через несколько ступенек, как только становится *готов* — в направлении, указанном якобы отсталыми детьми и святыми.

В фильме Антониони "Забриски Пойнт" внезапно повзрослевшая героиня взрывает в собственном воображении буржуазную цивилизацию. Мира, который отнял у нее только что обретенного возлюбленного — чистого и наивного юношу-бунтаря — больше нет.

Для большинства такой удар — последняя точка в потугах детского сознания нащупать слабую доску в курятнике путем выбивания досок ногами. Вместе с курятником они, как правило, сжигают в собственной душе великую Поэзию или, прокляв Неузнанное, навсегда остаются в своих имманентных стенах, пополняя в культуре стан скучающих постмодернистов.

Но для Бродяги Дхармы подобный удар — как молниеносное становление личности. Прошлое сходится с будущим в точке настоящего, отсылая вожделенное *здесь* и *сейчас* к присно-памятному *здесь* и *завтра*, наводя мост от вещей-как-они есть к вещам-как-они-должны-быть. И — незримо — *есть*.

"*Прощай, свободная стихия!*" — написала обломком скалы семилетняя девочка Марина Цветаева на берегу природного моря, ни в чем, конечно, не повинного за то, что оно оказалось бледнее поэтической фантазии Царя природы — Человека, подчиненного Смыслу, которым пронизано с незапамятных времен все его существо.

Слог "пены морской" Марины упруг как парус: "оттого ли, что я столько раз своею рукой писала: "Прощай, свободная стихия!" — или без всякого оттого — и я все вещи своей жизни полюбила и пролюбила прощанием, а не встречей, разрывом, а не слиянием, не на жизнь, а на смерть.

И, в совсем уже ином смысле, моя встреча с морем именно оказалась прощанием с ним, двойным прощанием — с морем свободной стихии, которого передо мной не было и которое я, только повернувшись к настоящему морю спиной, восстановила, — шифером по шиферу — и прощанием с тем настоящим морем, которое передо мной было и которое я, из-за того первого, уже не могла полюбить.

И — больше скажу: безграмотность моего младенческого отождествления стихии со стихами оказалось — прозрением: "свободная стихия" оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются — никогда".

Стихия эта — Психея, Душа. И тут выбирать — не приходится.

Цветаевская мифология Психеи — точнее, один из ее аспектов — предельно ясно, но непривычно для нашего **вещественного** сознания, изложена в ее лиро-философском эссе «Письмо к Амазонке», где Цветаева, перечисляя разные уровни и градации любви и типы любящих, упоминает (всего одной фразой, вскользь, как бы стоящую за кадром — «великую любовницу, ищущую в любви любовную любовь и прихватывающая свое добро всюду, где находит его». А что такое, по Цветаевой, любовная любовь? «Любовная любовь — детство. Любящие — дети. У детей не бывает детей». (Эту мысль она неоднократно высказывает в разных письмах и статьях, причисляя к любящим любовной любовью еще стариков и поэтов — надо полагать, поэтов без истории). Но душа забывает о себе, сворачивается, затухает «падает». И тогда внутреннее «Я», желая спастись из своего мучительного, неосознаваемого нами плена, ищет идеальную Женщину — Мать с ее спасительным возрождающим взглядом, выводящим из небытия, Мать как посредника между этим миром и **тем.** Иногда — в буквальном смысле слова ищет женщину (вне зависимости от половой принадлежности своего естества). «Тут — ловушка Души. Попадая в объятья старшей, младшая попадает не в ловушку природы и не в ловушку любимой... Она попадает в ловушку Души». «Ей хочется любить, но... Она любила бы, если бы...» (попробую продолжить — если бы не необходимость возрождать природных, а не прирожденных — в **себе —** детей, следуя дурной бесконечности, закону самосохранения природы, которая «запрещая в нас то же, что запрещает Бог, делая это из любви к нам», делает это из любви к себе, «из ненависти ко всему, что не она». И если бы — а это самое главное — не необходимость любить других, — так плохо осознаваемая нами необходимость Свободы во Христе.

«И вот она в объятьях подруги, прижавшись головой к груди, где обитает ***душа***» *(курсив М.Ц.)*

Далее Цветаева говорит что-то очень важное, что шокирует непривычные мозги — точнее, привычные, способные перепахивать лишь фрейдистские пласты: «Боль — это измена своей душе с мужчиной, своему детству — с врагом. А здесь врага нет, потому что — еще одно *я,* опять ***я*****,** *я* новая, но спавшая внутри меня и разбуженная этой другой мной, вынесенной за пределы меня и, наконец, *полюбленной*». *(курсив М.Ц.)*

Отложим в сторону всю перипетию плотско-природных ловушек, которые так пристально отслеживают некоторые исследователи, воссоздавая глубоко ложно понятую историю взаимоотношений Цветаевой и Софии Парнок и начисто отбрасывая цветаевский эзотеризм. Ловушек, в которых оказывается душа в случае половой любви, — все эти жестко и подробно выписанные Цветаевой круги ада, в которых маленькое всегда с неизбежностью принимается за большое, а и без того раздробленное «я» все больше раздрабливается, за чем — в пределе — следует распыление в хаосе. (Такого рода любовь вызывает в ней силы хаоса, — пожалуется Цветаева одному из своих адресатов в разгар отношений с К. Родзевичем). Ибо: «Раз и навсегда: Богу нечего делать в плотской любви. Его имя — природное или противопоставленное любому имени — мужскому либо женскому — звучит кощунственно... Уже тем, что я люблю человека этой любовью, я предаю Того, кто ради меня, ради другого принял смерть на кресте другой любви». («Письмо к Амазонке»).

Попробуем понять, что означает для Цветаевой образ *мужчины*.

Литературовед Н.Доля, который интерпретирует «Письмо к Амазонке» как иллюстрацию общечеловеческих заблуждений, в том числе заблуждений поэтессы — гордячки, для которой — даже представить страшно — уж и собственный ребенок должен быть не от мужчины, а только от себя, любимой — иронизируя, делает, однако, весьма верный вывод о том, что у Цветаевой самая высокая похвала, которой может бы удостоен мужчина — это отождествление с женщиной: «Макс (Волошин) тоже женщина и мой <...> настоящий друг!» (Из писем М.Цветаевой). Тут Доля попал в самое яблочко. Это абсолютно цветаевский подход!

Мужчина в мифологии Цветаевой — это все плоское, косное, грубо-линейное, по-пилатовски логичное. В поэзии Цветаевой — нет мужчин. Есть **рыцари.** К «мужчине» относятся даже официальная церковь и государство: «Церковь и Государство? Им нечего возразить... пока они гонят и благословляют тысячи юнош на убийство друг друга». И отвергая «мужчину», в идеале мы должны прильнуть не к груди земной женщины, а обратиться с теплой молитвой к Божьей Матери — совершеннейшему воплощению человека и Вечной Женственности, Софии Премудрости Божьей. И, только воскресив в себе в ее Энергиях, под ее Благодатным оком, внутреннего Ребенка, который суть не мальчик и не девочка, а Душа в Святом Духе, можно обрести подлинного жениха — Иисуса, который суть тот же мудрый Ребенок с рыцарским забралом — забралом из Любви. (У Цветаевой нет этих последних рассуждений, но нетрудно додумать, двигаясь в сторону, противоположную от псевдофрейдистских толкований).

«В детстве, когда наше воспоминание о Родине еще ярко, мы наделяем окружающие пейзажи рудиментами сакрального значения, прикрепляя к ним архетипы», — пишет философ и эзотерик Александр Дугин (А. Дугин, «Русская Вещь»).

А. Дугин пишет: «Росток души ребенка, даже без специальной практики традиции, окачествляет пространство, где он появился на свет, сделал первые шаги изнутри вовне. Сад, двери, окна, крыши, деревья — все принимает в себя архетипические токи, изливая онейро-родину на «малую Родину» тела. Кочевничество, номадизм брутально обрубают это свойство. С этим связан ритуал детского травматизма и обряд обрезания. Крайняя плоть осознается как магическая пуповина, связующая телесный организм с эротическим телом души внутри и внешним миром снаружи. Обрезание втискивает андрогинную душу... в поляризованное гендерное тело, делая возврат невозможным. Обрезанные мужчины становятся мужчинами окончательно, бесповоротно. Разрушается мост непосредственного — «монифестационистского» — процесса» (А. Дугин. «Русская Вещь»).

Я не буду сейчас разъяснять каждое слово в сложном отрывке из автора, посвятившего многие годы изучению религиозного эзотеризма и делящего все религии на креационистские, в которых присутствует живой контакт с божеством и его проявлениями, и манифестационистские, во многом десакрализированные, профанические, где такой контакт невозможен. Выделим главное: мужчина в сакральном смысле противоположен ребенку и сравнение это отнюдь не в его пользу.

Отсюда — через вскрытие глубинного смысла — совершенно иначе можно проинтерпретировать ставящую всех в оторопь цветаевскую фразу: «Также опускаю редкий случай души тоскующей, ищущей в любви душу и, стало быть, обреченную на женщину». То есть люди, ищущие в любви душу, обречены на женщину в качестве второй половины (все — и мужчины, и женщины). Но у Цветаевой-то речь идет о процессах бытийных, а не бытовых. Бытовая сторона ясно изображается ею как неизбежное нарастание аномалий по мере удаления от Истоков, причем, двуполые отношения в обезбоженном мире ненормальны так же, как и однополые.

Вдумаемся, ведь и у В. Соловьева чистые души взыскуют Вечную Женственность. А она, по Цветаевой, может быть присуща всем — и женщинам, и мужчинам. Женщина на образно-мифологическом плане цветаевского эссе — это вовсе не природная женщина! Ею вполне может быть мужчина. (Для сравнения — в православии выражение **блажен муж** может относиться также и к женщинам: «Если с таким крепким мужеством слабая жена отражает от себя грех, то и она **блажен муж**, воспетый Давидом» (Св. Игнатий Брянчанинов).

Если немного додумать, на что Цветаева и рассчитывает, то выстраивается удивительная цепочка — иерархия (все это не имеет отношения к реальному раскладу полов в плотском мире, так как внизу, в «области внешней тьмы», все строится с точностью до наоборот: здесь последние — первые, а первые — последние). Задача человека — перестать быть «мужчиной». «Мужчиной» можно перестать быть, только

раскрыв в себе вечно женственного ребенка (равно как и рыцарственного). **Женщина, душа, мальчик, девочка, любовь —** по сути, **синонимы одной субстанции.** А сердцевина ее — **ребенок.** Обыкновенная женщина — тоже «мужчина». Правда, обыкновенная женщина все-таки выше обыкновенного мужчины. («Впрочем, чудовищ среди женщин не бывает»). Но Женщина-Дочь, обращенная к Женщине-Матери, выше Обыкновенной женщины, как еще более приумноженная Женщина. Еще выше — Женщина-Мать, любящая **другую,** а не только себя в ней, **маленькую.** Еще выше — «голая Душа», Великая любительница Любовной Любови. Еще — Мировая Душа, обрученная с Женихом, который суть Все Сразу: Любовь и Источник, Тело и Логос, Потенция и необъятная Мечта... Который суть Играющее Дитя, каким увидел его в своих интуициях Гераклит.

Ребенок — рыцарь герцог Рейхштадский, — «гениальный, непризнанный, несчастный мальчик», каким он увиделся ей на портрете — был, по-видимому, ранней цветаевской проекцией действующего через нее архетипа божественного Ребенка в его приближении к абсолюту. («Может быть, так любить нельзя живых» («Письма к П. Юркевичу»). У юной Цветаевой было мифологическое, а не только лишь романтическое сознание, как иногда полагают. Художественный же ее метод в зрелые годы можно определить — очень условно — как синтез глубинного романтизма с глубинным реализмом. Этот синтез позволил ей увидеть за скрытыми глубинами пола — еще в далекие 30-ые годы — недоступное психоаналитикам (за исключением разве что К. Юнга): **фундаментальную обреченность бытия без Бога.**

В этой связи за половыми инверсиями, на языке которых Цветаева передает свои донные смыслы, обращаясь к писательнице-лесбиянке, существующими в мире **вещественного,** а не **существенного —** явственно просматривается изломанная (равно как и обреченная) попытка несчастных существ и природы в целом вылечить себя от глобальных извращений «нормальной» цивилизации и падшей природы вообще — в религиозно-онтологическом смысле. Изломанной и обреченной потому, что никто при этом не «просит помощи у Бога».

Удивительно — точнее, неудивительно — но Цветаева **все про все** понимала!

«Плакучая ива! Неутешная ива! Ива — душа и облик женщины!.. Седые волосы, сметающие лицо с лица Земли. Воды, ветры, горы, деревья даны нам, чтобы понять человеческую душу, сокрытую глубоко-глубоко. Когда я вижу отчаявшуюся иву, я — понимаю Сафо».

Так говорит Марина Цветаева — самый неузнанный мистик нашей литературы («Иметь все сказать — и не раскрыть уст, иметь все дать — и не раскрыть ладони»), потерявшая в последние годы надежду быть понятой хоть кем-то. Великая любовница любовной любови, «прихватывающая свое добро» среди ветров и гор, деревьев и стариков, мужчин и женщин... Чувство которой было **по сути** надсексуальным и сверхприродным. Амазонка, а не «белое видение женщины», ведущая нас к главному — даже не себя в себе — пусть даже маленьких — искать и любить, а других любить — во Христе любить — чтобы не остаться отрешенной Дамой — пусть даже Мировой Душой! — одиноким «Островом с необъятной колонией душ», затерянным в волнах Вселенной.

С этой своей высоты она — живейший человек! — иногда срывалась и становилась то женщиной-Дочерью, то Женщиной-Матерью, то писала в посвящении дочери Але: «Знай одно — что завтра будешь старой. Остальное, деточка, забудь». Но не в этом суть. Она много мучилась, чтобы научиться понимать то, что **знала.**

Исследователи, которые пытаются вывести историю взаимоотношений Цветаевой и поэтессы Софии Парнок из анализа «Письма к Амазонке» и цикла «Подруга» (по крайней мере, отношение Цветаевой к Парнок) без учета всей глубинной составляющей, оказываются в положении полных профанов. Как известно, в эссе идет речь о двух героинях: Младшей и Старшей. Отождествляя Младшую с самой Цветаевой, исследователи, на мой взгляд, обнаруживают странную слепоту. Не надо быть

специалистом, чтобы понять, что Цветаева в сравнении с Парнок была бесконечно старшей по своему духовному возрасту, а младшей — разве что в вопросах житейско-бытовых. Да и весь легкомысленно-противоречивый облик Младшей, склонной к самообману, никак не вяжется с психологическим обликом Цветаевой, которая говорила о легкомыслии, как о никогда не прививщейся к себе добродетели, вкупе с добродетелью благоразумия. *Младшая* на бытовом, а не бытийном плане произведения — это скорее образ Цветаевой, зеркально преломившийся в воображении Софии Парнок, которая так написала о встрече с будущей подругой: «В дом мой вступила ты, счастлива мной, как обновкою: Поясом, пригоршней бус или цветным башмачком». (С. Парнок. «Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою...»). Но это восприятие Цветаевой как земля от неба далеко от реальной Цветаевой.

Тем не менее, совсем не случайно Цветаева в какой-то момент открылась Софии Парнок как «маленькая девочка неловкая», а в какой-то — как мальчик Кай.

У самой же Цветаевой, как явствует из цикла «Подруга», Парнок временами ассоциировалась то с матерью, то со Снежной Королевой. («Ваш маленький Кай замерз, О Снежная Королева!») Первое же о ней впечатление вообще не имеет аналогов с человеческими мерками: «Не женщина и не мальчик, но что-то сильней меня!»

Ассоциация же с «демоном крутолобым», которого «уж не спасти», восходит к типичному цветаевскому мотиву — любви к проклятому. «Проклятое», «злое» углубляет измерение бытия и должно быть познано через любовь, должно быть любовью освобождено, преображено и вновь **внесено** в гармоничный божественный порядок. И вообще, «все это очень серьезно, как все, что бывает в детстве», как написала поэтесса Ирина Кажянц. «Но тоска моя — слишком вечная, Чтоб была ты мне первой встречною». (М. Цветаева, «Подруга»)

«Зачем тебе, зачем моя душа спартанского ребенка?» — эта глухая жалоба Цветаевой, высказанная в одном из стихотворений цикла, тоже, конечно же, не случайна.

Эта под-история протекала где-то в **четвертом измерении.** В этом же — проклятые тормоза-ограничители быта! — все могло запутываться, сбиваться, профанироваться. В некотором роде отношения Цветаевой и Парнок — это такие ролевые игры, наподобие тех, в какие играют поклонники Толкина, черпавшего энергии архетипов из фольклора и сакральных мифов.

Проиллюстрирую это на примере одного своего произведения. Да простит меня читатель, что я включаю в литературоведческий анализ феномена Марины Цветаевой размышления о собственном писательском творчестве, но эту свою лирическую миниатюру я просто не могу не привести.

О ДЕТСКОЙ ДРУЖБЕ КАК ОПЫТЕ РОЖДЕНИЯ ДУШИ

Я только недавно поняла, что моя повесть «Мягкий мир» — это сказка о Снежной Королеве, — великая сказка Андерсена, зачерпнувшего чистую струю из глубин нашего коллективного бессознательного, где пребывают удивительные миры и энергии архетипов.

Главные героини повести — два Гадких Утенка: 12-летние девочки Мария и Света.

Света, которая сама себя отождествляет с пушкинской Татьяной — это Кай, похищенный из этого мира Снежной Королевой. Мария — это Герда, или некий собирательный маленький Онегин.

Только Света не взялась из ниоткуда. Тихая, непонятная, никем, даже поначалу Марией, не замечаемая девочка Света — это трансцедентная сущность Марии, отлетевшая в эти переливающиеся радужными потоками глубины. ***Наша*** *трансцедентная сущность, которую все мы — жестокие, непонятливые, заигравшиеся в свои маленькие игры дети — вытеснили за грань бытия. И вот она пытается сложить*

из льдинок слово «Вечность» — урок, заданный великой Трансцедентной учительницей — Снежной Королевой. А задача Герды — спасти ее из этого высокого плена, прислушавшись к тому теплому, тому горячему, что есть в ее сердце, которое еще не успело покрыться грубой коркой омертвевающего мира взрослых. И вот великое делание свершилось. «Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Снежная Королева; сложив его, он мог сделаться сам себе господином, да еще получить от нее в дар весь свет и пару новых коньков... Снежная Королева могла вернуться когда угодно — его вольная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами». (Г.Х. Андерсен «Снежная Королева»).

Интересно, что Света и Мария (Кай и Герда) могут меняться местами. С одной стороны, Мария — это Герда, а Света — это Кай. Но с другой стороны — все совсем наоборот! Это Света (Кай) приподнимает над Землей диковатую Марию, в чем-то похожую на Маленькую Разбойницу, это в ней всеобъемлющая Теплота. И кто здесь — Герда и кто здесь — Кай? И кто кого спасает?..

И еще: «Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной Королевы было забыто ими, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдете в царствие небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы младенца Христа.

Там сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!» (Г.Х. Андерсен «Снежная Королева»).

Благодаря матери — Снежней Королеве в глубинном восприятии Цветаевой произошло таинственное соединение Кая и Герды в андрогинную сущность, имеющую все качества Земли и Неба.

Ведь Цветаева прямо писала, что детство было для нее порой слепой правды, а юность — зрячей ошибки, иллюзии. Значит, в какой-то период — юношеский — она утратила присущую ей божественную целостность, а потом снова обрела ее и вступила в полу зрелости.

Зрелая же Цветаева транслирует Живое Слово, Живую Глубину, то, что философ Александр Дугин называет в своей статье «Археомодерн» словом **Структура** — наше глубинное, русское «Я». Слово «русское» можно смело взять в кавычки, как **универсальную реальность, лежащую по ту сторону рационалистического мировосприятия.** (Вспомним прозрение Ф.М. Достоевского о всемирной отзывчивости русской души).

Исследователям американской школы трудно поверить, что Цветаева в своей основе так и осталась ребенком «до 7-ми лет», который уже тогда писал стихи и любил, любил всеобъемлющей теплотой каждого встречного пса. «Всем самым главным в себя я обязана людям, которых я любила», — напишет она в автобиографии.

Большинство поэтов ищут в собственных глубинах когда-то утраченную Душу. А Цветаева ее — дарила.

Дарила как Поэт. Как личность же — подчеркну это еще раз — Цветаева может оступаться, отступать от действующих через нее архетипов и собственного онтологического статуса Любительницы любовной любови. Но отступления рано или поздно приводят к неудовлетворенности, а грубые отступления — к глубокой тоске. Ад же — это ни что иное, как измена своему статусу, полная неспособность принимать и транслировать Божественные Энергии.

Таким образом, самый запутанный и противоречивый, по мнению большинства исследователей, цветаевский текст — «Письмо к Амазонке», в котором некоторым из них видится отражение психологических проблем раздражающей своими псевдоглубинами

поэтессы, на деле оказывается эзотерическим текстом с двойным дном. В первом — рассказывается бытовая лесбийская история (причем, психологический портрет Младшей, с которой исследователи отождествляют автора, не имеет ничего общего с психологическом портретом Цветаевой). Во втором — та же история — в мире **чистых душ**, то, какой она могла бы быть, не удались мы от Истоков.

Дело не в том, будто Цветаева против однополой любви или не хочет признавать тенденцию к ней в себе, как считают Анна Саакянц и Диана Л. Бургин. Цветаева, безусловно, всегда и во всем приветствовала свободу личного самовыражения и никогда не руководствовалась общепринятыми представлениями о греховном. Другое дело, что можно выбрать еще большую свободу — Свободу от рабской свободы естества.

Причины же разрыва М. Цветаевой и С.Парнок, на мой взгляд, вполне прозрачны. С. Парнок не оправдала безусловно завышенные ожидания Цветаевой, всегда искавшей в любви абсолют, и не смогла стать спутником на пути к абсолюту.

И еще скажу устало,
—Слушать не спеши! —
Что твоя душа мне встала
Поперек души.
(«Подруга»)

Возможно, это общая судьба — потерять душу, пройти по всем кругам уготованной нам реальности и воскресить ее, духовно окрепшую. Только надо помнить дорогу домой, вглядываясь в горящие письмена поэтов без истории.

Жизнь — это место
Где жить нельзя.
Ев — рейский квартал...

Так не достойнее ли во сто крат
Стать вечным жидом?
Ибо для каждого, кто не гад,
Ев — рейский погром —
Жизнь.
(«Поэма Конца»)

Так кто же такие святые?

*Новоначальный монах — это тот, кто, вырывая из себя с корнем чисто человеческие установки, цепляющиеся своими корешками за временные, системно ограниченные вещи и истины, держит перед своим мысленным взором Необозримую Даль. Сам он в этот период настолько во всем временном **не участвует**, до того во всем **сомневается**, что словно **ничего не понимает**, то есть **устраняет свой разум**.*

*Святой, достигший знания в Силе и Духе — это тот, кто, дотронувшись сердцем, то есть очищенным от всего косного **дном души** до этой неведомой Дали, оказывается способным узреть временно ограниченные истины в их правильном соотношении с Вневременным. Знание приходит к нему как **наитие Свыше**.*

Так чем же занимается монах, как ни непрестанным возобновлением утраченной целостности, конечная цель которого — детская святость?

Отсюда становится понятным библейское изречение, что "если кто не родится Свыше, тот не сможет войти в царство небесное" и даже не сможет уразуметь в должной мере глаголы Божественного Писания.

Остается подытожить эту часть цитатой из Иосифа Бродского, который считал, что по пути стойкого отказа от примирения с существующим миропорядком «Цветаева прошла дальше всех в русской и, похоже, мировой литературе. В русской, во всяком случае, она занимает место, чрезвычайно отдельное от всех — включая самых замечательных — современников...»

Добавлю от себя, что по сходному пути отказа прошел еще один поэт, в чем — то схожий с Цветаевой даже по психофизике, многое, конечно — но не все — предопределяющей. Поэт, правда, не такого масштаба и с меньшим культурным багажом, выросший в атеистической стране и не способный переварить то, что транслировал, вышедший из молодежной рок — культуры и поэтому неизвестный в широких кругах — тоже «не женщина, а дух», «голая душа», автор и исполнитель своих песен Янка Дягилева (1966-89), — тоже ушедшая из жизни трагически. Тоже обладавшая этим пристальным и одновременно отрешенным взглядом **чуть мимо —** «взглядом со многими разноглубинными пластами» («Письмо к Амазонке»). Крайне пессимистичная **на поверхности,** полная выкачиваемой из нас **мертвой** воды, но узнаваемая **по чистоте и величию субстанции внутри.** И когда мы отсасываем эту субстанцию, но ничего не даем взамен, Поэты умирают.

Часть вторая.
Черная Собака

Все это так. Но что-то в этом не так. Все это слишком походит на сдобренную модным в наши дни мистицизмом прекраснодушную идиллию с верой в Человека, который звучит гордо. Должен звучать. Но — не звучит...

Скажем так — прекраснодушны поэты. (Но и они едва ли простодушны). У Поэтов же — за левым плечом — всегда начеку Соглядатай. К одним он является в образе Черного Человека, к другим — в еще более откровенном своем обличье — обличье Мышатого — похожего на гладкого дога черта, который, являясь, общался в детстве с совсем маленькой Мариной. И у детства Марины Цветаевой есть неусыпный враг — она сама. В некотором роде она — сама себе «мужчина»: тот самый «мужчина» — «ветхий» Адам — с которым изменяют детству, лишая его Цельности. Об этой стороне четвертого измерения Марины Цветаевой попыталась поговорить в своей печальной и жестокой статье «Две души Марины Цветаевы» Анна Кирьянова — самый одиозный исследователь — непрофессионал, не скрывающий своей неприязни к Цветаевой, личность которой отчего-то притягивает ее как магнитом. Я вполне согласна с ней, но только в постановке вопроса. Все остальное вызывает просто смех: и слишком однозначная, грубо-приземленная трактовка некоторых, вырванных из контекста, фактов цветаевской жизни, и непонимание ее глубинной религиозности, и откровенно некритичное отношение к свидетельствам современников. Люди — то, как мы уже могли убедиться, часто подходят ко всему с привычными мерками, а то, что не вписывается в их систему координат, вольно или невольно подвергается кастрации или окутывается фантазиями.

Но одного слова из песни точно не выкинешь. Цветаева при всей своей трансцендентности была очень странной матерью по отношению к собственности маленьким дочерям. И не в смысле пресловутого «не одеты — не обуты»: это — то при ее вечной неустроенности, как раз понятно. Тут дело в другом. Она была страшной матерью. Больной матерью. А в детстве — больным ребенком. Стеснительным, неконтактным ребенком, единственным другом которого был игрушечный черт. У меня нет этому прямых доказательств, но интуиция подсказывает мне, что Цветаева страдала в раннем детстве детским аутизмом и вылечилась через движение вспять, в глубь Раковины, где встретилась со своим высшим «Я» и шагнула в мир уже преображенным и все преобразующим человеком, сама став проводником тех тончайших и светлейших энергий,

в которых только и могла жить. О рудиментах недовоплощенности, неодушевленности, видимо, доставшихся от того периода, Цветаева пытается сказать в письмах к Родзевичу.

Но высшее «Я» — не награда, а реальность, требующая постоянной работы, и ее иногда упускают из рук, что случается даже с просветленными монахами. А за этим следуют провалы, падения. Такие падения наиболее наглядно проявляются у Цветаевой в самом святом — взаимоотношениях с собственными детьми.

Это — та плоскость в ней, тот внешний берег, от которого она всю жизнь стремилась оттолкнуться и куда ее неумолимо прибывало течением имманентного существования.

Анна Саакянц пишет про дочь Марины: «В 6 лет маленькая Аля была настоящим другом и собеседником матери... Она вела дневники и писала стихи, удивлявшие своей талантливостью и взрослостью».

Еще бы! Но странная была эта дружба... Мне она напомнила дружбу маленькой пианистки Полины Осетинской с отцом — музыкальным педагогом, которая в конце концов вынуждена была бежать от него и вся страна, восхищавшаяся перед телеэкранами юным дарованием, с изумлением узнала об изнаночной стороне их отношений.

Похоже Цветаева даже не подозревала, каким она была «мужчиной», когда ломала через колено обычных детей, чтобы сделать из них необычных — в противоположность обществу, которое поступает наоборот. А внутренняя логика некоторых ее шокирующих поступков именно такова. Иначе придется признать Цветаеву поэтом — авантюристом, быт которого уж слишком разительно отстает от бытия. Один мой не вполне адекватный виртуальной корреспондент рассказывал, как душил своего малолетнего сына подушкой, чтобы «развить у него умственные способности» через сопротивление своему эго. Этот метод вполне мог бы быть включен в репертуар Цветаевой-матери. (Я, конечно, страшно утрирую; поступки моего знакомого соотносятся с поступками Цветаевой не более, как карикатура с портретом. Но я и хочу в данном случае прибегнуть к карикатуре). Двухлетняя Ирина, привязанная за ногу к кровати в темной комнате с крысами под кроватью, в то время как мать ходит по поэтическим вечерам или пусть даже в поисках хлеба по голодной постреволюционной Москве, о чем с возмущением пишет Анна Кирьянова — это, на мой взгляд, отнюдь не вольности богемной поэтессы, не жест отчаяния и не — всего лишь — суровая необходимость. Это — вольности ради Вольности, своего рода взращивание «победы путем отказа» — любимого ее принципа по жизни.

Цитата из С. Карлинского: «Отношение Цветаевой к маленькой Ариадне было столь же требовательным и деспотичным, как и обращение с ней ее матери в годы детства. Это видно из ее дневника «Аля. Записки о моей первой дочери...». Ребенку еще не исполнилось и двух лет, однако эти тексты возлагают на нее ожидания невероятных достижений и свершений в будущем...». (Маленькая поправка: в семье М.А. Мейн — матери самой Марины — при всем царящем там спартанском духе — не было т а к о г о!). При этом Цветаева пишет и говорит о дочери, которую, по-видимому, заставила писать дневники и которую держит в ежовых рукавицах (попросту говоря — подвергает жесткому прессингу, если что не по ней) с большой теплотой, посвящает ей стихи с характерными строчками: «не знаю, где ты и где я» и даже по-своему дружит с ней. «Пассивное копиистическое начало из Мариниого преподавания было изгнано раз и навсегда, замененное творческим. Вместо нудных примеров сразу же, с места в карьер, писались изложения, сочинения; обычно безликие, ученические тетради превращались в дневники», — напишет в своих воспоминаниях Ариадна Эфрон, деликатно умалчивая о перегибах и издержках в своем воспитании. В ее изложении итоговый результат цветаевской педагогики выглядит вполне благовидно: «Смело выкинув из педагогической цепи промежуточные звенья, Марина выучила меня читать — бегло и достаточно осмысленно — к четырем годам, писать — к пяти, а вести дневниковые записи — более или менее связно и вполне (по старому правописанию) грамотно — к шести-семи годам».

Среди первых дневниковых записей маленькой Али можно обнаружить, между прочим, и такую: «Моя мать очень странная. Моя мать совсем не похожа на мать. Матери всегда любуются на своего ребенка, и вообще на детей, а Марина маленьких детей не любит». Властный дух матери, вопреки желанию искренне любившей и понимавщей ее Ариадны Сергеевны, наиболее выпукло просматривается в «Записях о моей матери» — первых получерновых набросках будущих воспоминаний.

Попробуем понять, кем были для Цветаевой не понимавшие ее в детстве обычные дети. Вероятно, они похожи на любимицу матери сестру Асю, которой она дарила ракушки, чтобы та согласилась еще немного помечтать с ней, а потом иногда отнимала эти ракушки, и била ее, потому что у нее ничего, кроме этих ракушек, не было, никакой своей мечты, как о том поведано в эссе «Мой Пушкин». (Сказанное — в художественно-заостренном виде — относится только к детским годам Анастасии Цветаевой, ставшей впоследствии писательницей и мемуаристкой.)

В одном из стихотворений Цветаева пишет:

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят в каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки —
Потому надменны эти строки.

(«Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!»)

Да, Цветаева сурово преследовала по жизни жестокость заурядности, обычности. Она бы не простила ее собственным детям.

Но судьба сыграла с ней злую шутку. Родившийся позже сын Мур, которого она, в отличие от дочерей, напротив, холила и лелеяла, тоже стал вундеркиндом — был необычайно умен, образован в свои детские и отроческие годы — в год гибели матери ему исполнилось шестнадцать — писал, рисовал, интересовался философией.

Но был «душевно неразвит», как отметила в дневнике, посвященном его детским годам, сама Цветаева. Вундеркиндство не принесло детям ни счастья, ни большой дороги, ни подлинной близости с матерью. Да и не удивительно — ведь сына она растила, мечтая об острове с ним, чтобы никто не смог бы встать между ними, помешать ее любить, помешать ей родить его Свыше — **от себя** как Поэта — проводника божественного Детства. И как-то незаметно подменила Бога — сыном, заслонив ему Бога... Сын и вырос на таком острове, оказавшись полностью непригодным к реальной жизни и погиб в 19 лет на фронте в одном из первых же боев.

Родить и вырастить сына — того самого божественного мальчика во плоти — было едва ли не самым горячим и заветным желанием Цветаевой. Она предчувствует, предвосхищает его, даже угадывает его будущий физический облик. Еще задолго до рождения Мура Цветаева написала в стихотворении «Сын»: «И как не умереть поэту, когда поэма удалась».

Но эта поэма как-то не удалась. Или удалась бы, проживи Мур дольше?

Никто не знает. Зато многим известны его страшные и загадочные слова, сказанные им по поводу смерти Матери: «Марина Ивановна правильно все сделала».

Расшифрованные в последние годы дневники Мура проливают свет на эту загадочность. Из них и других рассекреченных архивов видно, в какой убийственной атмосфере жила семья, двое членов которой — отец Сергей Эфрон и сестра Ариадна — томились в застенках Лубянки, а матери могли отказать даже в работе посудомойкой в столовой Литфонда. Дневники позволяют надеяться, что Цветаева все-таки заложила в сына правильную основу.

Цветаева пожертвовала жизнью — уже едва теплящейся, задуваемой со всех сторон, — в надежде спасти его от гибельного существования рядом с собой в стране, где сталинский режим захлопнул перед ней все двери. «Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет», — написала она перед смертью в одной из трех оставленных записок. Тем более что и он крикнул ей в сердцах накануне: «Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!» и запальчиво ответил на ее горькое: «Так что же, по-твоему, мне ничего другого не остается, кроме самоубийства?» — «Да, по-моему, ничего другого вам не остается!»

«Здесь, у последней черты, все чувства Марины Ивановны достигли абсолюта», — пишет Анна Саанянц. Абсолюта по вертикали и абсолюта по горизонтали. По горизонтали это была абсолютная беспросветность.

Ведь для нее это был еще в какой-то степени и крах веры в сына (читай: Бога), Несмотря на то, что сказанные сгоряча слова мальчишки глупо было принимать всерьез, как отмечают исследователи.

И она конечно же не принимала.

И все же, все же, все же...

Девушка, просившая у Бога **чистой** смерти в 17 лет: «Ты дал мне детство — лучше сказки И дай мне смерть — в семнадцать лет!», пока нет «этого движения вниз, на отдых, на покой» («Письма к П. Юркевичу»), превратилось к 48-ми годам в измученную, забытую людьми и преследуемую властями, очень старую женщину, через которую уже давно не текли стихи. Медленно угасая, уходя, она все чаще примеряла к себе **чистую** смерть.

Всю свою сознательную жизнь она прожила абсолютной бессребреницей. За рубежом — фактически, благодаря скудным пожертвованиям спонсоров — ценителям ее таланта. Будучи не в силах приспосабливаться к коллективам, часто полным подспудной враждой и интригами, она не могла работать на государственной службе, не могла быть винтиком в неправедном бюрократическом аппарате. В слишком человеческой иерархии русского литературного зарубежья или Союза Писателей в родном отечестве места ей тоже как-то не нашлось. Не понятая ни в эмиграции, ни в СССР, она была отторгнута Системой, которая и у нас, и за рубежом узнается по своему многоуровневому отчуждающему механизму. Отторгнута Системой, но признана при жизни такими поэтами как Рильке, Пастернак, Волошин, Белый, Мандельштам...

Все по Макаревичу: «Он пробовал на прочность этот мир каждый миг, Мир оказался прочней».

Но эту трагедию нельзя однозначно трактовать только лишь как месть имманентного бытия так и не прогнувшемуся под изменчивый мир поэту-нонконформисту.

Тут все сложнее. «Четвертое измерение — мстит», — написала как-то Цветаева в письме к Пастернаку.

Именно так! Месть приходит **оттуда.**

Прекрасное и ужасное как две насмерть схлестнувшиеся Силы начинают страшную вселенскую битву за душу великого грешника — Поэта. И совсем не случайно силы Зла бьют Цветаеву в ее самую сильную точку (а значит, в чем-то и самую уязвимую) — в самое сильное и слабое звено, нуждающееся в закалке — прямо в Детство!

Любой мало-мальски продвигающийся православный монах начинает с обнаружение затаившегося Змея, который обвивает «голую душу» многими инфернальными кольцами — Змея, полного неистребимого желание изъять из души ее золотую сердцевину — Дитя... И только попробуй потревожить этого дремлющего в силу нашего нечувствия Дракона ... Только посмей!..

Православные монахи знают: к взыскующим Божьей Правды первым делам приходят бесы и только затем — Христос. (В этих словах я лишь пытаюсь описать

процессы, протекающие в коллективном бессознательном, что не исключает возможности объективного существования Христа как Бога).

Но Поэты редко просят помощи у Бога, они хотят, чтобы Христос являлся к ним сам — как хотела того Марина Цветаева — этот эпизод есть в «Повести и Сонечке» — отказывая себе в радости пойти на Пасхальную службу — отказывая из ложно-гуманистических (и только ли?) соображений. Поэтому Поэты, как и Бродяги Дхармы, часто проигрывают брани. И не только поэты без истории. Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Высоцкий, Башлачев, Янка Дягилева... Сюда же можно отнести Гоголя с поэмой в прозе «Мертвые души» и отчасти Блока. Несть им числа на российской земле. Всем им не хватило терпения и смирения — в православно-святоотеческом понимании этих слов. А также умения, образно говоря, вовремя приземлиться, чтобы подняться чуть выше, **спуститься с небес на землю** и заново осмотреться — спуститься с небес не в привычно-инквизиторском смысле, какой обычно вкладывает в эти слова мир. Но они не были теплохладными, не были фарисеями и как раз поэтому становились практически безоружными перед нападениями врага, даже не подозревая о правилах безопасности, выработанных св. отцами за почти двухтысячилетний опыт церкви. Правилах, которые бы позволили опознать врага в лицо, позволили бы перевести работу с реальностью, в которую они вторгались, в более высококачественный и щадящий режим.

И конечно же не только мы одни — прекраснодушные (но едва ли простодушные) поклонники — отсасываем эту божественную Субстанцию, ничего не давая взамен. Главный вампир — некто Третий. Даже не вампир — ибо он не питается Субстанцией... Он просто прокалывает ее, как шину.

Большое Добро — большое Зло. Большие души, большие берега, большие трагедии... БОЛЬШАЯ ГОРДЫНЯ.

Поэтому давайте не будем делать из Марины Цветаевой иконы, как делала юная Марина икону из портрета Наполеона, ставя его в киот. Икона с Цветаевой опасна тем же, чем и портрет Наполеона в киоте с православными иконами — очередной подменой.

Не бывает такого в имманентном мире, чтобы у Белой собаки не было ее младшей сестры — Черной, пусть и играющей подчиненную роль. Отсутствие Черной собаки — это тоже Черная собака, только уже изгнанная в подсознание, «обиженная» (цветаевское: «обижен, значит, прав!» — даже если в роли обиженных — черти и вурдалаки) и она найдет место и время, чтобы кинуться нам в спину. (Эта ситуация описана у меня в романе «Дорога цвета собаки», да простят мне читатели очередную нескромность). Поэтому давайте не застопоривать себе движение просвещенческими мифами. «Ветхий» Адам должен быть четко осознан. И такое явление как Марина Цветаева может оказать в этом неоценимую услугу. Надо вдумываться в то, что она пытается до нас донести — вдумываться критично, что далеко не значит **скептично.** Как это ни странно, но в сложный, противоречивый (гораздо менее, чем мы думаем) мир Марины Цветаевой надо входить, доверившись всему ясному и простому в нас — «как вслушиваются в исток, вглядываются в устье», настроившись на то, что идет поверх слов и поступков. Именно такой подстройки жаждала и никогда не получала от людей Цветаева. Без которой и хлеб — не хлеб, и вода — не вода.

Вот и Анна Кирьянова, занявшаяся так вплотную изучением Черной Собаки Марины Цветаевой, так и не поняла, где же ее Черная собака. Она пытается реконструировать ее из разрозненных слов и поступков, оставляя за порогом внимания **запредельно-чистый поток вибраций**.

Бессознательную тягу Цветаевой к людям, которые умерли или умрут молодыми, Кирьянова подметила точно и — тут же поставила ей в вину: даже тягу к несчастной умершей девочке Наденьке Иловайской, о горячем чувстве к которой Цветаева поведала в своем пронзительном «Доме у Старого Пимена», где один за другим умирают дети — Атланты, погребенные мертвой землей дедушки Илловойского, которую тот взвалил им на плечи. И даже тягу к несчастным, всеми проклятым чертям, словно и впрямь забыла,

как все мы глубоко несчастны, — и в первую очередь «счастливые». Что все мы гости и стирая свою память до имманентности, превращаемся в «пауков в банке», о чем протяжно, протяженно во времени пела запредельная Янка Дягилева.

И в итоге, Киреева делает прямо противоположный действительности вывод о том, будто **живейшая** Цветаева изначально стремилась к смерти (В чем, кстати, обвиняли и живейшую Янку). Не видя (можно **видеть цельным чувством,** а можно — разрозненно, раскладывая все по эмоциям), не угадывая, что центр личности Цветаевой, ее «точка сборки» совсем в другом месте (**и времени**).

Кирьянова не подозревает, что имеет дело не с Черной собакой Цветаевой, а с ее двойником, существующим не где-либо, а в ее собственном сознании (подсознании?). Настоящая же Черная собака поэта пребывает на несколько уровней выше (или ниже — тут можно сколько угодно играть словами).

Причем, эта Собака, как и ее двойники, могут сослужить всем прекрасную службу.

Ведь Цветаева так хотела, чтобы мы вы выверяли вместе с ней, в чем-то отталкиваясь от нее, собственный путь. Она бы с удовольствием уступила нам инициативу и внимательно выслушала. Но, к сожалению, большинство окружавших ее в жизни людей, как и Петя Юркевич, лишь старательно пытались ответить впопад.

Поэзию Цветаевой можно читать как открытую книгу бытия, потому что бытие было перед ней — как открытая Книга.

«Быть собой, всей собой, как пишет Цветаева неоднократно, пусть даже остаться непонятой в желаниях, реакциях и поступках; быть непонятой, но не осужденной любящим человеком — вот идеал отношений», — пишет И. Кудрова в замечательной статье «Поговорим о странностях любви: Марина Цветаева».

«Жестокая правда без любви есть ложь», — хочется сказать мне комментаторам, отслеживающим Черную собаку Цветаевой. Это тоже святоотеческая истина.

И мне хочется верить — я не сомневаюсь в этом! — что поэты такой нравственной высоты не попадают «Домой — в огнь-синь» (не тот этот дом, да и полночь не та), куда, по мнению Анны Кирьяновой, якобы стремилась после детских диалогов с Мышатым («Параллельно пути черный спутник летит», — пела поэтесса Янка Дягилева), подмененная им Марина Цветаева и где пребывают души тех, кто наложил на себя руки...

Они все-таки омываются в водах Китежа.

Потому что Господь — не бухгалтер.

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней зоре и на утренней сразу!
Пляшущим шагом прошла по земле! — Неба дочь!
С полным передником роз! — Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на зоре! — Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

«Милый серый дог моего детства — Мышатый! Ты не сделал мне зла. Если ты, по Писанию, и “отец лжи”, то меня ты научил — правде сущности и прямоте спины. Та прямая линия непреклонности, живущая у меня в хребте, — живая линия твоей дого-бабье-фараоновой посадки.

Ты обогатил мое детство на всю тайну, на все испытание верности, и, больше, на весь тот мир, ибо без тебя бы я не знала, что он — есть.

Тебе я обязана своей несосвятимой гордыней, несшей меня над жизнью выше, чем ты над рекою: le divin orgueil [Божественной гордыней (фр.).] — словом и делом его.

Тебе, кроме столького, я еще обязана бесстрашием своего подхода к собакам (да, да, и к самым кровокипящим догам!) и к людям, ибо после тебя — каких еще собак и людей бояться?

<...>

Это ты разбивал каждую мою счастливую любовь, разъедая ее оценкой и добивая гордыней, ибо ты решил меня поэтом, а не любимой женщиной.

<...>

Догом тебя вижу, голубчик, то есть собачьим богом.

<...>

Грозный дог моего детства — Мышатый! Ты один, у тебя нет церквей, тебе не служат вкупе. Твоим именем не освящают ни плотского, ни корыстного союза. Твое изображение не висит в залах суда, где равнодушие судит страсть, сытость — голод, здоровье — болезнь: все то же равнодушие — все виды страсти, все та же сытость — все виды голода, все то же здоровье — все виды болезни, все то же благополучие — все виды беды.

Тебя не целуют на кресте насильственной присяги и лжесвидетельства. Тобой, во образе распятого, не зажимает рта убиваемому государством его слуга и соубийца — священник. Тобой не благословляются бои и бойни. Ты в присутственных местах — не присутствуешь.

Ни в церквах, ни в судах, ни в школах, ни в казармах, ни в тюрьмах, — там, где право — тебя нет, там, где много — тебя нет.

Нет тебя и на пресловутых “черных мессах”, этих привилегированных массовках, где люди совершают глупости — любить тебя вкупе, тебя, которого первая и последняя честь — одиночество.

Если искать тебя, то только по одиночным камерам Бунта и чердакам Лирической Поэзии.

Тобой, который есть — зло, общество не злоупотребило». («Черт»).

Был ли Мышатый прообразом того самого Соглядатая, о котором я упомянула в начале этой части статьи? Вопрос остается открытым. Мне представляется вероятной и другая версия.

М. Цветаева была Ребенком и Подростком, живущим в десакрализованную эпоху, где даже в храмах из-за их фарисейской омертвелости нет места для Христа и он вынужден являться к чистым душою детям в образе черта, дабы не быть принятым за сахарно-уродливый образ, которым защищаются от него фарисеи. Неся не мир, но мяч, разъединяющий с фарисеем, и в первую очередь — со своим внутренним фарисеем: «Первая же примета его любимцев — полная разобщенность, отродясь и отвсюду выключенность». («Черт»). Он вынужден являться в образе дога, символической Черной Собаки, сквозь которую избранник должен пройти с факелом глубинной любви, пронизать, подчинить ее всю — Любовью, как подчиняет страшного Змия копьем Любви святой Георгий — любимый персонаж поэзии Цветаевой, в честь которого она назвала сына, — после чего Змий послушно ложится у его ног, а после следует за ним, как на веревочке, а Черная Собака сбрасывает свою Черную шкурку и обнажает — ослепительный Свет.

Совсем не удивительно, что живя в таком десакрализованном мире и не смея довериться тому же святоотеческому учению, которое земная церковь обычно преподносит в тоталитарном дискурсе, Ребенок и Подросток может быть уязвим даже если ему уже не 8 лет и он великий Поэт. Более того, поэтому и уязвим, что Поэт. Ибо Поэт, по определению, — Ребенок и Подросток. А.Дугин пишет: «Подростковый романтизм, экстремизм, радикализм, вера в добро, мечты о «прекрасном принце/прекрасной даме» — все это не наивные штампы, навеянные лицемерной культурой, и не переходные отклонения. Нет. Как раз наоборот. Именно подростки несут в себе тайную память о том, как должны обстоять дела в нормальном традиционном обществе, где взрослая жизнь не скучная рутина механических прагматиков и социальных винтиков (пропитанных истерическим нарциссизмом и нервным цинизмом), как у нас, а непрерывное соучастие в мифе, в сказочной реальности, в ткани единого непрерывного круговорота. В этом круговороте грань между нормальным и сверхнормальным, обычным и чудесным, человеческим и божественным стерта, размыта. Окна и двери, распахнутые в первой инициации, остаются открытыми до конца земного пути. В них входят и выходят сущности тонкого плана, оживляя природу, быт, секс, войну, труд, отдых, страдания и радость. В этом и есть смысл сакрального. Именно оно утеряно в нашей нормальной жизни. И именно оно говорит о себе в тяжелой и страшной статистике детских и подростковых самоубийств.

Архаические пласты души подсказывают внимательному подростку: ты подходишь к черте, где природное существование прекратится. Эта грань — смерть. За ней — новая жизнь. Коварный разум может нашептывать любые доводы — неудачная любовь, проблемы в семье, неуверенность в себе и т.д. Но не разум, а дух говорит в юношах и девушках, выбравших столь страшный путь. Именно неосознанная, потаенная воля к сакральному, запечатленная в душе, знак особого духовного достоинства человека как вида, толкает на суицид. Так как сегодня нет инициатических ритуалов и сакральных обрядов, то вместо инициатической смерти и сакральной драмы, все кончается смертью тотальной, за которой, увы, не следует нового рождения. Но и в этом случае, поступающий так более прав, чем поступающий иначе. Признать мир взрослых таким, как он есть сегодня, не бросить ему вызов, не восстать против десакрализованного общества, где нет места ни мифу, ни Священному, может только существо духовно ущербное, еще более мертвое, чем трупы несчастных самоубийц». (А. Дугин. Русская Вещь).

«Милостливое сердце — это «горение сердца о всякой твари», о человеках, о птицах, о животных, **о бесах** — словом, о всяком создании... От постоянного терпения сердце соделалось сердцем младенца» (Св. Исаак Сирский)

«Благодать так действует и умирает все силы и сердце, что душа, от великой радости (милости), уподобляется незлобивому младенцу, и человек не осуждает уже ни эллина, ни иудея, ни грешника, ни мирянина, но на всех чистым оком взирает внутренний человек и радуется о целом мире...» (Св. Макарий Великий)

Через весь 20-ый век с его революциями, войнами, борьбой религиозных, политических и художественных течений Марина Цветаева пронесла и предъявила нам — Душу.

«Умейте только брать, выбирать».

2010г

Использованная литература

1. М. Цветаева. Собрание сочинений в семи томах.
2. М. Цветаева. Неизданное. Сводные тетради.

3. Г. Горчаков. Психоанализ М. Цветаевой.
4. С. Карлинский. Марина Цветаева.
5. А. Кирьянова. Две души Марины Цветаевой.
6. И. Кудрова. Поговорим о странностях любви: Марина Цветаева.
7. Н. Доля. Анализ «Письма к Амазонке» М. Цветаевой
8. Н. Доля. «Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою...»
9. А. Саакянц. Вст. статья и комментарии в кн.: М. Цветаева: Стихотворения и поэмы.
10. В. Швейцер. Быт и бытие Марины Цветаевой.
11. Н. Шлемова. Эстетика трансцедентного в творчестве М. Цветаевой.
12. Ариадна Эфрон. Страницы воспоминаний.

Гайдар против Хайдара: история двух капитанов

(Собственное независимое расследование)

Самое трудное знаешь, что? Когда ты считаешь, что надо делать одно, а тебе говорят:" Делай другое, И говорят хором, говорят самые справедливые слова, и ты сам уже начинаешь думать: а ведь, наверно, они и в самом деле правы. Может случиться, что правы. Но если будет в тебе хоть капелька сомнения, если в самой-самой глубине души осталась крошка уверенности, что прав ты, а не они, делай по-своему. Не оправдывай себя чужими правильными словами .

В. КРАПИВИН "Журавленок и молнии"

Мог ли автор "Голубой Чашки" А. Гайдар - быть убийцей женщин и детей? Как то утверждается в сомнительных в плане документальной достоверности публикациях двух последних десятилетий, апофеозом которых стала книга В. Солоухина "Соленое озеро"?

Некоторые лихо орудующие пером мастера обличительного красноречия и безропотно следующие за ними читатели полагают, что у Гайдара было два лика. Или что - он страдал раздвоением личности.

На самом деле - как следует из проведенного мною анализа, - было два Гайдара. Буквально – два или более разных человека, которых обманутые крестьяне-хакасы принимали за одного.

Точнее, у будущего писателя – был двойник или даже несколько двойников. Так молодого красного командира подставляло за его спиной его же собственное начальство, роя ему яму путем издевательства над местным населением, дабы свалить за это вину на посланца Москвы.

***

Одним из самых любимых писателей моего детства был Аркадий Гайдар.

После окончания школы – интерес к его творчеству как-то выпал у меня из сферы внимания, что было, как мне казалось, естественным, закономерным – появлялись новые

интересы, новые книги, новые авторы. А Гайдар, как мне представлялось, мною уже понят, усвоен. (Теперь понимаю – что еще далеко не усвоен, более того: не открыт – масштаб его личности приоткрывается передо мной только сейчас).

И я была не в курсе той крайне неприятной возни, полемики, клеветы, домыслов, неразберихи – словом, мути, которая поднялась вокруг имени писателя уже после.

Буквально на днях я с изумлением увидела в интернете слова «садист» и «фашист» в качестве эпитетов к имени своего любимого детского писателя.

Отодвинув все, я провела собственное блиц-расследование.

Я нарочно отодвинула на первых порах все-все документальные свидетельства как одной, так и другой стороны. То есть я их просто бегло просмотрела – и только.

Меня интересовал вопрос – мог ли писатель Аркадий Петрович Гайдар совмещать в себе как личность два столь разных, кардинально противоположных облика в духовно-психологическом смысле, что бы там не говорили факты?

Даже если бы все-все факты в пользу слов «садист» и «фашист», что называется, были представлены читателям в документально зафиксированном виде – кому и чему можно бы было верить вопреки тому, что видят собственные глаза?

Дело в том, что факты, одни только факты в нашем переменчивом мире – в мире идеологических войн - вещи крайне не надежные. Сент-Экзюпери предупреждал, что зорко – только Сердце. Поэтому факты – это факты, и только. Не более того. Каждый – делает свой выбор. Из любой комбинации фактов – свой внутреннее созвучный ему собственный выбор.

Выкладываю ниже результаты своих размышлений, основанные на художественно –интуитивном вглядывании в психологию писателя.

В первой части – содержится то, что было передумано и записано мной еще до знакомства с книгами двух непримиримых оппонентов – В. Солоухина и Б. Камова.

Один из них написал «Соленое озеро», изобразив Гайдара сущим дьяволом.

Другой – высветил совсем другой облик человека, воина и писателя – А. П. Гайдара.

Часть первая. **Первое общее знакомство с обвинениями в адрес А. П. Гайдара**

Мог ли автор "Голубой чашки" детский советский писатель Аркадий Гайдар - уничтожить в 1922г в Хакасии в качестве командира отряда ЧОН, боровшегося с отрядом белого атамана Ивана Соловьева – десятки и даже сотни крестьян-хакасов, топя людей в озере, бросая в колодцы детей и женщин, добивая свои многочисленные жертвы в затылок?.. Как то утверждается в похожей на непрерывную пулеметную очередь серии публикаций, направленных против писателя после вышедшей книги В. Солоухина «Соленое озеро», посвященной переворачиванию с ног на голову образа красного командира Аркадия Голикова во время его службы на Дальнем Востоке?
"Хозяин тайги" бандит Соловьев был действительно врагом сильным и расчетливым. И - немилосердным. Он даже умертвил 16-летнюю хакасскую девушку- разведчицу Настю Кукарцеву, с которой Голикова связывала нежная и трогательная дружба. Причем, жестоко замучив ее, поочередно отрубая ей саблей - каждый палец. От таких вещей - у кого хочешь мог бы помутиться рассудок.

На этот счет существуют две основные версии - по одной из них писатель был просто больной на голову человек, который одной рукой писал детские книги, а другой - убивал женщин и детей, вследствие чего потом не раз лечился от расстройства нервной системы. Аргумент, на первый взгляд, весомый - потомки уцелевших очевидцев утверждают, что у этого черного командира была кличка Хайда, так как он кричал на лошадей, погоняя их:

«Хай-да!». Да и другие сослуживцы-командиры из его отряда написали на Гайдара жалобу в органы власти и тот был отстранен от должности и судим по линии ГПУ и ЧОН за экстраординарное превышение полномочий, хоть и вину свою не признал. (Его даже чуть было не расстреляли).
По другой версии - Гайдар, которому тогда было всего 18 лет - стал жертвой клеветы. Это на него спихнули свои прошлые черные дела реальные черные командиры. Но при этом - в этих черных делах, которые ему инкриминировались, отнюдь не значилось зверств такого размаха, какие вырисовываются под пером пылких на ложь и сенсации журналистов.
Во время следствия от внезапно открывшихся фактов, стоявших за клеветой, Аркадий Голиков получил психотравму. Что, наложившись на травматический невроз, затаившийся в его организме после контузии, и сломало его армейскую карьеру. Больше он служить в Армии не смог.
Когда же Аркадий Голиков был отстранен от командования, он долго пытался восстановить здоровье и вновь возобновить военную карьеру. Но этого не удалось - здоровье было подорвано основательно.
И тогда он вернулся в ряды Бойцов иной, не менее плодотворной, опасной и полной драматизма дорогой - принялся писать книги, взяв псевдоним Гайдар.

Вот какой материал существует на сегодняшний день относительно происхождения псевдонима Гайдар:
«Когда в давние времена шли в поход воины-конники, они посылали вперед всадника. Этот всадник, скачущий впереди всех, всматривающийся в неизведанную даль, куда держал путь отряд, назывался Гайдаром.
Таким впередсмотрящим, ясноглазым дозорным был и сам Гайдар — Аркадий Петрович Голиков. Не случайно, должно быть, он взял себе этот звучный и много говорящий псевдоним. Псевдоним — вымышленное имя.
Гайдар — впередсмотрящий, всадник, скачущий впереди. Сын Гайдара Тимур предположил, что псевдоним его означает: Голиков Аркадий — друг армии.
Из других источников следует, что литературный псевдоним «Гайдар» расшифровывается как «Голиков АркадиЙ Д'АРзамас» (по подражанию имени Д'Артаньяна из «Трёх мушкетёров» Дюма). Автор третьей версии — школьный товарищ Гайдара Адольф Голдин. В школьные годы Аркадий Голиков был большим выдумщиком, романтиком, любил военные игры. Вот и зашифровал своё имя следующим образом. Г — первая буква фамилии «Голиков». А и Й — первая и последняя буквы имени «Аркадий». Д — по-французски означает «из». АР — начальные буквы названия города Арзамаса».

Также я можно встретить и такие версии-легенды: гайдар – это в украинском языке – пастух овец, среди которых маленький Аркадий проводил свое счастливое, полное романтики ранее детство. Про происхождение фамилии Гайдар эксперты-генеологи также пишут: «Фамилия Гайдар восходит к аналогичному прозвищу, которое, вероятно, образовано от украинского слова «гайдарь», что на русский язык переводится как «овцевод». Менее вероятно, что фамилия Гайдар образована от просторечной русифицированной формы арабского имени Хайдар - Гайдар, которе в переводе означает «лев».

Помимо этого, в одном из диалектов хакасского языка слово "хайдар" означает:"Куда?.. Где?..". Отметим во всех случаях тонкий и глубокий символизм, пронизывающий все эти значения. Последний смысл особенно любопытен, ведь он иносказательно означает: "Где Гайдар?.. Куда идет его дорога?"

А еще существует воспоминания о том, как Гайдар сам рассказывал, что однажды к нему подошла незнакомая хакасская женщина и, всмотревшись в всадника, ласково гладя его коня, сказала: «Гайдар!». И это – Аркадию понравилось…

Не исключено, что многоплановый псевдоним включал в себя все эти значения. Но, по моему мнению, он ими не исчерпывается - в качестве ЯДРА окутанного всеми этими значениями-символами своего писательского Имени - Аркадий Голиков выбрал переделанное и переосмысленное, развернутое на другой лад прозвище своего врага – прозвище «Хайда». И выбрал его - по очень понятным причинам: он очень хотел разоблачить организаторов кровавой резни над хакасами, но другой, "черные" командиры упредили его, повесив вину за убийства - на самого Голикова.... А может, он и узнал-то всю правду – да и то, еще не до конца раскрывшуюся, только на судебном разбирательстве, представ на нем уже в качестве обвиняемого. Голиков не смог как следует оправдаться, хоть и вина его не была доказана, но - дал себе слово всю жизнь бороться с подобными подонками. Он решил показать в своих книгах - образ светлого рыцарства. Его красные командиры - полностью противоположны тому ненастоящему, быть может, собирательному "Хайдару" (таких лихо машущих шашками «хайдаров» было в отряде немало), который, борясь с бандой Соловьева, не останавливался перед жестоким шантажом, пытками, унижениями, а иногда и массовыми расстрелами мирных жителей, включая стариков и несовершеннолетних. Так несправедливо уволенный из Армии красный командир Аркадий Голиков стал вместо отвратительного преступника Хайды – благородным Гайдаром.

Итак - Аркадий Голиков взял в качестве псевдонима прозвище своего идейного, духовного и личного врага - и показал в своих книгах образы другого командира, других героев, другой страны, другого духовного начала... То, другое - подлинное, освободительное начало – начало Гайдара-защитника, воина-защитника – в противовес Хайдару-преступнику, и увидела в всаднике Голикове прозорливая хакасская крестьянка. И – погладила его боевого коня, как бы по-матерински благословив.… Это воспоминание могло послужить в дальнейшем впечатлительному Голикову мощным стимулом для переворачивания прозвища Хайдар – в его противоположность. Но, как это часто бывает с подобными людьми, - люди не поняли подобного благородства... Потомки выживших в Хакасии жертв тех кровавых событий, прочитав позже в книгах писателя А. Гайдара про то, что он служил в юности в Хакасии, решили (фото за давностью лет никто не видел), что это и есть тот самый убийца-Хайда.
Так Хакасский народ стал считать писателя Аркадия Гайдара - злым гением своего народа...

Вот он – это только один из устных, пусть и мифологизированных, портретов - потомки хакасских крестьян оставили в передаваемых из уст в уста путанных воспоминаниях его образ и характер – другой человек, другой командир (помощник, комиссар?) вверенного Голикову подразделения, которого, по-видимому, тоже звали Аркадием (хотя и не обязательно – память выживших крестьян могла потом невольно соединить Хайдара с именем Голикова):

"Гайдар" — слово чисто хакасское. Только правильно оно звучит не "Гайдар", а "Хайдар"; и означает оно не "вперед идущий" и не "вперед-смотрящий", а просто "куда". — Ну и почему же Голиков взял себе в псевдонимы хакасское слово "куда"? — А его так хакасы называли. Кричали: "Прячьтесь! Бегите! Хайдар-Голик едет! Хайдар-Голик едет!"

А прилепилось это словечко к нему потому, что он у всех спрашивал: "Хайдар?" То есть куда ехать? Он ведь других хакасских слов не знал. А искал он банду Соловьева. И самого Соловьева ему хотелось поймать. Его из Москвы специально прислали Соловьева ловить, а никто ему не говорил, где Соловьев прячется. Он подозревал, что хакасы знают, где Соловьев, знают, а не говорят. Вот он и спрашивал у каждого встречного и поперечного.

"Хайдар?" Куда ехать? Где искать? А ему не говорили.

Один раз в бане запер шестнадцать человек хакасов. "Если к утру не скажете, где Соловьев, всех расстреляю". Не сказали. А может, и не знали, где Соловьев, тайга ведь большая. Утром он из бани по одному выпускал и каждого стрелял в затылок. Всех шестнадцать человек перестрелял. Своей рукой.

А то еще, собрал население целого аила, ну, то есть целой деревни... Семьдесят шесть человек там было. Старухи и дети, все подряд. Выстроил их в одну шеренгу, поставил перед ними пулемет. "Не скажете, всех перекошу". Не Не сказали. Сел за пулемет и... всех... А то еще в Соленом озере, да в Божьем озере топил. В прорубь под лед запихивал. Тоже — многих. Тебе и сейчас эти озера покажут. Старожилы помнят...Это у нас в Хакасии происходило…". (В. Солоухин «Соленое озеро»).

Образ этого «героя», масштаб его злых деяний – доведен до гиперболы вселенского Зла. Не факт, конечно, что в реальности он был настолько уж ужасен. Соленое озеро с его окрашенными в цвет человеческой крови водами – в данном случае лишь метафора.

Вероятно, этот человек по прозвищу Хайдар служил в Хакассии еще до того, как туда прибыл с новым назначением новый командир - Аркадий Голиков, и, по-видимому, продолжил служить под его началом. А так как юный Голиков отличался большой прямотой и доверчивостью, его легко можно было «обвести вокруг пальца», верша за его спиной дела, которые совершил тот, другой.
Ведь в то время – он еще не был Аркадием Гайдаром.
Гайдаром (Хайдаром) был – другой!

Известно, что в окружении нового командира очень хотели избавиться от неудобного свидетеля царивших в отряде безнаказанности и разнузданности, следов былых похождений, разгоряченной жажды славы. И писали на него доносы и жалобы. Поэтому необходима была подстава, клевета.
Такой подставой, западней для Голикова – стали совершенные за его спиной преступления над хакасами. За такое командира бы уж точно сместили, а то и вовсе могли б – расстрелять.
Поэтому, я думаю, хакасы – очевидцы тех событий, отнюдь не стремились исказить, очернить облик будущего писателя, оклеветать его. Они пересказывали то, что видели и слышали.
Но что они видели?..
Можно ли было в данном случае ВЕРИТЬ СВОИМ ГЛАЗАМ?.. Верить только ФАКТАМ?

Вся эта ситуация просматривается в «Школе», «Судьбе барабанщика», в «Военной Тайне», "Графских развалинах", "Тимуре и его команде" и других повестях, рассказах и фельетонах писателя: его лучшими героями – как взрослыми, так и мальчишками – нередко прикрываются, как щитом, - причем, расчетливо выверяя каждый шаг, подлинные преступники. Иногда у такого героя есть товарищ - антипод, или противник из другой дворовой команды, с которыми они связаны детскими - еще пока детскими - играми. Эта потенциально опасная для героев ситуация - опасная в плане возможных преткновений у одной стороны и падений у другой - пребывает у детей еще в зародыше, она может развиться - или не развиться, вылившись, напротив, во что-то светлое. Поэтому писатель предостерегает в «Голубой чашке» одного из мальчишек, обозвавшего товарища фашистом за какую-то не столько жестокую, сколько неумную проделку: «Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

– Папа, – сказала она мне. – А может быть, он вовсе не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? – спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо».
Тот же мотив прослеживается и, например, в "Графских развалинах". Про появившегося в деревне пришлого, никого не подпускающего к себе, а стало быть - таинственного, тайно ютящегося среди голода и холода на графских развалинах мальчика-беспризорника жители от мала до велика распускают невероятные слухи - о его невероятной жестокости, желая прикрыть собственные страхи, комплексы, непорядочность или просто проделки. Изображая его способным съесть живьем козла, а может - и человека... И только такие же чистые душой другие мальчишки, увидев этого черного, как трубочист, внешне похожего на чертика, несчастного и доброго ребенка, смогли разглядеть его подлинный внутренний облик. Поэтому ставший для всех грозным пугалом мальчик не стал, встретившись с ними, притворно грозить им, а просто от души рассмеялся над рассказом о себе:

" Яшка сел. Беспризорный засунул руку в карман и, к величайшему изумлению Яшки, вынул оттуда маленького живого воробья и поднёс его ко рту.

— Сожрёшь? — негодуя, воскликнул Яшка.

Беспризорный вопросительно поднял на Яшку маленькие ярко-зелёные глаза, подышал теплом на воробьёнка и ответил:

— Разве ж воробьев жрут? Воробьёв не жрут и галок тоже не жрут. Голубь — тут другой разговор. Голубя ежели в угольях спечь — вку-усно! Я их из рогатки бью.

Он сунул воробья за пазуху рваной бабьей кацавейки и, протягивая Яшке недокуренную цигарку, предложил:

— На, докури.

Машинально Яшка взял окурок и, не зная, куда его девать, спросил несмело:

— А козла ты зачем съел?

— Кого?

— Козла… Сычинного. У нас ребята говорят, что ты его упёр на жратву.

Беспризорный хлопнул себя руками по бокам и звонко расхохотался. И пока он хохотал, оцепенение начало сходить с Яшки, и беспризорный представился ему в совершенно другом свете. Яшка рассмеялся и сам, потом подскочил и затряс кистью руки, потому что догоревший окурок больно ожёг ему пальцы."

Сегодня, когда Россия и другие бывшие республики СССР подвергаются "промывке" мозгов со стороны западных "друзей и партнеров" - особенно важно тщательно разобраться с нашей исторической памятью, понять, кто есть кто и что есть что. Это необходимо в первую очередь нам - для выбора правильной дороги. Ведь иначе мы рискуем выпасть из своей собственной жизненной судьбы, - уничтожить собственную, не вмещающую столь два кардинально противоположных разных образа своего исторического прошлого, национальную память. Сталкивая черное и былое и меняя их местами, подменяя одно другим - клеветники целенаправленно разрушают наши потенциальные возможности, сбивая нас с предначертанного нам пути Света, а не лжи, крови и насилия.

Все это писатель А. П. Гайдар описал в своей лучшей повести "Военная Тайна", куда входит и прекрасная Сказка о Мальчише - Кибальчише и предавшем его и его Дело - Мальчише-Плохише. Эта сказка - КЛЮЧ к событиях в Хакасии. Писатель написал ее в тяжелый период жизни, мучаясь так хорошо видимой для других, но непонятной им виной, которая заключалась в том, что благое дело, за которое он боролся в юности, оказалось - делом сомнительным, полным неизвестных сторон, которые открылись ему, как и большинству простых людей из народа, лишь в последствии. Эта невидимая другим внутренняя сторона его больной, а на самом деле - просто очень чуткой совести и приводила его всякий на больничную койку, превратив его существование, фактически, в

жизнь инвалида. Честный человек режет в первую очередь по живому СЕБЯ. И реально, и фигурально - известно, что в особенно трудные дни он иногда хватался за бритву и полосовал сам себя. Писатель страдал после контузии посттравматическим неврозом и ужасными головными болями. В течение жизни он 8 - 9 раз госпитализировался в психиатрические лечебницы - причем, ведь еще не известно почему Гайдар столько лечился: может его, как и Есенина, специально"залечили" - времена были жуткие, подлые, известные люди все были под прицелом - особенно такие, которые могли молчать с трудом сжав зубы. Но погиб Гайдар при этом не на больничной койке, а в бою, в годы Великой Отечественной войны - с автоматом в руках, в партизанском отряде, куда ушел добровольцем. Было ему – 37 лет. Возраст уходящих до срока российских поэтов.

Но несомненно и то, что все тайное – когда-нибудь становится явным. Не приходится сомневаться, что придет время, когда Имя и Дело Аркадия Петровича Гайдара снова вернутся. Светлый образ духовного рыцарства - не может навсегда стереться из глубин нашей человеческой Памяти. Не приходится удивляться, что наиболее ожесточенным нападкам очернителей подвергся в русской литературе именно такой человек. Ведь его книги, дела и личность – можно приравнять к оружию против массового поражения человеческой души ржавчиной и плесенью. И в первую очередь – детской души.

Попробуем представить и прояснить для себя, как действуют на человека внезапно открывшиеся неизвестные стороны людей, дел и событий, в которые он верит и считает кровно «своими». Пока он верит и не замечает подвоха – он способен к полноте бытия и ничем не сковывающую волю действию. Слово и дело такого человека – абсолютно едины.

Но вот он вдруг внезапно узнает о предательстве.

Включившись мгновенно, без паузы, две взаимоисключающие установки разной направленности и одинаковой силы (разной вертности, как сказали бы в науке соционике) – вызывают внезапное торможение и погашение, сбой витального (сознание) и ментального (бессознательное) колец (я схематично изображаю это в терминах Модели А в не всеми признанной пока молодой науки соционики, пограничной между психологией и всеми остальными науками о человеке – не углубляясь сейчас в детали. Модель отражает разноуравневую психическую структуру в ее высшем архетипическом смысле)… В результате – «точка» сборки, находящаяся где-то между сознанием и подсознанием – становится неустойчивой, вибрирующей, сбивчивой. Она как бы все время находится в свободном парении. Между двумя полушариями – возникает диссоциация, степень которой зависит от того, как скоро индивидуум сможет вновь развести по разные стороны дихотомии – две наложившиеся друг на друга взаимоисключающие противоположности. В худшем случае – Модель может выключиться, погаснуть на всю оставшуюся жизнь. В этом случае индивидуальность словно замрет, превратившись, говоря образно, в соляной столб. А душа – отправиться в свободное скольжениям по льдам дворца Снежного королевства.

Да, некий человек (эта идея, сообщество людей и т. д.) – оказался предателем.

Но это не значит, что – неверна в корне та жизненная стратегия, которой следовал до этого столкновения с ее отрицанием герой.

Нежизненно как раз обратное – наложенное с чужой подачи соединение в одной символической фигуре двух взаимоисключающих начал. Правда и Ложь, Друг и Враг, Мать и Снежная королева, Любовь и Ненависть и, в конечном итоге – Бог и Дьявол – взаимоисключающие сферы как на понятийном, так и на бытийно-экзистенциальном уровне. Нет, Свет – это не обратная сторона Тьмы, а Тьма – не обратная сторона Света. Эти две дихотомии могут потом опять сойтись вместе, перестав сталкиваться и бороться между собой, только разойдясь по разным полюсам. Там, на Полюсах – негативная сторона (Тьма) должна сначала преобразиться, очиститься от груза отягощенной энергии

и энтропии и - только потом вновь интегрироваться с Полюсом Света – уже как чистая, непротиворечивая, включенная в него позитивная энергия.
В нашей же культуре принято соединять в одно, сталкивая их, несводимые друг к другу противоположные, а часто еще и разноуровневые сферы бытия, не дифференцируя понятия, называя порой одними и теми же словами – совершенно разные вещи. Что порождает путаницу в сознании цельного, честного, искреннего человека, слово и дело которого еще едины. Особенно – если этот человек еще незрелый ребенок с неоформившимся понятийным аппаратом. Так возникает конфликт между Законом и Благодатью, Буквой и Духом, Справедливостью и Милосердием, Лицом и Маской. Эта ситуация превосходно описана апостолом Павлом в Послании к Римлянам:
«Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех.
Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу.
Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю.
Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех.
Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое.
Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих.
Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?
Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха. (Римлянам 7:14-25)».

Для освобождения от этой путаницы – надо всего лишь поверить Иисусу Христу, который делает именно То, что Хочет – делает Доброе, так как это и есть его истинное сокровенное желание, его подлинная, Богом созданная природа. Внутренний Кристалл Иисуса Христа и его учеников (таким учеником может стать любой искренний, бескомпромисный в отношениях с самим собой, голосом своей совести, искатель Истины) способен снова "включить" погашенную в той или иной степени Модель (Структуру) психики человека, сняв с него даже узы одержимости. Снова наполнившись исходящей Свыше Любовью - внутренний Кристалл личности вспыхивает и расцвечивается всеми красками истинного Бытия. Человек начинает видеть подлинную природу Добра и понимать зло как искусственно внесенную путаницу, умаление Добра, непопадание в цель (грехопадение). Зло рождается - в результате разъятия первоначальной Цельности из-за какого-то искусственного столкновения с действительностью. На мой взгляд, в кристаллической Модели психики нет деления на выделившиеся уже в падшем состоянии жесткие противоположности, которые потом уже приходится всякий раз опознавать (познавать), дифференцировать и разводить по разные стороны. А это уже - лишняя, тормозящая, убивающая, замедляющая время работа, которая была бы вовсе не обязательна, сохрани мы Цельность (Самость). Главный ее минус в том, что она мешает жить Здесь и Сейчас и затуманивает реальность. То же, что известно в соционике (науке, положившей в свою основу психологию К. Г. Юнга) как Модель А, описывает психику и поведение человека через выделившиеся позднее, уже в этом разъятом состоянии - для его компенсации, четыре дихотомии – пары противоположностей. Большинство людей и живут в секторе этих дихотомий:

рациональность–иррациональность;
экстраверсия–интроверсия;

логика–этика;
сенсорика–интуиция.

В этом случае неизбежно формируется механизм вытеснения негативных сторон восприятия, не совпадающих с удобной (взамен истинной) картиной мира - и формируются Маска (Персона) и противоположная ей Тень. Так выделяется ложное Эго - взамен разрушившегося высшего Я...
Но Великое Возвращение возможно - реинтеграция возможна!
Вновь включить кристаллическую Модель психики, наполнив ее живой субстанцией Любви, могут великие Учителя Человечества - они были всегда и всюду, во все времена. Главное - честно и искренне настроиться на эту волну и - что называется - поймать ее.

Сложность жизненной судьбы попавшего в общую воронку Судьбы своей страны в столь непростые, драматичные времена Гайдара - и это тоже знамение времени - усугублялась тем, что он был неверующим человеком. Писатель вырос в семье педагогов-идеалистов, романтиков, горячо принявших революцию. Существует легенда, что мать сама благословила несовершеннолетнего сына на уход в Красную Армию. Соответственно, выходить за рамки сугубо материалистических представлений о реальности он не мог. И - испытывал жесточайшие кризисы от попыток совместить несовместимое, втиснуть все не укладывающееся и разрозненное, в прокрустово ложе идеологических схем. Его духовному собрату, современному детскому писателю Владиславу Крапивину, считающему Гайдара одним из своих главных, наряду с А. Грином и К. Паустовским - нравственных и литературных учителей - повезло в этом смысле больше. Он тоже вырос в семье педагогов, но - верующих педагогов, научивших его уважать Евангелие. Поэтому Крапивин с самого начала понимал свои идеалы как духовое рыцарство, не привязанное к идеологии. Соответственно, он был свободен от схем и ему не приходилось длительно разбираться с ними. Крапивин даже пионерские галстуки понимал как символ Алых Парусов, то есть Мечты, кровно связанной с реальностью, хотя эта реальность далеко выходит у него за рамки исторического материализма. Он не был ограничен идеологиями, и Мечты его - не разрушались от грубого столкновения с действительностью. Что придало ему силы деятельно жить и плодотворно трудиться в соответствии со своими идеалами во все времена, как советские, так и - постсоветские.

По свидетельству близко знавшего Гайдара Б. Закса, тот в период обострения болезни выглядел и вел себя как человек, пребывающий во хмелю. Хоть писатель и не был трезвенником, но некая спутанность в сознании могла с некоторых пор одолевать его и до приема первой рюмки. С такой спутанностью он и оказывался в психиатрических лечебницах. Плюс – портилось без видимых для других причин настроение, возникали тревожность, тоскливость, временами – отчаяние, злость.
На мой взгляд, спазмы сосудов на почве посттравматического невроза, безусловно, усугубляли эту симптоматику. Но причина была не в травматическом неврозе.
Психофизиологическая причина заключалась в неустойчивости связей между двумя полушариями. Шаткость же психофизиологии – вытекала из подорванности некогда цельной картины мира, в которую верил с детства Аркадий Голиков как в безусловное Добро. Невероятный гайдаровский жизненный путь – органично вытекал из свойственной ему с детства невероятно цельности натуры, ориентированной на высочайшие нравственные идеалы. Аркадий вступил в Красную Армию необычайно цельным человеком с целостным самосознанием. Даже потом, уже будучи болен, он сохранял прекрасную фотографическую память – помнил в деталях карты, географическую местность, запоминал с первого прочтения стихи и прозу, мог цитировать по памяти свои произведения. Мог – воспринимать и обдумывать большие массивы информации. Это

свойство – целостного самосознания.

Но вот идеалы грубо попраны людьми, которых он считал абсолютно своими. И – теряются, размываются грани между «своими» и «чужими». Картина спутывается. Человек же чувствует себя словно идущим по волнам к лодке с стоящим в ней Христом апостолом Петром. Он проваливается в воду, так как вера его – с некоторых пор нетверда, размыта. Но и опереться при этом не на кого - в лодке в данном случае он не видит Христа.

Волны сомнений в такие периоды способны пустить на дно даже такой необычайно целостный корабль, как Аркадий Гайдар.

Но как раз такие корабли – и подвержены столь сильным бурям. Они и созданы для того, чтобы их преодолевать. Хоть сталинская эпоха с ее закручиванием гаек и непрерывно набирает обороты…

А ведь модель правильного понимания того, **что есть что** и **кто есть кто** - прекрасно прописана в Новом Завете. Это истины - годные на все времена. Перед нашим внутренним взором разворачивается грандиозная картина подмены - когда ценности людей с искаженным, разъятым, суженным видением так умозрительно искажены - что они не узнают Человека (Сына Бога, Богочеловека), представляющего пославшего его Бога, с которым Он суть Одно. По их мнению, Спаситель должен быть совершенно другим - напыщенным, обманывающим сам себя, справедливым до жестокости. Не справившись с этим противоречием двух образов - фарисеи очерняют Иисуса и в конечном итоге распинают его как разбойника. Воистину трагическая, повторяющаяся - не раз повторяющаяся в нашем мире картина! Спаситель становится жертвой, а его вечный враг-оппонент - черным Мессией.

Нет, Бог не двуликий Янус. Враг - это не оборотная сторона друга, а друг - не обратная сторона врага. Но все так запутано, что порой и друзья могут показаться или даже оказаться врагами, а враги - вдруг стать друзьями. И, тем не менее, пока враги – все еще враги, а друзья – еще не друзья, необходимо ясно осознавать и разграничивать, временно разводить их, как и свои представления о них - по разным полюсам. Как писал один из известных соционików А. Букалов, «Не бывают неправильных отношений. Бывают – неправильные дистанции». Даже враг – может стать для тебя косвенно приносящим пользу Черным учителем, но это не означает, что нужно безропотно идти ему навстречу так, как идет, например, кролик к Удаву.

Необходимо, однако, при этом помнить: Зло - это не неизбежный спутник Жизни. Оно - лишь умаление Добра. А это значит, что бытие Зла - не субстанционально. Нет такой субстанции - Зло. Энергия Зла - это искаженная, спрессованная, заблокированная энергия не реализуемого нормальным, естественным, законным образом Добра, естественной потребности в Любви, Красоте, Правде, Справедливости, Благородстве.

Повторюсь – не так опасно разведение Добра и Зла, Света и Тьмы – по противоположным полюсам (но не фанатичное, то есть искусственное, а мудрое, полное со стороны Света и Добра – понимания обманчивости природы тьмы и зла, глубинных причин его деструктивности), чем – смешение их, превращение в серый сумрак.

Увы, большинство людей – живет в этом сумеречном свете: на обыденном уровне существования, что означает – неразличение: жизни и смерти, бытия и не-бытия. На этом уровне – жизнь только снится.

Пробудившись же, человек начинает тянуться к подобному и отталкиваться – от противоположного. Его внутренние потенциальные начала – дифференцируются.

Если в индивидууме накопилось слишком много инерции, энтропии, невежества, то есть Тьмы, то – не получая удовлетворенности, он начинает искать выход из НЕ - бытия. И – бессознательно тянутся к противоположному Полюсу, полюсу Света, объявляя тому войну (ведь он не знает другой формы взаимодействия). Эта агрессия является на самом деле деструктивной, замаскированной просьбой о помощи, основанной на

жажде подлинности и Любви.

В связи с этим – данную ситуацию можно проследить по жизнеописаниям святых – в предельной разведенности Полюсов грешники и святые тянуться друг к другу. Первые – чтобы вырвать для себя свою долю жизненности (убив другого), а вторые – чтобы вырвать своих потенциальных убийц из тисков Небытия. В этой ситуации – или грешник может стать, обратившись, святым. Или святой – стать грешником (не устояв, пойдя по пути соблазнов). Именно поэтому при воплощении Иисуса Христа – вокруг него группируются, стягиваясь кольцами – как голуби, так и вороны, как агнцы, так и хищники. Но ни тем, ни другим – до срока не видна, не понятна Цельность Иисуса.

Но эта Цельность – может перейти в наследство к любому, кто сумеет честно и беспристрастно взглянуть на себя и свое существование – взглянуть широко открытыми глазами. Взглянуть – и захотеть вернуться к Себе, когда-то утраченному. Поэтому Иисус и говорит, что идущие за ним – могут делать то же, что может делать и он, и даже, быть может, и больше, чем Он.

Языком юноговской психологии можно сказать, что Христос – это носитель (воплощение) Самости, языком соционики – что он воплощает Социон (Модель А), а на языке прозы В. Крапивина – можно сказать, что он – Тот, кто связан с Великим Кристаллом, то есть тот, кто, раскрыв свой внутренний Кристалл, абсолютно гармоничен и снаружи, и внутри и связан с любой гранью Мироздания, нити которого тянутся к пребывающему в Центре Мироздания - Великому Кристаллу (Одной из Форм Абсолюта, Бога). Кристалл у личности – находится в его духовном Сердце. Раскрыв его – человек становится Сердцем. Сердца Бога и Человека – невидимо связаны…

В специальной литературе по психологии можно прочитать про изменчивость природы архетипов коллективного бессознательного. Такие архетипы, как Мать, Герой, Мудрец и т.д. – подобно древнегреческим богам и героям, на которых развивающийся человек западного типа проецировал некогда свое бессознательное – действительно содержат в себе в качестве потенциала свою противоположность, так как человек наделен свободой. Человек свободен устремиться к противоположному Полюсу. В зависимости от того, какие им движут мотивы, он может даже дойти до водораздела, за которым начинается точка невозврата и – скачок в свою полную противоположность. Вот тогда-то Герой превращается в Анти-Героя, Мать – с Снежную Королеву, Мудрец – в Глупца и т.д. и т.п. Тогда-то – и возникают перевертыши.

Но это никак не означает, что это – норма жизни. Сие – норма «падшей» жизни «падшего» человека. Безразличие к добру и злу, недеффиренцированность, переходы часто беспринципных древнегреческих богов в свою противоположность – это, так сказать, детство человечества. То, что принято называть язычеством.

Пантеон греческих богов, как и многочисленные боги в индуизме отражают состояние дел внутри и снаружи – уже «падшего», то есть утратившего цельность, человека. Но они могут использоваться верховной Личностью Бога как инструменты для выведения такого человека из его плена.

Это не то Высокое Золотое Детство, где некогда пребывала наша основанная на Цельности Самость. В некогда цельной Природе Человека, соединенной с Богом – отсутствовало деление на Свет и Тьму и другие пары противоположностей, воспринимаемые в юнговской психологии как дихотомии (рациональность-иррациональность, экстраверсия-интроверсия, разум-чувства, интуиция-ощущения).

«Нельзя Человеку жить по нормам язычества!» - вот главный посыл вестника этого Высокого Детства – еще не понятого, не открытого во всей своей глубине детского (только ли детского?) писателя Аркадия Гайдара. Хоть он часто и сам не понимал, что происходит – ведь в духовно-мировоззренческом смысле в доставшуюся ему историческую эпоху было совершенно не на что опереться. Духовная литература и

духовные учителя были изгнаны из страны Советов. И человеку приходилось проходить тяжкий путь познания и самопознания, уходов от Себя и возвращения к Себе – исключительно на собственном опыте. Но зато этот опыт – становился поистине непреходящей ценностью. Это – живой опыт.

У А. П. Гайдара была своя Нить Ариадны, держась за которую он мог выбираться из любых ям, куда периодически заносили его периоды разбалансированности правого и левого полушарий (на самом деле полушария разбалансированы у всех – кроме вернувшихся в Детство или никогда из него не уходивших). Этой Нитью было высокое, чистое горнее горение его огненного духа. В нем сгорали все наносные, искусственные барьеры и искажения, правильно разрешаясь в Творчестве. Благодаря этому горению, ценой нечеловеческого напряжение сил и воли - Гайдар не только не утратил своих подлинно-человеческих идеалов, но и сумел создать для наших читателей образцы, годные на все времена, если только суметь вчитаться в гайдаровское слово. Даже разбиваясь вдребезги, души таких людей - не умирают. Осколки их большой души становятся невидимыми мерцающими звездами, хранящие мирное небо над головой. Мы плохо осознаем, как много сделали для нас книги Гайдара. По мнению В. Крапивина, если бы предвоенные поколения молодых людей не выросли на книгах Гайдара, среди которых значилась и «Тимур его команда», а также на книгах других детских советских писателей предвоенной поры - они, быть может, и не выиграли бы войну. Таких людей как Гайдар метят "черной меткой" враги и предатели - реальные предатели и враги, такие как Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев и многие другие, опиравшиеся на предателей более мелкого калибра. Это те самые "совсем сумасшедшие", которые, по меткому выражению Л. Толстого, правят миром, в то время как более разумные, честные, благородные люди - не могут вписаться в эти сомнительные ценности и по большей части воздерживаются.
Но воздержаться - не удастся.
Пока мы воздерживаемся - реальные, а не объявленные таковыми и отправленные в сталинские лагеря - враги не дремлют. Они всегда могут возвести напраслину и вывести из строя наиболее деятельных и жизнеспособных борцов с Системой, каковым, несомненно, и был Гайдар. "Сын за отца не отвечает" - ерничал Сталин. Но Гайдар - отвечал перед своей совестью за поворот вспять, внесенный Отцом народов в первоначальную светлую идею социализма. Река развития страны - потекла вспять, и все получилось - как получилось... Гайдар чувствовал ответственность и за пролитую кровь своих обманутых соотечественников, которых судьба страны развела временно по разные полюса в годы гражданской войны - хоть он и проливал его в честном бою, по всем законам военного времени. Но разве кровь когда-нибудь проливалась на Земле законно?.. Но самым большим кошмаром Гайдара были сны о душах десятков и сотен убитых хакасов - душах, к гибели которых он не имел никакого отношения, но масштаб злодеяниями над которыми его ужаснул и потряс. Нет, он не вытеснил в тень подсознания эти жуткие воспоминания, он жил и мучился вместе с ними. Прикасаясь горячим, чутким сердцем ко всему на свете - он навсегда сохранил вечную молодость. Но такие-то люди - и сгорают до срока.
Воистину - кто сохранит свою душу, тот - потеряет ее, а кто потеряет - сохранит.

В 1938 среди репрессированных оказалась и бывшая жена Гайдара Лия Соломянская. Гайдар не побоялся позвонить самому Ежову и потребовать освободить ни в чем не повинную женщину. Никто никого не освободил. Однако Гайдара при этом не тронули. Вероятно, с точки зрения властей срок для «идиота» еще не пришел. Но он все время жил в тревожном ожидании ареста. Нервы он успокаивал в Мещерском краю - в доме своего друга К. Паустовского.
Гайдар столкнулся с невозможностью реализоваться в таком государстве иначе, чем

через литературную деятельность. Но деятельная, кипучая его натура не умещалась только в литературу и энергия, не находя выхода, обращалась против себя. Словно лев, ходил он по вольеру отведенного ему скудного жизненного пространства накинутой на всех «железной» рукой Вождя и Учителя– железной клетки, тогда как его домом и воздухом была вся Родина – свободная, широкая, поднебесная, не знающая пределов за горизонтом, движущаяся журавлиный клином к своему небесному Отечеству. Он видел эту Родину, что называется, в Уме… И видел – как ее сбивают, словно огромную слепую птицу… Что не могло не сказываться на здоровье.

Однако он не ушел от действительности в царство грез, испугавшись за вдруг проглянувшей за лицом старшего Друга и Учителя – маской Снежного Короля. Не выбрал в гамлетовском вопросе пункт «Не быть». Мечты и фантазии его ничуть не утратили былого горения, внутренней наполненности, красоты, не стали холодными и отвлеченными.

Свидетельство этому – один из последних творческих успехов писателя – лирический шедевр «Голубая чашка».

Голубая чашка – и есть символ чистой, но хрупкой человеческой души, которую можно и спасти, и убить – просто словом. Внешняя ее оболочка – только сосуд для внутреннего содержания. Отец, - лирический герой самого Гайдара - и его шестилетняя дочь Светлана (у писателя не было дочери – был сын Тимур, который жил с ушедшей от писателя женой) – не придают слишком большого значения этой внешней форме. Для них – суть важнее формы. Чего нельзя сказать о Марусе, которая сердится на них за слишком, по ее мнению, несерьезные, излишне непрактичные занятия – такие, к примеру, как установка вертушки на крыше. Только что Маруся проводила на вокзал своего старого товарища - полярного летчика… Чувствуется, что между мужем и женой – наметилось какое-то недопонимание. Эта напряженность снимается Марусей – через упреки, пик которых достигает к следующему утру, когда она замечает разбившуюся в погребе голубую чашку и просит сознаться, кто ее разбил. Но не отец, ни дочь – не разбивали голубой чашки. Обидившись на недоверие не поверившей им Маруси и ее придирчивое настроение, они уходят втихаря из дома и целый день идут и идут вдаль, впуская в себя мир за пределами дома. Постепенно теплое родственное чувство расширяется, распространяется у них на родство со всем добрым и хорошим, что ни встречается им на пути. Навстречу им струит свои ласковые лучи счастливое, лучезарное солнце. Вся природа – пронизана этой тонкой, светлой лучезарностью, прозрачным, горячим, нежным воздухом, струится, переливается, сверкает, пробегают речки, прыгают по дороге, купаясь в дорожной пыли, воробьи, пробегают кошки и собаки… Но главное – это встреченные люди – дети, старики, женщины, ведущие боевые учения на полях солдаты и офицеры… Каждый из встреченных людей старается рассказать отцу и дочери о своей маленькой, скопившейся на сердце обиде, из которой может когда-нибудь в будущем родиться большое недоверие. Отец и дочь подбадривают, утешают, мирят людей, объясняют им, что – не стоит придавать слишком большого значения внешнему выражению дружеских чувств людей. Отец мудр, терпелив, немногословен и в то же время предельно искренен. Он раскрывает перед дочерью – собственную душу, не столько словом, сколько личным примером, показывает ей, как надо понимать скрытые мотивы людей. Он показывает ей то светлое, чем жив человек – в самом себе, в природе, в других людях, во всей окружающей неизбывной действительности, постепенно расширяющейся все больше, уходящей за горизонт в голубоватой дымке ясного чистого воздуха под безмятежным небом среди ослепительно белых облаков, хоть безмятежность и нарушается звуками военных учений, напоминающими о том, что мир – не без войн.

И в конце этого долгого, удивительного дня-праздника дочь становится настолько чутка в этой прозрачной, физически ощутимой открытости, распахнутости к бытию, что может теперь так тонко прикоснуться изнутри к проступившей навстречу душе отца, что находит

нужные слова для того, чтобы развеять его опасения насчет призрачного равнодушия Маруси. Светлана просит отца вернуться к Марусе и они с радостью устремляются в обратный путь, так как успели соскучиться по ней.

Вернувшись, они обнаруживают, что Маруся давно ждет их и даже сама взобралась на крышу и опять установила вертушку. А про чашку она сказала, что ее, наверное, разбила в погребе серая мышь. И – все отодвигают в сторону эти старые, уже никому не нужные осколки.

Рассказ оканчивается просто и мудро:

«Мы вышли на горку.

Оранжевые лучи вечернего солнца озарили крыльцо. И на нём, в красном платье, без платка и в сандалиях на босу ногу, стояла и улыбалась наша Маруся.

– Смейся, смейся! – разрешила ей подбежавшая Светлана. – Мы тебя всё равно уже простили.

Подошёл и я, посмотрел Марусе в лицо.

Глаза Маруси были карие, и смотрели они ласково. Видно было, что ждала она нас долго, наконец-то дождалась и теперь крепко рада.

«Нет, – твёрдо решил я, отбрасывая носком сапога валявшиеся черепки голубой чашки. – Это всё только серые злые мыши. И мы не разбивали. И Маруся ничего не разбивала тоже.

…А потом был вечер. И луна и звёзды.

Долго втроём сидели мы в саду, под спелой вишней, и Маруся нам рассказывала, где была, что делала и что видела.

А уж Светланкин рассказ затянулся бы, вероятно, до полуночи, если бы Маруся не спохватилась и не погнала её спать.

– Ну что?! – забирая с собой сонного котёнка, спросила меня хитрая Светланка. – А разве теперь у нас жизнь плохая?

Поднялись и мы.

Золотая луна сияла над нашим садом.

Прогремел на север далёкий поезд.

Прогудел и скрылся в тучах полуночный лётчик.

– А жизнь, товарищи… была совсем хорошая!»

Похоже, что пресловутые зеркальные нейроны, на функциональную неразвитость которых у детей с аутизмом взрослые люди привыкли сваливать свои огрехи в жизни и воспитании, играют роль каналов для людей с голубой кровью – каковыми можно назвать всех истинно любящих. Наверное, зеркальные нейроны служат идеальными индикаторами искренности и чутко реагируют на любую фальшь. А будучи таковыми, они просто закрываются, как бутоны, от слишком ненадежного, не вдумчивого, не разборчивого взгляда. И могут – закрыться надолго, если не навсегда. Это случается, когда взрослые люди играют в свои по-своему жестокие взрослые игры, забывая играть с детьми – в их, еще светлые, немного наивные, но такие безоблачные игры.

Забывая о том, что должны быть в первую очередь сами примером для детей – примером во всем, образцами не ложной силы и заносчивой скрытости и придирчивости, а доброты, щедрости и великодушия, мы создаем почву для взращивания их антипода – Черного человека.

Этого растущего Черного человека можно еще остановить, попытавшись подать ему руку. А осколки разбившейся старой чашки – он сможет потом и сам небрежно отбросить в сторону с большой и не ближней, практически бесконечной Дороги. Ведь природа Тени, природа зла – иллюзорна.

«Нет, – твёрдо решил я, отбрасывая носком сапога валявшиеся черепки голубой чашки. – Это всё только серые злые мыши. И мы не разбивали. И Маруся ничего не разбивала тоже».

Но к такому внутреннему мудрому пониманию ситуации изнутри – к пониманию, что все защищаются друг от друга хрупкими стенами своих отгороженных от счастья душ - надо еще прийти, вновь возродив из небытия свой внутренний Великий Кристалл.

"На мраморной доске стояли горшки с кактусами. Кактусы цвели белыми и красными звездами и колокольчиками. Среди них поднимался из горшочка с землей странный кристалл: синеватый, полупрозрачный, с искорками. Он был похож на толстый граненый карандаш, закрученный на пол-оборота по спирали.
-- Мадам Валентина, а что это? -- спросил Галька, когда хозяйка вернулась из кухни. -- Раньше здесь этого не было. -- А! Это я выращиваю модель Мироздания. Довольно скучный опыт, потому что бесконечный... Прошу за стол, господа. Я рада вам, вы меня развлекли. А то эта ду... эта неразумная особа, мадам Анна-Элизабет, выбила меня из колеи... Галиен Тукк, за стол. -- Иду... А разве Мироздание... оно такое? -- Боже! Это ведь модель... Мироздание -- разное, сударь мой. И проявлений у него, как и вариантов у судеб человеческих, -- множество. Как и граней у Вечного Кристалла." (В. Крапивин "Выстрел с монитора" - Цикл в глубине Великого Кристалла").

А теперь попробуем взглянуть беспристрастно на то, как представляют в СМИ образ Гайдара. В одной из статей в Сети можно прочитать:
«В годы Советской власти Г. — человек-легенда. Романтическому мифу о Г., однако, противоречит его реальный облик — нервного, ранимого человека, мучимого комплексом вины (ср. дневниковую запись "Снились люди, убитые мною в детстве") и крайне болезненно реагирующего на критику своих произведений. Стиль Г. в разное время характеризовали то как реалистич., то как романтич. Светлый и прекрасный, но крайне хрупкий мир в произв. Г. требует от героев жертвенного порыва, подвига».

Разве Гайдар говорит в дневнике о собственной жестокости?
Нет, дневниковая запись всего лишь свидетельствует именно о комплексе вины: склонности значительно преувеличивать свою роль в братоубийственной войне, на которой он оказался еще ребенком.
А как же можно не реагировать крайне болезненно и раздраженно на такую, полностью искажающую вложенную в его литературное Дело часть души – «критику»? -

«Много общаясь с детьми, Г. держался с ними на равных; он искренне полагал, что не может быть тем, недоступных для детей, — неслучайно педагоги подвергли критике рассказ "Голубая чашка", в центре которого — семейный разлад. На протяжении всей жизни Г. сохранял в себе "детские" черты — любовь к розыгрышам и веселым проделкам. Романтическая утопия Г. плохо выдерживала соприкосновение с жизнью. Сюжет повести "Тимур и его команда", где дети бескорыстно помогают всем нуждающимся в поддержке, превращая эту помощь в увлекательную игру, в реальной жизни был превращен в пародию: "тимуровское движение" постепенно выродилось в формальное мероприятие».

Надо полагать, Гайдару очень хотелось предотвратить это вырождение в формализм, и вообще – всяческое вырождение. Но суровые законы двусмысленной сталинской эпохи не позволяли выражать скопившийся гнев прямо. И Гайдар – срывался на людях…

На вопрос же современников - оппонентов о якобы утопичности слишком идеальных людей в книгах некоторых детских писателей, можно, я думаю, отвечать сегодня по-крапивински - цитатами из его произведений и интервью. Я всерьез считаю, что в качестве лекарства всем нашим современникам - в нашу эпоху раздрая и скепсиса, прагматики и прочих прелестей все убыстряющегося ритма научно-технического прогресса - можно предлагать "детскую" прозу Владислава Крапивина. Там на смысловом

и энергетическом уровнях изображен естественный гармоничный мир - такой, каким он мог бы быть, такой, каким его задумал Бог. Показано - как быть, как жить, выживать и радоваться жизни, даже если вокруг много совсем другого, плохого. Некоторые критики не понимают этого момента и пишут, ставя писателю в упрек, будто Крапивин изображает людей такими, какими они не бывают - слишком идеальными. На что он отвечает, что он все это понимает... Да, таких людей, как его лучшие герои, очень мало. Но - люди могут такими быть, мало того - он немало ТАКИХ встречал на своем веку. Он показывает, как можно счастливо жить на Земле, если раскрыться по полной и быть Человеком. Он дает идеальные, "золотые" пропорции в подходе ко всему на свете, эталон... Это идеальный камертон не только для литературы, но и для повседневной жизни.

Диалог сидящей в золотой клетке Кошки Беатриски и Кота Оськи из повести В. Крапивина «Дигги-Тац»:

-Ах, как получилось все чудесно.
Я была худой и беспризорной,
А теперь я стала всем известной,
Сделалась особой благородной.
На меня глядит толпа народа,
На обед дают деликатесы.
Про меня восторженные оды
Пишут Городские поэтессы.
Подо мной тюфяк из мягкой ваты,
Здесь не отлежу свои бока я ...
... Только почему-то скучновато,
Ну да к скуке быстро привыкают ...
Только вдруг припомню На минутку
мусор. И бидоны у киоска ...
Странно, что уже вторые сутки
Почему-то не приходит Оська ...
Но зато есть сливки и сметанка,
Много мяса и медаль в награду,
И теперь я кошка-дипломантка ...
Но совсем мне этого не на-адо-о! ...

-Беатриска, ты совсем рехнулась?
Хорошо, что я тебя услышал! ...
Хорошо, что солнышко проснулось –
Красит в рыжий цвет котов и крыши!
Удирай отсюда, Беатриска!
Надо вольно жить на Белом Свете.
Счастье Жизни вовсе не в сосисках
- Это знают все коты и дети!

(В. Крапивин - «Дигги-Тиц»)

… А еще Гайдар писал фельетоны. Приведем полностью его фельетон «Ярлык», опубликованный в 1927г в Екатеринбурге, где писатель какое-то время жил и работал корреспондентом в газете «Уральский рабочий». В нем говорится о положении дел в одной школе Уктусского района города. Как говорится – без комментариев…

«Ярлык». 17.04.27 г. , № 88

Объявить здорового человека сумасшедшим в сущности не так трудно. Стоит только обратить внимание окружающих на ту или иную привычку человека, на его походку, на странную манеру как-то особенно громко сморкаться или на подозрительный способ зажигания спичек о подошву. Ну мало ли еще на что? И тотчас же найдется масса людей, которые не только согласятся с самым абсурдным заявлением, но больше того, - тотчас же будут утверждать, что они сами уже давно замечали, подозревали и т.д.

И стоит тогда подозреваемому человеку потянуться рукой за зажигалкой, как найдутся очевидцы, которые будут утверждать на всех перекрестках: что зажигалка вовсе не зажигалка, а финский нож, и что глаза у человека горели в тот момент безумным и явно злодейским блеском.

Пропадает тогда человек ни за что, ибо чем больше он будет злиться, спорить, доказывать, тем меньше ему будет веры.

Однажды некая уктусская комсомолка зашла в местный магазин и, энергично проталкиваясь к кассе, заметила, что впереди ее очутилась маленькая худенькая девчурка лет 11-12. комсомолка попробовала было вытеснить девчонку, но та, будучи уже дважды отталкиваема взрослыми от кассы, продолжала настойчиво пробираться к кассе, с упорством зажимая в руке пятак. Тогда комсомолка оттолкнула маленькую покупательницу и, назвав ее сумасшедшею, стала на ее место.

Вероятно, дело этим и ограничилось бы, если бы эта комсомолка, встретившись с заведующей уктусской школой, гр. Кузнецовой, по пути, для красного словца, не приврала ей, что видела сейчас в лавке девчонку Екатерину Никитину, которая «так нахально толкалась, что, вероятно, сошла с ума».

По странному стечению обстоятельств, Никитина оказалась ученицей школы Кузнецовой и не просто ученицей, а дочерью той самой «негодной матери», которая недавно имела смелость публично бросить обвинение преподавателям школы в том, что подготовка учеников хромает и преподавание ведется крайне небрежно.

Воспользовавшись полученным заявлением о ненормальности девочки, зав. школой Кузнецова приступила к действию.

Через некоторое непродолжительное время девочку посадили на заднюю парту, а все учащиеся ребятишки были информированы о том, что среди них есть сумасшедшая. «Сумасшедшую» начали травить, за ней ходили ватагами, улюлюкали, дергали ее за руки, щипали и били, а когда однажды, выведенная из себя, она попробовала было сопротивляться, то учительница Кузнецова взяла ее за руку, провела через весь класс и, бросив ее на пол, приказала ей лежать, а сама, усевшись среди ребятишек, прочитала им короткую популярную лекцию: «О вреде сумасшествия и об опасности совместного с ним пребывания».

В продолжение всего этого девчурка лежала на полу, не смея подняться, и плакала, но… слезы – это еще не аргумент, а особенно слезы маленькой девчонки, к тому же еще объявленной ненормальной.

Не помогли и справки докторов-специалистов, категорически отрицающих всякую ненормальность девочки. Не помог приезжавший из РайОНО специально присланный товарищ, приказавший прекратить эту травлю. Было созвано совещание школьного совета, на котором матери Никитиной объявили, что ее ребенок исключается из школы за ненормальностью.

Причем, воспользовавшись удобным случаем, матери Никитиной громогласно заявили, что девочке, конечно, нечего делать в той самой школе, на порядки которой с возмутительной дерзостью нападала мать!..

То есть: расчет был произведен полностью на все сто процентов, ибо, как это говорится, каждому воздастся по его заслугам, а мораль отсюда – держи язык за

зубами!..
Девочке этой сейчас лет одиннадцать-двенадцать и, вероятно, с этого времени на ней навсегда останется ярлык «сумасшедшей», крепко приклеенный тяжелой рукой Кузнецовой. Впрочем, в будущем, возможно, ярлык этот будет вполне соответствовать содержимому, ибо, если самого здорового человека – хотя бы вас, читатель – упорно и настойчиво изо дня в день объявлять сумасшедшим, то рано или поздно, а все-таки человек надолго, всерьез и по-настоящему сойдет с ума.
ГАЙДАР

А теперь рассмотрим как через расступившийся туман, сняв с глаз белену – ту вышедшею за края обыденной реальности, проступившую в «Голубой чашке» внутреннюю сущность писателя Гайдара – некомфортного, не укладывающегося в привычные стандарты человека.

В «Голубой чашке» есть эпизод, где зашифрован внутренний портрет самого Гайдара – вспыльчивого, но необычайно чистого, справедливого и в чем-то очень наивного, простодушного человека, часто не видящего того плохого, что происходит у него под носом в отношении него самого.

Выйдя в свое путешествие с открытым сердцем «за порог» дома, по-видимому, символизирующее выход за пределы Эго, одними из первых отец и дочь встречают детей, которые преследуют некого соседского Саньку.

Как говорится – опять без комментариев… На том мы наше духовно-психологическое расследование и завершим.

«Выбрались мы через огороды на жёлтую от куриной слепоты поляну, сняли сандалии и по тёплой тропинке пошли босиком через луг прямо на мельницу.
Идём мы, идём и вот видим, что от мельницы во весь дух мчится нам навстречу какой-то человек. Пригнулся он, а из-за ракитовых кустов летят ему в спину комья земли.
Странно нам это показалось. Что такое? У Светланы глаза зоркие, остановилась она и говорит: – А я знаю, кто это бежит. Это мальчишка, Санька Карякин, который живёт возле того дома, где чьи-то свиньи в сад на помидорные грядки залезли. Он вчера ещё против нашей дачи на чужой козе верхом катался. Помнишь?
Добежал до нас Санька, остановился и слёзы ситцевым кульком вытирает. А мы спрашиваем у него:
– Почему это, Санька, ты во весь дух мчался и почему это за тобой из-за кустов комья летели?
Отвернулся Санька и говорит:
– Меня бабка в колхозную лавку за солью послала. А на мельнице сидит пионер Пашка Букамашкин, и он меня драть хочет.
Посмотрела на него Светлана. Вот так дело!
Разве же есть в Советской стране такой закон, чтобы бежал человек в колхозную лавку за солью, никого не трогал, не задирал и вдруг бы его ни с того ни с сего драть стали?
– Идём с нами, Санька, – говорит Светлана. – Не бойся. Нам по дороге, и мы за тебя заступимся.
Пошли мы втроём сквозь густой ракитник.
– Вот он, Пашка Букамашкин, – сказал Санька и попятился.
Видим мы – стоит мельница. Возле мельницы телега. Под телегой лежит кудластая, вся в репейниках, собачонка и, приоткрыв один глаз, смотрит, как шустрые воробьи клюют рассыпанные по песку зёрна. А на кучке песка сидит без рубахи Пашка Букамашкин и грызёт свежий огурец.
Увидал нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:
– Тю!.. Шарик… Тю!.. Вон идёт сюда известный фашист, белогвардеец Санька. Погоди,

несчастный фашист! Мы с тобою ещё разделаемся.
Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачонка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.
– Постой, Пашка, – сказал я. – Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист, белогвардеец? Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живёт возле того дома, где чьи-то свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.
– Всё равно белогвардеец, – упрямо повторил Пашка. – А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю?
Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю Санькину историю. Мы сели на брёвна, Пашка напротив. Кудластая собачонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а, уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:
– Ты тогда уже всё рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьми-ка себе да стукни.
– Есть в Германии город Дрезден, – спокойно сказал Пашка, – и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот, играем мы позавчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька, и ещё один из посёлка. Берта бьёт палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли…
– Прямо по макушке стукнула, – сказал Санька из-за телеги. – У меня голова загудела, а она ещё смеётся.
– Ну вот, – продолжал Пашка, – стукнула она этого Саньку чижом по макушке. Он сначала на неё с кулаками, а потом ничего. Приложил лопух к голове – и опять с нами играет. Только стал он после этого невозможно жулить. Возьмёт нашагнет лишний шаг, да и метит чижом прямо на кон.
– Врёшь, врёшь! – выскочил из-за телеги Санька. – Это твоя собака мордой ткнула, вот он, чиж, и подкатился.
– А ты не с собакой играешь, а с нами. Взял бы да и положил чижа на место. Ну вот. Метнул он чижа, а Берта как хватит палкой, так этот чиж прямо на другой конец поля, в крапиву, перелетел. Нам смешно, а Санька злится. Понятно, бежать ему за чижом в крапиву неохота… Перелез через забор и орёт оттуда: «Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!» А Берта дуру по-русски уже хорошо понимает, а жидовку ещё не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: «Это что такое жидовка?» А мне и сказать совестно. Я кричу: «Замолчи, Санька!» А он нарочно всё громче и громче кричит. Я – за ним через забор. Он – в кусты. Так и скрылся. Вернулся я – гляжу: палка валяется на траве, а Берта сидит в углу на брёвнах. Я зову: «Берта!» Она не отвечает. Подошёл я – вижу: на глазах у неё слёзы. Значит, сама догадалась. Поднял я тогда с земли камень, сунул в карман и думаю: «Ну, погоди, проклятый Санька! Это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!».
Посмотрели мы на Саньку и подумали: «Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то ещё собирались за тебя заступиться».
И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросонок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарику. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробьи с дерева – на крышу. Лошадь вскинула морду и дёрнула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый, серый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке:
– Но, но… смотри, не балуй, а то сейчас живо выдеру!
Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

– Папа, – сказала она мне. – А может быть, он вовсе не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? – спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.
……
– Неправда! – шмыгнув носом, завопил оскорблённый Санька. – Я не фашист, а весь советский. А девчонка Берта давно уже не сердится и вчера откусила от моего яблока больше половины. А этот Пашка всех мальчишек на меня натравливает. Сам ругается, а у меня пружину зажулил. Раз я фашист, значит, и пружина фашистская. А он из неё для своей собаки какую-то качалку сделал. Я ему говорю: «Давай, Пашка, помиримся», – а он говорит: «Сначала отдеру, а потом помиримся».
– Надо без дранья мириться, – убеждённо сказала Светлана. – Надо сцепиться мизинцами, поплювать на землю и сказать: «Ссор, ссор никогда, а мир, мир навсегда». Ну, сцепляйтесь! А ты, главный сторож, крикни на свою страшную собаку, и пусть она нашего маленького Шарика не пугает.
– Назад, Полкан! – крикнул сторож. – Ляжь на землю и своих не трогай!
– Ах, вот это кто! Вот он, Полкан-великан, лохматый и зубатый.
Постояла Светлана, покрутилась, подошла поближе и погрозила пальцем:
– И я своя, а своих не трогай!
Поглядел Полкан: глаза у Светланы ясные, руки пахнут травой и цветами. Улыбнулся и вильнул хвостом.
Завидно тогда стало Саньке с Пашкой, подвинулись они и тоже просят:
– И мы свои, а своих не трогай!».

P. S. А теперь - пора мне приняться за чтение книги Б. Камова о писателе «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров».
http://e-libra.ru/read/336835-arkadij-gajdar-mishen-dlya-gazetnih-killerov.html

Я нарочно не заглядывала в книги известного биографа Гайдара Б.Камова - чтобы провести свое собственное психологическое расследование. Когда передо мной предстала картина грандиозной подмены в отношении жизни и творчества Гайдара, высветившаяся по первым попавшимся мне на глаза материалам, я видела, конечно же, и ссылки на эту главную, опровергающую ложь против Гайдара, книгу. Но я хотела подумать над этим сама, чтобы не заручившись раньше времени авторитетным мнением специалиста - не проскользнуть мимо каких-то деталей, которые, быть может, смогут дополнить картину или высветить ее под другим углом. То есть меня интересовала максимальная объективность с опорой на психологическую достоверность.

И теперь - можно приняться за монументальный труд Б. Камова.

Возможно, кому-то может показаться, что я занимаюсь непродуктивным "изобретательством велосипеда, который уже открыт". Казалось бы, ведь если уже есть такое исследование, то - зачем проводить свое?

Однако есть такие ключевые узлы в нашей исторической памяти, в осмыслении и переосмыслении исторического прошлого, которые каждый человек должен пропустить сквозь себя.

Этот момент пропуска через себя, через свой субъективный мир объективных фактов и представлений необходим для того, чтобы они стали опорой для собственных убеждений. Убеждения же, которые человек вырабатывает сам, пули киллеров могут лишь оцарпать, но не пробить.

Книга Б. Камова предуведомляется от издателя следующим вступлением:

«Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров» — книга в защиту чести и достоинства выдающегося писателя, педагога, военного деятеля, героя Великой Отечественной войны,

в защиту его литературно-педагогического наследия.
Автор книги, Борис Николаевич Камов, родился в 1932 году в Ленинграде. Блокадник. Тимуровец военных лет. В 1970-е годы — заместитель начальника Всесоюзного штаба Тимура при журнале «Пионер». Член Московской организации Союза писателей и Союза журналистов России. Дипломированный народный целитель.
Б. Н. Камов — самый крупный знаток жизни и творчества А. П. Гайдара. Ему принадлежат книги: А. П. Гайдар. Биография (Л.: Учпедгиз, 1963); Партизанской тропой Гайдара. Рассказ-поиск (М.: Детская литература, 1965); А. П. Гайдар. Грани личности. Принципы творчества (М.: Советская Россия, 1979); Сумка Гайдара (М.: Детская литература, 1982); Гайдар. Обыкновенная биография. Серия ЖЗЛ (М.: Молодая гвардия, 1972); Мальчишка-командир (М.: Детская литература, 1989); Рывок в неведомое (М.: Детская литература, 1991) и др.
Б. Н. Камов был составителем и комментатором последнего, наиболее полного Собрания сочинений А. П. Гайдара в четырех томах (М.: Детская литература, 1979–1982).
Он — автор документального телефильма «Партизанской тропой Гайдара» и (совместно с Л. Павловым) художественного фильма «Конец императора тайги» (Центральная киностудия детских и юношеских фильмов им. М. Горького, 1978 г.).
Статьи Б. Н. Камова в защиту А. П. Гайдара (1991–2004) печатались в газетах «Совершенно секретно», «Мегаполис-экспресс», в журналах «Журналист», «Шпион» и в периферийных изданиях.
В этой книге Б. Н. Камов на громадном фактическом материале доказывает, что обвинения В. А. Солоухина и других журналистов в том, что А. П. Голиков (будущий писатель А. П. Гайдар) в годы Гражданской войны совершил множество преступлений и занимался «геноцидом русского и хакасского народов», были четко спланированной провокационной акцией. Она преследовала политические цели, которые не имели никакого отношения к автору «Школы» и «Голубой чашки». Существовала и другая задача, коммерческая, — вытеснить самого читаемого детского писателя с книжного рынка.
Главное, в чем убеждает расследование, проведенное Б. Н. Камовым: все обвинения, выдвинутые против А. П. Голикова-Гайдара, оказались ложью. Ни одно не подтвердилось. Кампания по дискредитации А. П. Гайдара и его творчества нанесла колоссальный урон культуре, воспитанию молодежи и «внутренней безопасности» новой России.
«Пока книги Гайдара стояли на полке в каждой семье, — сказал Б. Н. Камов в телевизионном интервью, — пока миллионы школьников занимались тимуровской работой, у наших детей были точные нравственные ориентиры: Честь, Достоинство, Самоотверженность, Мужество, Доброта, Верность близким и своей Родине. Среди бывших тимуровцев оступившийся человек был большой редкостью».

Часть вторая. **Знакомство с книгами В. Солоухина и Б. Камова состоялось**

Информирую читателей: книга Б. Камова «А. Гайдар: Мишень для газетных киллеров» мною прочитана и сопоставлена с «Соленым озером» В. Солоухина.

Совершенно согласна с Б. Камовым – его описание жизненного пути А. Гайдара психологически достоверно и опирается на документально доказанные факты.

Чего никак не скажешь о книге «Соленое озеро» - она носит в основном фольклорный характер.

В ходе тщательно проведенной исследовательской работы Б. Камов не нашел никаких доказательств причастности Голикова к преступлениям чоновцев в Хакасии. Рухнули домыслы и о других приписываемым ему армейских преступлении, в частности,

при подавлении Антоновского мятежа в Тамбовской губернии, где, наоборот, именно по плану Голикова, поданному на имя командующего армией Тухаческого, удалось завершить восстание бескровно – остатки антоновцев сдавались в плен под твердое слово о помиловании. И действительно - были после добровольной сдачи оружия - просто отправлены по домам.

Голиков выделялся проницательным, стратегическим умом, умел смотреть далеко вперед и при этом тщательно вникать в детали. Кроме того, он отличался, помимо личного мужества – интеллигентностью и абсолютной честностью. Именно эти качества и выделяли командиры, продвигая юношу по службе. Поэтому начальство и послало Голикова в Хакасию для борьбы с отрядом И. Соловьева – одного Голикова – вместо отряда в 1500 человек, который просил штаб ЧОН Енисейской губернии. Отозвав его от учебы в Академии генштаба. Они догадывались, что в Енисейской губернии не хватает вместо сабель и пулеметов – одной умной головы.

Местные власти были шокированы, увидев молодого посланца Москвы. И – тут же невзлюбили его, приняв за ревизора.

Они полагали – и не без оснований – что до странности честный молодой человек сделает все как надо: разберется-таки с неуловимым Соловьевым и награбленным им золотом, про размеры которого ходили легенды. Причем, золото станет достоянием молодой Советской республики минуя чьи-то карманы.

Словом – Голикову с самого начала ставили препоны «свои».

И он это – прекрасно понимал и старался как мог – отбиваться при помощи ума от «своих» и упрямо преследовать «чужих».

В ходе преследования «чужих» - банды Соловьева – дошло уж было до того, что Соловьев выдохся. И должен был под честное слово Голикова, заверенное Москвой – сдаться. В этом случае его бойцы освобождались от ответственности и распускались по домам, а Соловьев – сдав золото – отправлялся в места заключения на максимально короткий срок.

То есть все шло к тому, что, как и в Тамбовской компании – умение Голикова мыслить и переговариваться – разрубит большой кровавый узел – мирным путем.

Но это-то и не устраивало «своих».

Во-первых, такое простое и славное – всего за 3 месяца - завершение многолетней соловьевской войны маленьким отрядом посланца Москвы - обнаружило бы их собственную военно-профессиональную несостоятельность. Так как с Соловьевым не могли справиться в Ачинско-Минуссинском районе не один год. И – могли полететь их собственные карьеры – как у военных, так и у руководства района и губернии.

А во-вторых – все надеялись как-нибудь переполовинить золото Соловьева, про которое ходили легенды. (Этот миф был сильно преувеличен).

В третьих же, за отрядом Соловьева, возможно, стояли третьи силы – по предположению Б. Камова, Соловьева могли выдвинуть и снабдить планом по отделению Хакасии от России – страны Атланты. Соответственно, его могли прикрывать внедренные в ряды красных агенты западных спецслужб.

Таким образом – Голиков оказался «один против всех».

И пал жертвой этого явно не равного противостояния.

План по мирной сдаче Соловьева был свернут, точнее, отодвинут – еще на два года (позже Соловьев все-таки сдался другому красному командиру, но был в силу непродуманности операции, случайно либо, напротив, отнюдь не случайно застрелен, а золото же при этом, конфискованное лишь частично, по мелочам – так и осталось не найденным).

Итак, 19 марта 1922г Голиков получил назначение на должность начальника Второго боевого участка Ачинско-минуссинского боевого района.

А уже через неполные 3 месяца – отряд Соловьева готовился сдаться при

посредничестве этого новоявленного, как снежный ком свалившегося на голову – «мальчишки» Голикова!

Власти Ачинско-Минуссинского района были столь шокированы, что завели 2 июня того же года на Голикова ставшее теперь знаменитым дело№ 274. Они наконец пустили в ход придерживаемые до того доносы, которые с первых дней регулярно писали на нового командира с чьей-то легкой руки его сослуживцы – как командиры, так и подчиненные.

Но и доносы – не содержали компромата, который бы всерьез дискредитировал Голикова как личность и командира. Да, он допустил однажды в очень сложных условиях три не санкционированных расстрела, но на фоне того, как вели себя чоновцы в крае и до, и после появления тут Голикова – это в условиях военного времени было сущим пустяком. Как раз по доносам – Голиков оправдался.

И – тем не менее – от командования его отстранили и временно исключили из партии, хотя кто-то требовал и расстрел.

Однако санкции на расстрел – Москва не дала.

Гайдар просто был отстранен, а после – уже в сентябре – подал рапорт о том, что желает продолжить свою прерванную учебу в московской Академии Генштаба.

Но учебу продолжить не удалось – на медкомиссии выявился невроз.

Вот и все, что было – согласно исследованиям биографа А. Гайдара – Бориса Николаевича Камова.

Остальное – остается на совести людей, целенаправленно разрушающих память русского народа о своих лучших сынах, среди которых Аркадий Гайдар был личностью далеко не последней, ведь выросшие на его книгах тимуровцы – сражались с фашистами всех толков – как внешними, так и внутренними. С настоящими, а не носящими ярлык «фашист», - играющими в жестокое взрослые игры фашистами, которые истребляют в человеке все самое лучшее, доброе, романтичное. Это им – противопоставляли тимуровцы свои добрые, честные и открытые игры Детей.

Возможно, что это действительно – все, что было…

Но меня зацепил один любопытный факт, на который Б. Камов, осветив его, не обратил должного внимания.

Оказывается, Голиков раскрыл один из секретов взнуздания мистической веры местного неграмотного населения, выросшего среди культуры шаманов – в якобы святость миссии Соловьева. Тот просто напросто дурачил хакасцев при помощи своих двойников. Четыре отряда во главе с человеком, внешне одетым, как Соловьев, похожего на него и внешностью, иногда появлялись при налетах одновременно в четырех разных концах раскинувшейся на 10 000 квадратных километров тайги.

Вот и распространялась среди хакасов со скоростью звука молва – Соловой вездесущ!

Б. Камов рассказывает о первом большом рапорте начальству в Красноярске Аркадия Голикова так:

«ЧТО НАПИСАЛ А. П. ГОЛИКОВ:

О населении: Советскую власть не любит. Многие жители, особенно хакасы, по преимуществу поддерживают Соловьева.

О противнике: Соловьев — талантлив. Население темное. Такое сочетание позволило атаману создать великолепную разведку. На него работают старики, калеки и даже дети.

Соловьев, особо отмечал Голиков, применяет (в 1922 году!) методы психологической войны. «…То, что среди населения создаются чуть ли не легендарные представления о неуловимости банды (Соловьева. — Б. К.) и ее вожаков, имеет серьезное основание», — подчеркивал Голиков.

Методов было много. Главным среди них стал такой: атаман завел двойников.

Реально это означало вот что: в один и тот же день и час сразу в четырех селениях появлялись четыре отряда Соловьева во главе с «самим». Это наводило мистический ужас на местных жителей и делало Соловьева неуловимым для чоновских отрядов: его никто не выдавал. Население, напуганное сверхъестественным могуществом атамана, помогало Соловьеву чем только могло…

Малограмотный казачий урядник Иван Соловьев, этакий Ползунов военной стратегии, самоучкой изобрел один из перспективнейших приемов психологической войны и большой политики — игру в двойников. А восемнадцатилетний начальник- боевого района этот сверхсекретный прием разгадал, что сильно упростило для комбата его нелегкую командирскую жизнь.

Для Аркадия Петровича, как для интеллектуала и военного специалиста, это была большая победа. Тем более, что Иван Николаевич пользовался двойниками уже года полтора, наводя ужас на неграмотных хакасов и порождая тупую озабоченность у местного начальства, которое не могло понять, как это у Соловьева все так ловко и победоносно получается.

Любопытно, что после Соловьева ту же игру продолжили Адольф Гитлер, Бенито Муссолини, Бен Ладен и только недавно пойманный (проданный за 25 000 000 долларов своими же) и вскоре казненный Саддам Хусейн…

…Сообщив о своем главном открытии, Аркадий Голиков нанес товарищам по работе еще несколько сокрушительных ударов.

Коллегам-командирам он разъяснил: «Оперативные приемы, пахнущие стратегическим духом, не приведут ни к чему».

Это был первый удар.

Второй оказался еще сокрушительнее.

Голиков объяснил коллегам-командирам одну из главных причин их поражений в войне с Соловьевым: командиры-чоновцы не потрудились за два года «обзавестись собственной агентурной разведкой». (Б. Камов «Аркадий Гайдар: мишень для газетных киллеров»).

Странно, подумала я – опять двойник. И на сей раз – двойник, и, причем, не один – Соловьева.

А ведь я в самом начале своего литературно-психологического расследования (анализа нравственного облика А. Гайдара и его творчества, а также тайны его псевдонима) предположила, что двойник был у Голикова – некий красный командир по прозвищу Хайдар, который и запомнился хакасам как «Архашка Хайдар». И что именно этот архаровец и вершил вместе со своим отрядом преступления над крестьянами, которые народная молва приписала Голикову.

Это мое предположение мне и самой казалось подвисшим в воздухе, бездоказательным. Оно просто вырисовалось перед моим внутренним взором при анализе материалов – как интуитивная догадка.

Теперь же догадка – получила материальную основу: на той войне с отрядом И. Соловьева в качестве отвода глаз, военной хитрости – применялись двойники! И не просто двойники командира, но и двойники отрядов во главе с командиром, появлявшиеся

одновременно сразу в нескольких местах. Это было – орудием ведения психологической войны – главного орудия Соловьева, который, в отличие от красных «отцов-командиров», был личностью неординарной.

Таким образом, у Голикова, который тогда еще не был Гайдаром, и его отряда – тоже мог появиться отряд-двойник (или несколько отрядов-двойников), который и грабил, безбожно истязал местное хакасское население.

С какой целью?..

Ответ очевиден: с целью беспроигрышной, окончательной дискредитации Голикова.

Эту операцию-подлог, скорей всего, и осуществили, как следует из внимательного анализа сложившейся картины, «свои» - объединившиеся в единой порыве с властями Ачинско-Минуссинского района Енисеевского Края красные «отцы-командиры» – всадив нож в спину посланцу генштаба Москвы.

Причем, этот нож – Голиков вложил им в руки сам, подав в свое время вскоре после вступления в должность рапорт о том, что Соловьев пользуется системой двойников. Вот «отцы-командиры», не долго думая, и создали двойника-Аркашку Голика-Хайдара, помять о кровавых расправах которого, отразившаяся даже в фольклоре, народная молва до сих пор приписывает Гайдару.

На глазах неграмотных хакасских крестьян - просто развернулась чья-то подлая и жестокая игра. И то, что всякая война - зло! - не вызывает возражений. Но на этой злой войне - оказываются все настоящие мужчины. Так как если не воюешь ты, то - воюют против тебя. И - все оказываются от мала до велика в этой войне, в этой мясорубке... Вот идет по дороге в родное село чудом оставшийся в живых, вопреки вести о гибели, вернувшийся с фронта солдат Бумбараш из повести Гайдара 'Бумбараш' - а кругом красные, белые, зеленые, махновцы и т.д.. И - все воюют со всеми. А ему - не хочется уже воевать. Хочется отсидеться в стороне... Но пока он отсиживается, гибнут его близкие, соседи, односельчане... И правыми оказываются мальчишки, которые идут воевать в надежде прекратить эту войну и построить мир без войн. Да, была такая вот наивная мечта у Гайдара - война за то, чтоб - не было больше войны. Да, мальчишеская и святая мечта.

Вот таких мальчиков и подставляют те, кто греют на войне руки. Такие, как его командиры в Хакасии.

Ничего не подозревавшему о такой подставе юному интеллигенту эта внезапно открывшаяся картина ужасного предательства своих, а главное – невинно пролитой ими крови ни в чем не повинных людей – стоила здоровья. Это в дни следствия – началась его болезнь. Она стала следствием внезапно раскрывшихся перед его мысленным взором фактов. А не наоборот, как пытались это представить «отцы-командиры». Не болезнь стала причиной жестокой, разнузданной деятельности «мальчишки Голикова». «Мальчишкой Голиковым» - был другой человек.

Почему же эта история с двойником не попала в документы?

Мне думается, что именно ввиду экстраординарности совершенных злодеяний – экстраординарности даже для военного времени – ведь дело являлось, по сути, геноцидом хакасского народа (осуществленной кучкой службистов в своекорыстных целях) – этот материал скрыли, взяв с А. Голикова и других в него посвященных – подписку о неразглашении.

Но даже если бы такой материал, содержащий свидетельства разных лиц против А. Голикова и был бы найден в архивах, то Голиков-то своей вины не признал (за исключением трех случаев расстрела заложников, когда кто-то был застрелен при попытке к бегству, как то показывает Б. Камов).

Как же в таком случае Голикову удалось избежать расстрела?

Скорее всего, за него действительно заступился знавший его лично Тухачевский (с помощью плана Голикова на Тамбовщине был бескровно завершен последний этап

подавления Антоновского мятежа)и все было списано – на действительно начинавшуюся болезнь.

Стало принято объяснять болезнь Гайдара и его больную совесть - якобы совершенными им в бытность в армии военными преступлениями.

Но - подумайте - разве мог бы человек, которого мучает совесть за армейские преступления, так любить армию до конца жизни? Так всю жизнь стремиться к ней - стремиться вернуться в строй? Так красиво и поэтично писать о ней - о Красной Армии? Почему через все его книги – проходит светлый образ Красной Армии - и ее лучшие командиры смелы, чисты, благородны?

Да с таким грехом-грузом на душе у человека бы перо не поднялось идеализировать армию и все армейское!... А Гайдар - поет Красной Армии Гимн!

И везде - везде прослеживается одна и та же ситуация в его книгах - честного, благородного человека, часто еще мальчишку - подставляют волки в овечьих шкурах. Те, которые рядятся в своих. В 'Военной Тайне' - начальник стройки , которого Сергей принимает за своего, оказывается предателем - который и убивает его сына Альку. В 'Судьбе барабанщика' - мальчишку водить за нос бандит, притворившийся его родным дядей.... В 'Графских развалинах' мальчика-беспризорника подставляет якобы благодетель- отпрыск князя, бандит. Мальчиша- Кибальчиша - Мальчиш-Плохиш. Тимура - может подставить Квакин, но, слава Богу, перевоспитывается...

ВОТ ЧТО МУЧАЛО ГАЙДАРА помимо всего прочего (другие, более глубинные его страхи и тревоги я попыталась реконструировать в первой части этой статьи): **страх обознаться в очередной раз и опять столкнуться с оборотнями в погонах.**

Некий человек, наводящий на всех ужас, назвался Хайдаром-Голиковым. Его все ненавидят как Шайтана. Он оговорил Голикова.

А Голиков его переиграл - он стал ХОРОШИМ ГАЙДАРОМ. С Большой буквы. И показал образ светлой Красной Армии - в которую верил и лелеял в мечтах и будущих солдат и офицеров которых - он растил, пестовал своими книгами.

Кроме того, его книги призваны научить мальчишек выживать среди мира горя, крови, грязи, подлости и оставаться чистыми.

На мой взгляд, версия о наличии за спиной ничего не подозревающего А. Голикова его двойников или системы двойников – разрешает противоречие между документально доказанной Б. Камовым непричастностью будущего писателя к инкриминируемым ему преступлениям и – народной молвой, отразившейся как в хакасской фольклоре, так и рассказах очевидцев, Эти семейные рассказы в годы Советской власти тихо передавались из уст в уста потомкам и всплыли уже после перестройки, когда замалчивание могло было быть безбоязненно нарушено.

Кроме того – и это не менее важно – образ прекрасного человека и писателя Аркадия Гайдара – вновь обретает – при таком прочтении событий его жизни – прежнюю цельность.

Ибо от него отделяется несправедливо наложенный на него – его черный двойник.

Нет, как и в случае С. Есенина – Черным человеком больших русских писателей были отнюдь не химеры их якобы расстроенного, заливаемого алкоголем порочного воображения. С помощью Черного человека Система во все времена – боролась с своими лучшими противниками, объявляя их – именно их – сподвижниками темных сил. Их даже иногда называли - попросту безумцами:

"Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.

Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай".

Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой.
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.
.....

"Черный человек!
Ты прескверный гость!
Это слава давно
Про тебя разносится".
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

(С. Есенин «Черный человек»)

«Очень хочется крикнуть: "Идите к чертовой матери!" Но сдерживаешься. А то переведут еще вниз в третье отделение, а там у меня за одну ночь украли папиросы и разорвали на раскурку спрятанную под матрац тетрадку.

За свою жизнь я был в лечебницах раз, вероятно, 8 или 10 - и все-таки это единственный раз, когда - эту Хабаровскую, сквернейшую из больниц, - я вспомню без озлобления, потому что здесь будет неожиданно написана повесть о Мальчише-Кибальчише.

Вообще в лечебнице до черта всякой сволочи. Главврач, завхоз и др. - это банда паразитов, самоснабжающаяся за счет больных. Выйду из больницы - шарахну по ним хорошенькую статью поядовитей». (Из дневника А. Гайдара, Хабаровск, 20 августа 1931г).

А. П. Гайдар – так ярко шарахнул своей Сказкой о Мальчише-Кибальчише и его Военной Тайне, что голос его Мальчиша – прорвал сквозь громаду лет заслон из всех врагов – как «чужих», так и «своих». Назло всем Плохишам, готовым продать за тридцать серебренников – за банку варенья и килограмм печенья (так и хочется сказать – мифическое соловьевское золото) не только Мальчиша, но собственную душу, не говоря уже о Родине.

Его твердое Слово, не отличающееся в чем-то главном, насущном от его земных дел – оказалось сильней.

Итак, на основе одних и тех же фактов можно занять как адвокатскую, так и прокурорскую позицию. Все зависит от контекста - личности, эпохи, обстоятельств и т.д. - сквозь призму которых и рассматривают обычно документально подтвержденные факты.

Несмотря на то, что биограф Гайдара Б.Камов доказал, что в документах отсутствуют указания на совершенные А. Голиковым военные преступления в месяцы его службы в Хакасии, а также доказал - то, что эта тема нарочно муссируется определенными кругами для того, чтобы очернить, оклеветать писателя, открытым остается вопрос о том, почему в памяти хакасов запечатлелся крайне негативный образ командира Голикова?
Да, эти свидетели могли быть подсадные, обманутые и обманывающие - со стороны хакасов.
Но откуда все-таки идет такая молва и откуда взялся такой фольклор у хакасского народа? Нет доказательств, что Солоухин сам сочинил этот фольклорный отрывок про убийцу-Голикова, который приведен у него в книге.
Да, Солоухин выполнял чей-то заказ. Он, может быть, был очень дрянным человеком, как предполагает официальный биограф Гайдара Б. Камов.
Но при этом - он мог искренне верить в то, что Гайдар соответствовал тому отрицательному образу командира Голикова, который запечатлелся в хакасском фольклоре. И эта вера и служила для него основой и оправданием. То есть ему было плевать на факты, так как он считал, что чоновцы не оставляли следов, а фольклор и память народная - вещь упрямая, против нее не пойдешь.
Это противоречие - между документально достоверной биографией А. П. Гайдара как необычайно честного, благородного, чистого, умного, талантливого, интеллигентного человека и его образом красного бандита-карателя, оставшимся в народной памяти хакасов - и снимает, на мой взгляд, найденная интуитивным путем версия о наличии у Голикова и его отряда двойника или системы двойников (подобно тому, как были двойники у Соловьева).

Что же касается истории о двух капитанах, которая образно прослеживается как сквозная тема во многих произведениях А. П. Гайдара, то, на мой взгляд, если первым - настоящим - капитаном был Гайдар, то вторым - черным, поддельным - был его двойник.
В широком смысле - черным капитаном, черным двойником, Черным человеком А. П. Гайдара - была Система, с которой писатель боролся с детских лет. (Под Системой я имею ввиду все мелкое, больное, лишенное любви и свободы, - все падшее - мешающее человеку развернуться и жить как Человеку с большой буквы).
Если смотреть вне контекста, исходя из чистой нравственности, то - расстрел пленных в бытность воинской службы в Хакасии - трех-четырех человек - это все равно убийство. И Гайдар - эти убийства совершил.
Кроме того, то, что у него были пленные, то, что он охотился за вражескими агентами и переманивал их на свою сторону - подразумевает и то, что он был ничем не лучше других красных командиров - действовавших аналогично как до, так и после его службы в Хакасии. То есть как и они - он, получается, видел в хакасских крестьянах врагов, поскольку они поддерживали Соловьева. И - применял избиения, пытки и т.д. Это закономерно следует из документально описанной историком А. Шекелевым картины красного бандитизма в Хакасии. Так что несмотря на то, что Гайдар не совершал тех мифологизированных преступлений, которые приписал ему в своей книге В.Солоухин, к бездушно-жестокому обращению с бесправными хакасами он все равно - если исходить из строго аналитичекого подхода к фактам, имел непосредственное отношение - в силу того, что был членом местного ЧОН.

Поэтому у хакасов нет оснований симпатизировать Гайдару - это можно понять.

... Однако - с трудно можно поверить в то, что такой замечательный, талантливый, человечный человек, как юный красный командир Аркадий Голиков, которого

начальство послало в Хакасию в качестве "умной головы" - вместо запрошенного огромного войска (наверное, такое войско и запрашивали-то в надежде, что его не дадут) - мог действительно избивать, пытать и т.д. Мог пользоваться типичными средствами из арсенала негласных действий местного ЧОН.

И вот тут-то и вступает в свои права интуиция - в данном случае моральная интуиция.

Ну не мог Аркадий Голиков ТАК обращаться с людьми! Даже с врагами - не мог!... Расстрелы же, в отличие от бесчинствующих других командиров, совершил в действительно не человечески сложных условиях, когда не было ни времени, ни сил на раздумья.

И ВОТ-ЭТО ТО ЕМУ И НЕ ПРОСТИЛО ЕГО ОКРУЖЕНИЕ - ЕГО БЛИЖНИЕ И ДАЛЬНЫЕ НАЧАЛЬНИКИ И СОСЛУЖИВЦЫ.

Они все привыкли жить и воевать по-другому.

Они были бандитами - красными бандитами.

А он - настоящим красным командиром - таким, каким и должен был быть красный командир-коммунист. А Голиков - и был таким. Как в своих написанных после книгах.

И Голиков сразу стал для них чужаком.

Вот они и взяли его сходу в оборот - задумали операцию с двойниками для его планомерной и бесповоротной дискредитации. И это они - совершили какие-то военные преступления, отложившиеся - опять-таки мифологизировано - в народной памяти и образно отразившиеся в хакасском фольклоре.

... Да, может и не Тухачевский отвел от него смерть в тот раз. Скорее это была рука Божественного промысла.

Часть третья. **Гайдар без ретуши – в ореоле клеветнических мифов**

Удивительно, но он сам изобразил то кривое зеркало мифов и клеветы, через которое порой видели его люди, включая самых близких.

«Всадники неприступных гор» - маленькая малоизвестная повесть Гайдара (1926- 1927), в основу которой легли впечатления от предпринятого им в 1926г вдвоем с Н. Кондратьевым путешествия по Средней Азии.

Повесть, скорее всего, больше художественная, а чем документальная, но ее психологическая канва так близка автору, что он оставляет за своим лирическим героем собственную фамилию.

Тут изображена история путешествия героя-повествователя Гайдара втроем с любимой девушкой и другом сначала в Среднюю Азию, а потом в Грузию. Хотя, как знать? – Может в путешествии и в самом деле была женщина и история взаимоотношений героев документальна? Этот период жизни Гайдара, который был тогда женат на мало понимавшей его Л. Соломянской, как и многое в его жизни, покрыт тайной и биографы на комментарии скупы.

Для меня осталось загадкой, добрались ли друзья, которые жили практически как бомжи после того как быстро истратились в Средней Азии, – до Грузии? По официальной версии биографов – Гайдар и Николай Кондратьев, рассорившись, вернулись домой в Пермь по одиночке. Гайдар, чтобы собрать деньги на возвращение, добравшись до Астрахани, работал какое-то время грузчиком в порту Астрахани, а ночевал на улице – под эстрадным помостом.

Оставим в стороне социальную сторону повести. Выделим из этого многопланового произведения сугубо лично-психологическую основу, рассмотрим личную драму героя-повествователя.

Гайдар и его друг Николай влюблены в свою спутницу - девушку Риту.

Между Николаем и Гайдаром идет подспудная, не честная со стороны Николая, борьба за сердце Риты.

Выразителен эпизод, когда в среднеазатской пустынной лощине им встречается змея. Тут-то и появляются со стороны спутников обвинения в жестокости в адрес Гайдара, хотя на самом деле жестоки они, а не он:

« - Смотри! -- крикнула Рита, отскакивая. -- Смотри, змея! Мы остановились. Поперек дороги, извиваясь черной лентой, ползла полутораршинная гадюка. Николай поднял большой камень и швырнул в нее, но промахнулся, и змея, засверкав стальной чешуей, шмыгнула вперед. Но Николай и Рита пришли в неописуемый азарт: на берегу, поднимая камни, они неслись за ускользающей змеей до тех пор, пока в голову ей не попал тяжелый булыжник; она остановилась, закорчилась и зашипела. Долго еще они швыряли в нее камни, и, только когда она совсем перестала шевелиться, подошли поближе.

- Я возьму ее в руки, -- сказала Рита.

- Гадость всякую! -возмутился Николай.

- Ничего не гадость. Смотри, мы, кажется, всю ее разбили огромными кирпичинами, а на ней ни одной кровинки, ни царапины! Она вся -как из стали.- Рита потрогала змею тросточкой, потом хотела прикоснуться пальцем, но не решилась.

- Смотри-ка, а ведь она еще жива!

- Не может быть! -возразил Николай. -Я напоследок бросил ей на башку десятифунтовую глыбу.

Но змея была жива. Мы сели на уступ и закурили. Змея пошевелилась, потом медленно, точно просыпаясь от глубокого сна, изогнулась и тихонько, как больной, шатающийся от слабости, поползла дальше.

Николай и Рита посмотрели друг на друга, но ни одного камня, ни одного куска глины вдогонку ей не бросили. Тогда я встал и одним рывком острого охотничьего ножа отсек гадюке голову.

Крик негодования и бешенства сорвался с уст Риты.

- Как ты смел! -- крикнула она мне. -- Кто тебе позволил?...

- Мы здесь будем отдыхать на лужайке, и я не хочу, чтобы рядом с нами ползала змея, обозленная тем, что ее не добили до смерти. И потом... чего это вы с Николаем не кипятились, когда сами три минуты назад добивали ее камнями?

- Да, но она выжила все-таки! Она страшно цеплялась за жизнь, и можно было бы оставить, -- чуть-чуть смущенно заступился за Риту Николай. -- Ты знаешь, существовал обычай, что преступнику, сорвавшемуся с петли, даровали жизнь.

- Глупый обычай, -ответил я. -Или не надо начинать, или, если уж есть за что, то пусть он сорвется десять раз, а на одиннадцатый все-таки должен быть повешен. При чем здесь случай и при чем здесь романтика?».

После многочисленных злоключений, таящих, однако немало светлого, романтичного, герои добираются до Грузии и просто бесцельно странствуют по ее горным безлюдным просторам.

Но однажды ночью появляются бандиты. И Гайдар, который был по случайности у ручья, а не там, где спали его друзья, замечает их первыми:

«Ночью мне не спалось. Все время чудился шорох внизу, чей-то шепот и лошадиное фырканье. Я спустился вниз к ручью и, осторожно раздвинув кусты, увидел при лунном свете пятерых всадников.
Встревоженный, я быстро полез обратно предупредить спящих товарищей и затушить угли костра. На бегу я налетел на какого-то человека, который со всего размаха ударил меня в плечо. В темноте мы схватились мертвой, цепкой хваткой. Я был, очевидно, сильней, потому что повалил человека и душил его за горло, наступив коленом на откинутую руку, сжимавшую кинжал.
Человек не мог размахнуться и, направив клинок к моему правому бедру, медленно вдавливал мне острие в тело. И клинок входил все глубже и глубже. Окаменев, стиснув зубы, я продолжал зажимать ему горло, пока он не захрипел. Наконец он подсунул под мою грудь свою левую руку и попробовал перехватить в нее клинок. Если бы ему это удалось, я погиб бы наверняка.
Я отпустил горло и скрутил ему руку; клинок, звякнув, упал куда-то на камни, а мы, сжимая друг друга, начали перекатываться по земле. Я видел, что он пытается вытащить из кобуры револьвер. "Хорошо, -мелькнула у меня счастливая мысль, -пусть вытаскивает". Я быстро отпустил его руки. Пока он расстегивал кнопку кобуры, я поднял тяжелый камень и со всего размаха ударил его по голове. Он вскрикнул, рванулся: хрястнули сломанные кусты, и, не выпуская друг друга, мы оба полетели вниз.
Когда я очнулся, незнакомец лежал подо мной и не дышал. Он разбился о камни. Я разжал пальцы. Скорее наверх, скорей к Рите. Встал, шагнул, но тотчас же зашатался и сел. "Хорошо,- подумал я, -хорошо, а все-таки я подыму тревогу, и они успеют скрыться". Вынув из-за пояса убитого наган, я нажал собачку и дважды бабахнул в воздух.
Горное эхо загрохотало по ущелью громовыми перекатами. И не успели еще утихнуть запутавшиеся в уступах скал отголоски выстрелов, как далеко справа послышались тревожные крики.
Они бросятся сейчас сюда, вся ватага, должно быть. А я не могу бежать! У меня кружится от удара голова.
Но тотчас же я вспомнил Риту. Риту, которую нужно было спасти во что бы то ни стало! Усевшись на камни, я усмехнулся и, подняв черный горячий наган, начал садить в звезды выстрел за выстрелом.
Минут через пять раздался лошадиный топот. Я отполз на два шага к берегу, под которым клокотали волны сумасшедшей Арагвы. Всадники переговаривались о чем-то по-грузински, но я понял только два, самые нужные мне слова: "Они убежали!"
Больше ничего мне и не надо было. В следующую же секунду конь одного из всадников захрапел, споткнувшись о труп моего противника. Остановились, соскочили с седел. Посыпались крики и ругательства. Потом зажглась спичка. И ярко вспыхнула зажженная кем-то бумага.
Но прежде чем глаза бандитов успели разглядеть что-либо, я, закрыв глаза, бросился вниз, в черные волны бешеной Арагвы.
Выбрался на берег, хотел сесть, но, испугавшись, как бы налетевший с разбега партизанский отряд волн не смыл меня снова, сделал еще несколько шагов и упал.
Так прошла ночь. Утром поднялся разбитый, измученный, голова была тяжела, а в виски стучали молоточки мерно и ровно: тук-тук, тук-тук.
Я вздрогнул. Я не люблю и боюсь этого стука - это стучит темнота. Часто после

такого постукивания в голову врывались сумерки, и тогда предметы теряли свои очертания, а краски и оттенки сливались в одно, и нога ступала наугад.
Тогда доктор I Московской психиатрической Моисей Абрамович укоризненно покачивал головой над койкой распределительной палаты и говорил ласково:
- Ай-ай, батенька, опять к нам. Ну, ничего. Два-три дня, и все поправится.
Потом, когда выписывали, жал мне руку и предупреждал: - Ну, пожалуйста... образ жизни самый регулярный. Травма, истеропсихо... и т. д. Пожалуйста, чтобы больше не попадать.
И на руки выдавалась справка о том, что "во столько-то часов был доставлен в лечебницу в сумеречном состоянии".
И почти всегда перед этим загадочным состоянием молоточки в виски: тук-тук...
"Рита! - вспомнил я и улыбнулся. -Скорей! Где она? Конечно, ожидает меня в том селении, которое было впереди по нашей дороге".
Сразу взялись откуда-то силы, перестало сжимать виски, и я зашагал вперед.
Шел весь день. Уставая, садился передохнуть, прикладывал к голове вымоченный в холодной ключевой воде платок... Вставал и шел опять.
Поздним вечером добрался до поселка».

Но когда Гайдар приходит в поселок, надеясь найти там своих друзей – приходит раненый - то ему передают такое письмо:

«Я распечатал. Письмо - полное ненависти и презрения.

"Ты эгоист. Ты черств и сух, как никто, и думаешь только о себе. Вместо того, чтобы остаться с нами, ты при первых же выстрелах предпочел бросить нас, чтобы самому, не связанному ничем, прятаться и скрываться. В сегодняшнюю ночь я разгадала тебя. Николай ранен в руку, но все-таки не оставил меня. Твоя дорога отняла у меня много здоровья и нервов. Странствуй лучше один. Счастливого пути.

Рита".

Внизу приписка Николая.

"Я никак не ожидал от тебя этого. Это нечестно!"

- Нечестно, -пересохшими губами прошептал я.- А это честно - умышленно подтасовывать все? Даже если бы Рита, которая знает меня меньше, могла допустить, разве ты... не должен был доказать, что это ложь, что этого не может быть? Это честно?
Молоточки застучали с удвоенной силой. Хозяин торопливо налил в глиняную чашку воды и подал мне. Я протянул руку, ту самую, которой душил ночью бандита,- рука была бледна и дрожала.

- Смотри, кровь! -испуганно сказал мальчик отцу.

Я сидел молча. Зубы начинали выбивать дробь. Становилось холодно.

Белым лоскутом мне перевязали раненое бедро».

После этого Гайдару становится совсем плохо и у него начинается приступ психического расстройства и он впадает в забытье… И вот что ему видится в забытьи:

«Тук- тук-тук.

"Травма,- мелькнула у меня мысль. -Опять Моисей Абрамович".

Я долго смотрел на хозяина, потом сказал ему:

- Это пройдет. Позвоните по телефону 1-43-62 и передайте, что я опять болен.

Дальше обрывки.

Помню: проходил день, наступала ночь, потом как будто наоборот.

Помню, у изголовья подолгу сидел старик, успокаивал меня и рассказывал. Рассказывал он что-то странное: о какой-то горной, дикой стране, замкнутой и неприступной.

- Откуда это?

- Это? Это из страны рыцарей.

- Разве и сейчас есть рыцари?

- Да, и сейчас.

- А где?

- Там,-он мотнул головой по направлению к ущелью. -Надо идти много-много дней в горы. Но с этой стороны туда никто не ходит. Никто даже настоящих троп отсюда не знает. Кроме того, эти люди не любят, когда к ним приходят чужие.

- Кто они?

- Они... хевсуры.

Доставали какие-то бумаги у меня из карманов. Писали куда-то письма.

Однажды под вечер я проснулся. То есть я и не спал вовсе, но впечатление было такое, будто проснулся.

"Рита! - вспомнил я с ужасом. -Рита! Что ты делаешь?"

В доме было пусто. Порывисто встал, схватил какой-то мешок, сунул в него несколько чуреков. Снял со стены свой охотничий нож.

"Надо торопиться! -подумал я. - Надо скорей спешить, скорей объяснить все!"

Я выскочил из дома и незаметно вышел из селения. В сумерках быстро зашагал по дороге. Прошел с версту и вдруг опомнился.

"А куда я, собственно, иду? К Рите? Объяснять? А зачем? Стоит ли? Да и поздно

уже, пожалуй, объяснять. Не стоит. Но куда же тогда? Если идти вперед некуда, то обратно нельзя. Но не стоять же посреди дороги!"

Я оглянулся.

В сумеречной торжественной тишине под заоблачной вышиной торчал хищный коготь снежной птицы - вершина далекой мрачной горы. Внизу -черное ущелье, внизу леса.

"Там - та горная страна, -подумал я. -Впрочем, все равно!"

Не раздумывая, не рассуждая, я свернул с дороги и быстро зашагал в открытую пасть загадочного ущелья.

Мне трудно сейчас сказать, сколько дней - четыре или шесть - я шел вперед.

Кажется, лазал, как лунатик, по головокружительным карнизам, натыкался на перерезающие путь скалы, возвращался обратно, загибал вправо, завертывал влево, кружил и, наконец, потерял всякое представление о том, куда иду и откуда начал путь.

Кажется, ночи были прохладные. Ночами свистели разбойные ветры, ревели потоки, и выли по ночам не то волки, не то совы, да шумели листья дикого звериного леса.

Скоро наступил голод. Я лазал по деревьям. Доставал яйца каких-то черно-синих птиц. Поймал однажды в норе зверька, похожего на суслика, зажарил и съел.

И чем дальше забирался я, тем глуше, молчаливей и враждебней смыкалось кольцо гор, тем беспощаднее давили голову каменные громады уродливых скал. Не было ни малейшего признака человеческого жилья, дикой каза-лась сама мысль, что здесь может жить человек.

Только один раз была встреча. В тревожном шорохе дрожащего кустарника я столкнулся лицом к лицу со старым облезлым медведем. Он поднялся из логова, пристально посмотрел на меня, помотал головой и, лениво повернувшись, спокойно пошел прочь.

Эти дни голова у меня была горяча, ибо в ней, как в глиняном сосуде, в котором бродит виноградное вино, бродит ли без толку, бились о стены черепной коробки неокрепшие еще и несложившиеся мысли. Потом все перебродило, улеглось, страшная усталость начала сковывать тело. И однажды, взобравшись на поросший мхом каменистый холм, я уснул тяжелым, крепким сном. Тем самым сном, которым заканчивается припадок, сном, во время которого проходят сумерки и настает серый, но настоящий день.

Проснулся я от укола в спину. Повернулся, открыл глаза:

- Что это? Наяву или опять галлюцинация?

Прямо надо мною, возле двух коней, стояли два спешившихся всадника -два средневековых рыцаря. Один из них, с тонким ястребиным лицом, пересеченным шрамами, трогал меня кончиком острого копья.

Лица обоих незнакомцев выражали изумление и любопытство.

Я хотел подняться, но острие копья не позволило мне. Человек сказал что-то своему товарищу, потом поднял надо мной это узкое металлическое острие.

Меня поразило выражение лица этого человека. С таким выражением мальчишка стоит в лесу над прикорнувшей ящерицей и думает: разбить ей голову камнем или не стоит? Собственно, не к чему разбивать, а можно все-таки и разбить!...

Но другой ответил ему что-то и покачал головой.

- Камарджоба! Амханако! - по-грузински сказал я из-под копья».

Опускаю многочисленные трудные приключения героя.

«На этом месте тропинка была настолько узка, что двоим нельзя было идти рядом. Я пошел вперед и, поглядев на небо, усыпанное звездами, вспомнил Рума с его мечтой иметь "железную птицу", чтобы знать и видеть все, что только можно узнать в этом мире. И я подумал, улыбнувшись: "Рум! Не только тебе, но и мне нужна птица, которая научила бы меня видеть и понимать все. Но еще до сих пор я не встретил ее ни в голубом небе, ни в зеленых лугах. И если даже я и встретил ее случайно, то еще не узнал ее..."

«Я вздрогнул от шороха осыпающихся камней. Я обернулся и увидел, что на узенькой тропинке над пропастью не было никого, кроме меня. Нора, тоскующая о Руме, исчезла в темной пустоте пропасти...

Далекий сон -- страна умирающих рыцарей, страна железных кольчуг и каменных замков -- этот сон уплыл прочь…

И доктор Владикавказской нервной клиники, не Моисей Абрамович пожимал мне руку и говорил:

- Ну, смотрите, больше никаких потрясений. Травма. Истеропсихо... Образ жизни - самый регулярный. Больше пейте молока, и чтобы никаких Хевсуретий.

Я вышел на улицу. Легкое солнце... Мягкой улыбкой расплывалась золотистая осень. Я жадно хлебнул глоток свежего воздуха и улыбнулся сам.

- Хорошо жить!

"Рита..."- вспомнил опять. Но на этот раз это имя вызвало только смутные очертания, тень, неясную и призрачную. Я позабыл лицо Риты...

Девять суток плыл пароход по Волге от Сталинграда вверх.

Девять суток я выздоравливал час за часом. И когда на десятые заревела сирена у пристани, где кончался мой путь, когда замелькали знакомые дома, прибрежные бульвары и улицы, я смешался с веселой, бодрой толпой и сошел на давно покинутый

мною берег...

И вот я, вернувшийся из очередного путешествия по обыкновению ободранным и усталым, валяюсь теперь, не снимая сапог, по кроватям, по диванам и, окутавшись голубым, как ладан, дымом трубочного табака, думаю о том, что пора отдохнуть, привести все в систему.

Рита замужем за Николаем. Они официально зарегистрировались в загсе, и она носит его фамилию.

Вчера, когда заканчивал один из очерков для очередного номера моей газеты, Рита неожиданно вошла в комнату.

- Гайдар! -- крикнула она, подходя ко мне и протягивая руку. -Ты вернулся?

- К кому, Рита?

- Сюда... К себе, -ответила она, чуть запнувшись. -Гайдар! Ты не сердишься на нас? Я теперь знаю все... Нам писали из грузинского поселка, как было дело. Но мы же не знали. Мы были сердиты на тебя за ту ночь! Ты прости нас.

- Прощаю охотно, тем более что это мне ничего не стоит. Как живешь, Рита?

- Ничего, -ответила она, чуть опуская голову. -Живу... Вообще...

Она помолчала, хотела что-то сказать, но не сказала. Подняла матовые глаза и, посмотрев мне в лицо, спросила:

- А ты?

Я не знаю, что это у нее за манера заглядывать в чужие окна... Но на этот раз шторы моих окон были наглухо спущены, и я ответил ей:

- Я жаден, Рита, и хватаю все, что могу и сколько могу. Чем больше, тем лучше. И на этот раз я вернулся с богатой и дорогой добычей.

- С какой?

- С опытом, закалкой и образами встречных людей.

Я помню их всех: бывшего князя, бывшего артиста, бывшего курсанта. И каждый из них умирал по-своему. Помню бывшего басмача, бывшего рыцаря Рума, бывшую дикарку-узбечку, которая знала "Лельнина". И каждый из них рождался по-своему...».

Март-июнь 2014г

Дети Кристаллы Владислава Крапивина

Пожалуй, Владислав КРАПИВИН (1938 - 2020) - едва ли не единственный писатель в

русской литературе, наряду с А. С. Хомяковым, Андреем Платоновым, Зинаидой Миркиной и может, еще несколькими известными и малоизвестными авторами, слово и дело которого - абсолютно едины. (В грузинской литературе – в качестве аналогов в этом смысле можно назвать святого праведного Илью Чавчавадзе и Важу Пшавела).
Такие стремящиеся к гармонии и единству проповедники высоких идеалов духа, как Ф. Достоевский, Л. Толстой, М. Горький, В. Шукшин, В.Высоцкий – я перечисляю навскидку тех, на кого мы привыкли ориентироваться - столь живой и органичной связи между теорией и практикой, бытием и бытом, такой предельной и беспримесной способности подниматься над собственным эго, большими и малыми слабостями своей натуры - не имели, а порой, как М. Цветаева, даже считали быт чем-то высокому бытию - кардинально противоположным. "Жизнь, это место, где жить нельзя. Остается – мечтать." - писала поэтесса.
Эту "противоположность" легко и органично преодолел в соединении своей жизни и творчества - автор детских и одновременно взрослых книг Владислав Крапивин, вошедший в отечественную литературу 60 лет назад и бывший "всегда против" Системы - в какие бы политико-экономические и псевдорелигиозные одежды она не рядилась. Причем, это органичное "против" не сопровождалась никакими эксцессами, никакими сбоями и отступлениями либо особыми надрывами, чем обычно так гордятся наши интеллигенты.
Плодом его жизни и творчества, в том числе педагогического творчества, является и основанный им в 1961 году в Екатеринбурге детский отряд "Каравелла".
Отряд существует по сей день.
Здесь мечта и реальность соединялись самым чудесным образом – в горячке будней и праздников.
Встречаясь грудью с испытаниями и искушениями, будущие капитаны своей жизни учились полагаться на слово, шпагу и паруса - в этой парусной флотилии помимо морского дела изучались фехтование и журналистика.
Книги "Голубятня на желтой поляне","Мальчик со шпагой", "Журавленок и молнии","Мушкетер и Фея", "Дети Синего Фламинго","Острова и капитаны", цикл бытийно-фантастических повестей "В Глубине Великого Кристалла" - еще при жизни автора вошли в золотой фонд отечественной литературы.
Они переведены на многие иностранные языки и изданы во многих странах.
Крапивин писал: "*Я не детский писатель. Я пишу для детей. Детей младшего, среднего, старшего и... пенсионного возраста*".

Ниже я приведу свои мысли, которые возникли у меня по прочтении некоторых произведений В. П. Крапивина.

***

В группе поклонников творчества писателя Владислава Крапивина в социальной сети как-то открыли тему «Дети Индиго».

Автор темы написал:
"А вам не кажется, что Крапивин все время пишет о детях индиго? Это чрезвычайно ранимые, замкнутые дети, наделенные какими-либо необычными талантами, при этом обладающие высоко развитым чувством справедливости, нетерпением к злу и насилию, но при этом немного не от мира сего?".
Но большинство читателей резко воспротивились попыткам втиснуть любимого автора в какое-либо идеологическое или эзотерическое клише.

А я думаю вот как.

Я думаю, что герои Крапивина - имеют сходство не с Детьми Индиго, а - с Детьми Кристаллами.
И совсем не так уж важно, существует ли в действительности массовая плеяда родившихся в конце 20-начале 21в детей с необычными способностями и аурой кристаллической формы. Дело тут в другом. Дети Кристаллы были на планете всегда. И не так далече, как - внутри нас самих.

"- Подожди. Я не о его офицерском звании. Бытовала легенда о Командоре. О человеке, который ходит по свету и собирает неприкаянных детей. И не просто детей, а таких, как Галька, со странностями.
- Койво?
- Да... Именно им чаще других неуютно и одиноко в нашей жизни. Потому что они опередили время... Так говорил Командор. Говорил, что они - дети другой эпохи, когда все станет по-иному. Тогда, в будущем, каждый сможет летать, причем стремительно - на миллионы километров за миг. Люди смогут разговаривать друг с другом на любом расстоянии и, значит, всегда быть вместе. Не будет одиноких. Никто не сможет лишить другого свободы, потому что человек станет легко разрывать все оковы - и природные, и сделанные руками... И у каждого будет добрый дом во Вселенной, куда можно возвратиться с дороги... Это не мечта, а просто будущее. Ведь все на свете меняется, развивается, появляются и у людей новые способности... Только способность к одиночеству не появится никогда, потому что одиночество и вражда противны человеческой сути... Но до тех времен еще далеко, а мальчики и девочки со странными свойствами своей природы и души нет-нет да и появляются среди людей. Как первые ростки. Их надо сохранить... " (В. Крапивин "Выстрел с монитора"- Цикл "В Глубине Великого Кристалла").

В этом же цикле о Великом Кристалле, где малое и великое в бесконечности равноценны, исследовательница мадам Валентина выращивает живой Кристалл – он же модель Кристалла Вселенной – которого нарекают мальчишеским именем Яшка. Позже Яшка в силу своей идеальной природы становится звездой. А потом из сострадания к мальчику Стасику Скицыну – воплощается на Земле, чтобы стать тому другом, стать светлым помощником. Стать – хранителем. И – вероятно, чтобы помочь тому осознать и развить свою кристаллическую природу и тоже дотянуться до звезд, где обитают, как верно подметила М. Елиферова в статье «Русский Экзюпери», также и платоновские идеи. Поскольку крапивинский мальчик – это еще и чистая идея мальчика.
Прожив свой земной срок в качестве астронома, заложившего вместе с выросшим и тоже ставшим ученым-астрономом другом основы теории о Великом Кристалле, Яшка опять становится звездой.
(Это всего лишь фрагмент из изображенной Крапивиным жизни многочисленных героев – жизни в разных мирах, на разных гранях Кристалла).
По словам М. Елиферовой, писатель также мог художественно переосмыслять информацию из доступных в советской печати научно-популярных статей о труде «Гармония мира» ренессансного мыслителя и астронома Иоганна Кеплера.
Вот только с частью этого утверждения М. Елиферовой можно поспорить: «Пресловутые крапивинские мальчики тоже, конечно, не настоящие мальчики, а платоновские идеи».
Да нет, они еще и настоящие! Хотя при этом – и платоновские идеи.
Потому что живого человека и платоновские идеи связывает между собой Образ Божий, когда он в человеке раскрыт.

Что стоит за мифологизированными представлениями о Детях Индиго и Детях Кристаллах? Как всегда - некая метафизическая реальность, которая преломляется в нашем сознании через процесс мифотворчества.

Такое мифотворчество - присутствует и в библейских текстах, что отнюдь не свидетельствует об отсутствии документально-реалистической правдивости в изображении событий и персонажей.
В отношении же народного мифа о мудрых, совершенных детях с необычными способностями можно, перефразируя классика, сказать: если народу понадобился миф об Индиго и Кристаллах, значит, это зачем-нибудь нужно.
Есть те, кто эти мифы создает - это обычно городские интеллектуалы, которые выражают через мифотворчество свои глубинные чаяния.
И есть массы, которые бездумно потребляют продукты мифотворчества.
И они эти мифы превращают со временем во что-то пародийное.
И уже через представления последних - появляется скепсис у большинства населения - скепсис и подозрение, что речь идет о некой новой расе людей, противопоставившей себя обществу на основании не существующих заслуг.

Дети Кристаллы отличаются в этих народно-мифологических представлениях в умах людей городской культуры - от Детей Индиго примерно так, как различаются Иоанн Креститель и Иоанн Богослов.
Один был самым большим среди окружавших его современников. Но - самым меньшим в Царствии Небесном, меньшим - среди праведников.
Другой же - возлежал на груди Иисуса, как любимый друг и ученик.
Первые - отрицают изживший себя миропорядок.
Вторые - грядущие им вослед - вносят и утверждают новые ценности.
Индиго подготавливают дорогу Кристаллам, но Кристаллы - лучше, чище, гармоничней их.
Но они между собой - кровные братья.
В буквальном смысле слова - это две стороны одной медали, одного процесса.
Дети Кристаллы - старшие братья Детей Индиго, хоть и приходят обычно после.
Но эти термины - "индиго", "кристаллы", появившиеся значительно позже крапивинских повестей, печатавшихся в свое время - в это трудно поверить! - в журналах "Пионер" и «Уральский следопыт» - ассоциируются, как я уже сказала, в массовом сознании с чем-то болезненным, не типичным, подверженным чуть ли не гордыне.
А мир крапивинских героев - это мир идеального. Очень гармоничный, здоровый мир. И в нем эти Дети - видны ИЗНУТРИ - такими, какие они ЕСТЬ в глубине души.
Да мы все такие Дети, только не всегда про это помним!
И Крапивин и показывает эту нашу внутреннюю экзистенцию - нас, какими мы можем и должны быть.

Когда мы ЕСТЬ – в нас всегда найдется что-то от крапивинских мальчишек и девчонок.
Вырастая – мы все можем стать Командорами, стать капитанами, пестующими своего внутреннего ребенка.
Помогающими не терять его и другим.
Крапивинские Дети и крапивинские Командоры, образами которых полны крапивинские книги – это две стороны одной медали.

А вот когда у нас не получается БЫТЬ - тогда наш внутренний Кристалл деформируется и получаются - в лучшем случае травмированные, аутичные Дети Кристаллы и Дети Индиго. Которые протестуют, как могут, пытаясь выплеснуть свой бессильный протест, выразить свою измученную, искалеченную душу.
В худшем - получаются скучные, безжизненные взрослые. Мир таких взрослых, оторвавшихся от своих глубинных корней - это мир инерции, подчинения Тем, которые велят (фантастическим манекенам-тиранам из "Голубятни на желтой поляне" - антиподам Детей).

Здесь уже не мучаются, а может, никогда и не мучились. Здесь просто доживают по инерции внутренне бесцветные дни - умершие душой.

Таким образом, крапивинские мальчики и девочки - это единственная реальная Сила, которая может противостоять Тем, которые велят (дьявольскому миру Системы).
Командоры - это те же Дети, только ставшие старше и мудрей.
И Бог - это тоже своего рода Командор среди Детей.

Образ Бога-Сына как бесконечно любящего жертвенного начала отчетливо прорисовывается в повестях «Лоцман», «Самолет по имени Сережка».

А в замечательной многоплановой повести "Оранжевый портрет с крапинками", речь идет, помимо прочего, в том числе - о любви-дружбе между 19-тилетней девушкой-практиканткой и одиннадцатилетним мальчиком.
Такая любовь - один из примеров подлинных отношений. Ибо подлинная Любовь, по Крапивину, существует вне биологии, когда любят - не за пол и не за кровное родство. Именно поэтому дружба ставится писателем - даже выше родительской и сыновней любви, которые могут быть эгоистичными.
Этот момент не всегда понимают критики, недоумевая от того, почему Крапивин "недоценивает" любовь мужчины и женщины.
В книгах Крапивина Друг и Друзья - лучшие родственники. А лучшие взрослые - становятся Друзьями, то есть одновременно старшими братьями, отцами и матерями - всем детям на свете.

Равняясь на крапивинских Детей - можно восстановить свою искаженную кристаллическую структуру, исцелиться.
Исцелиться - черпая в самих себе свое Глубинное Детство.

Из разговора правителя города с мальчиком:

"Но я знаю другое: жизнь в городе сбалансирована, отношения в нем ясны и просты, люди счастливы, насколько это можно в наше время. Такое благополучие достигнуто немалыми трудами. Легко ли было добиться, чтобы все притерлись друг к другу, чтобы всё было налажено, чтобы даже мадам Валентина вписалась в этот уравновешенный быт. И вдруг появляется еще один койво!
- Кто?
- Койво. Вы не знаете? Так называли в старину людей, обладающих необъяснимы ми свойствами.
- Какими?
- Разными. Одни умеют читать чужие мысли, другие видят, что напечатано в закрытой книге, третьи могут взглянуть на человека и сказать ему, чем он болен. При некоторых светятся или загораются предметы. А бывают такие, как вы. Койво не всегда знают о своих свойствах и не всегда умеют ими распоряжаться. Не все мудры, как мадам Валентина. Но все - опасны. Случается, что из-за них на город сыплются молнии, а над реками рушатся мосты.
- И вы решили от меня избавиться! Таким образом!
- Я отвечал за город, Галь. А сказать правду я не мог ни вам, ни другим. Кто знает, к чему бы это привело?
- А по-моему, вы просто трус!
- Возможно... - вздохнул Биркенштакк. - Но трусость тоже бывает доблестью. Особенно когда один отвечаешь за многих. Когда вы станете старше, Галиен... вы поймете, что быть трусом порой гораздо труднее, чем смелым.

- Да ну? - насмешливо сказал Галька.
- Да, мой друг. Впрочем, сейчас я понимаю, что в случае с вами моя трусость была неоправданна. Думал, что имею дело с обычным мальчишкой, а вы проявили взрослую смелость, находчивость и гражданское мужество. Вы настоящий мужчина.
Галька медленно покачал головой.
- Я мальчик, господин Биркенштакк... На мужчин я насмотрелся в эти дни, ну их к черту. Они и предать могут, и убить беззащитного. Слава Хранителям, я еще ни в чем таком не замешан. И нечего меня сравнивать с мужчинами. Тоже мне похвала..." (В. Крапивин "Выстрел с монитора").

Люди с аномальными способностями и разные необычные метаморфозы с временем и пространством в книгах Крапивина - это не просто фантастика как жанровый прием, не только лишь красивая аллегория, с помощью которой писатель повествует о куда более жизненных и реалистичных вещах духовно-нравственного плана. Думать так - это значит сужать диапазон творчества этого большого, еще не прочитанного, не освоенного общественным сознанием писателя.

Вот фрагмент из онлайн-интервью с писателем:

"Вопрос:
Хотел бы задать вам несколько вопросов. Вы и А. Грин - мои любимые писатели, Н. Гумилев - поэт. О ваших книгах здесь уже очень много спрашивали, а мне бы хотелось спросить про Грина:
Как вы понимаете Несбывшееся и те явления параллелизма, о которых он пишет?

Ответ:
Дело в том, что я проникся ощущением "несбывшегося" очень давно, где-то в десятом классе или в первые студенческие годы. Я не столько мог объяснить это словами, сколько ощущал вот это вот понятие "несбывшееся", понятие того, что мир гораздо шире, глубже, таинственнее, чем кажется на первый взгляд, что мы должны стараться как можно больше постигать его, открывать, разгадывать какие-то тайны... ".

В романе «Синий треугольник» писатель даже напрямую рассказывает о своих пытливых попытках постижения таинственной глубины мира через осознание сновидений.

В одном из интервью он утверждал*:"У меня не было желания отгородиться фантастикой от реальности. А всегда было стремление с помощью фантастики расширить эту реальность, чтобы в ней просторнее жилось героям моих книг."*

Как видим, Крапивин смотрит на все якобы сугубо фантастическое - как на то, чему есть место в реальности, а не только в сказочной аллегории, хотя и к вымыслу и аллегории он, как художник, конечно же, прибегает тоже. Просто он не делает на этом основной акцент, как это любят делать эзотерики.
Он понимает, что, говоря словами древних христианских подвижников, «увидеть свои грехи - это больше, чем увидеть ангела или воскресить мертвого». Но при этом и не думает идти в ногу со всеми новомодными проектами исторической церкви, как о том свидетельствует социально злободневная повесть "Тополята".
Видимо, писатель обладал способностью к духовному созерцанию. И умело изображал то, что открывалась духовному сердцу, соединенному с умом. Истина, Добро и Красота неразрывно слиты в его книгах, оттого они так неотразимы и так трогают сердца читателей.

О том, что все мы - действительно Дети Кристаллы (или Люди Кристаллы)- свидетельствует и квантовая физика, и новейшая психология. Психика человека с точки зрения соционики - молодой, но пока не признанной науки, возникшей в последней трети 20в на пересечении психологии, социологии и информатики - имеет кристаллическую структуру: "С физической точки зрения описанная внутренняя структура ФИМ похожа на кристаллическую решетку с квантовыми состояниями и уровнями. Известно, что в кристаллах часто возникают так называемые дислокации - места нарушения кристаллического порядка, и это нарушение может мигрировать по кристаллу. В данном случае - по "кристаллической" структуре психике". (А. Букалов "Потенциал личности и загадки человеческих отношений").

Все это и описывает наш прозорливый современник - писатель Владислав Крапивин в своем великолепном философско-фантастическом цикле повестей "В глубине Великого Кристалла".

Крапивин пишет об опосредованной связи духа и материи, параллельных пространствах, которые пересекаются в таинственной точке бытия, которую можно назвать кристальной Чистотой, присущей тем, кто верен Высокому Детству, и которая - не зависит от физического возраста, времени и пространства.
Царствие Божие внутри нас и узрят ее чистые сердцем, узрят Дети - Дети Небес.
Только этих слов про Царствие Божье герои обычно вслух не произносят – слишком это лично и достойно уважения, чтобы трогать Это словами. Но на энергетическом уровне оно присутствует зримо и ощутимо. Несомненно, автор чувствовал то, о чем пишет. И - подразумевал эти неназванные вслух и всуе Реалии.

Писатель даже заказал сделать список с уникальной иконы 17 в «Спас Эммануил» и передал его в дар Русской православной Церкви. На иконе изображен Иисус Христос в отроческом возрасте.
И это глубоко символичный и трогательный шаг – ведь В. Крапивин уже во взрослом возрасте узнал, что его отец был священником.
Отцу пришлось скрывать свой сан, от которого он вынужден был отказаться, даже от младших членов семьи. Так как он был гоним за веру в период оголтелого советского атеизма.
Позже распалась и семья - отец ушел из нее в другую.
И при этом – он тоже, как и мать будущего писателя, избрал профессию педагога.
Рискну предположить, что впервые услышав после первого курса университета от матери про эту семейную тайну, Крапивин еще тогда, в юности, решил продолжить сорванную миссию отца. Быть может, поначалу даже сам того не осознавая, не отдавая себе в том ясного отчета. Ведь его любимый Город всегда включал в себя белые башни бывших тюменских храмов. Которые он ощущал как очень важную часть своей «малой» родины. О Боге он тогда задумывался редко. Но при этом явно чувствовал его на бессознательном уровне. (Смотрите эссе «Белые башни родины»).
В. П. Крапивин втайне стал нерукоположенным священнослужителем высокой литературы. Таким, который служит Богу, не поминая его Имени всуе.
Писатель явно доносил христианские ценности – но не на библейском, а всем понятном общечеловеческом языке. На языке образов, мыслей и чувств, рождающихся непосредственно из Сердца.

«Всегда 12» - написано на личном гербе В. П. Крапивина. Он создал и зарегистрировал его сам.
И действительно, дети и подобные им взрослые в произведениях Крапивина - не от мира сего в лучшем, гармоничном, духовном смысле этих слов.

Писателю по праву присвоены титулы «Рыцарь Детства» и «Рыцарь Гуманной Педагогики». Он лауреат многих премий, имеет государственные награды.
Именем его назван астероид.

Думаю, что В. П. Крапивин в своих книгах, многие моменты которых, на первый взгляд, кажутся в наше время утопией, на самом деле создал на примере своих лучших героев, действующих в самых разнообразных социальных условиях в разные исторические времена - модель общества и государства, органически вытекающую из самого духа России и поэтому единственно приемлемую и даже спасительную для нее. Он представил во всю мощь, ширь и глубь Россию - такую какая она есть внутри и модель российского общества, его устройства со всеми его составляющими - идеологией, воспитанием, управлением, трудом, досугом, и т.д. - такую, какая она ей остро необходима.
Стране остро необходима страна, где уютно живется крапивинским детям! Потому что она и есть – настоящая!
Какую еще предстоит построить, неустанно приближая ее к Небесам.
Да что там говорить – нам всем, землянам, остро необходима Земля, рвущаяся в Небеса!
И – живая Искорка в руках, как у героев «Голубятни на желтой поляне», которая одновременно живая Модель живой Галактики. А может быть, и Вселенной.
Искорка – не отвлеченная абстракция. Она греет, с ней можно играть, говорить ей: «Хорошая ты моя…», как это делает в романе ее создатель, конечно же, еще мальчик Гелька Травушкин.
А Модель - это чтобы понимать, что к чему, да и просто – чтобы жить было интересней! И чтобы легче шагалось по рельсам вместе с другом, отчего они, рельсы, начинают сближаться.

За основу же Модели образа жизни мальчишек и девчонок, гвардией которых являются барабанщики (а это особое племя, требующее отдельного разговора), можно взять отряд «Каравелла» (его художественная история отражена в трилогии «Паруса Эспады»).
Вступая в отряд, его воспитанники дают Клятву, взятую не с призрачных небес, а выкристаллизировавшуюся в глубине Сердца – там, где оно встречается с самим Небом.
Среди нескольких пунктов значится главное:

«Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их не встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня… Я никогда не обижу того, кто меньше или слабее. Всегда буду помощником и защитником младшим товарищам… Я буду помнить, что если в каком-то трудном деле, в борьбе один на один с опасностью или бедой я потерплю поражение, "Каравелла" придёт на помощь. Если победа не по силам "Каравелле", помогут её друзья».

Вот вам и национальная идея, руководствуясь которой стоило бы выстроить и взрослую страну, - выстроить нашу настоящую Родину, очистив ее от мерзости!..
По Модели - отряда «Каравелла»!

Избранные книги В.П.Крапивина, с которых, на мой взгляд, взрослый человек может начать знакомство с творчеством этого уникального автора:

«Голубятня на желтой поляне» (Роман)
Трилогия 'Паруса «Эспады» (романы «Мальчик со шпагой», «Бронзовый мальчик», «Рыжее знамя упрямства»)
Трилогия «Острова и капитаны» (романы "Хронометр (Остров Святой Елены)», «Граната (Остров капитана Гая)», «Наследники (Путь в архипелаге)»).

«Журавленок и молнии» (Роман)
«Дагги-Тиц» (Повесть)
«Самолет по имени Сережка» (Повесть)

Сборники автобиографической прозы:

«Под созвездием Ориона»
«Золотое колечко на границе тьмы»
«Шестая Бастионная»

«Белые башни родины» (Эссе)

«Струна и люстра» (Книга о педагогике)

Цикл повестей и романов "В Глубине Великого Кристалла":

«Выстрел с монитора» (1988)
«Гуси-гуси, га-га-га...» (1989)
«Застава на Якорном Поле» (1989)
«Крик петуха» (1990)
«Белый шарик матроса Вильсона» (1991)
«Сказки о рыбаках и рыбках» (другое название – «Лунная рыбка» 1991)
«Лоцман» (1991).
К циклу также примыкают романы «Кораблики, или Помоги мне в пути» (1993) , «Синий треугольник» (2001) и некоторые другие произведения.

Остается заключить этот краткий обзор, ни в коем случае не претендующий на всеохватность, диалогом героев итоговой повести «Лоцман» из цикла «В Глубине Великого Кристалла». Его ведут православный священник отец Леонид и писатель Игорь Петрович Решилов:

«– По-моему, ты не понял, что пример Спасителя был лишь изначальным импульсом и что Мальчик, способный к Великому Служению, рождается снова и снова в каждом из нас, когда мы появляемся на свет. Но путь тяжел, и мы затаптываем этого Мальчика в себе и других. Жизнь затаптывает и распинает. Гасит Божью искру, и потому исчезает надежда на воскресение… Подумай, много ли надо, чтобы сломать росток?
«Иногда хватает случайной лжи», – подумал я. И сказал с ожесточением к себе:
– Вся беда, что понимаешь это слишком поздно…
– Так и бывает, – согласился отец Леонид. И на миг прорезался у него голос бывшего кавээновского капитана. Этакая снисходительно-ироническая нотка. – Конечно! Пока не грозят нам ни хвори, ни годы, не так уж и волнует нас вся эта философия. А как замаячит порог, принимаемся подпрыгивать: «Ах, для чего живем, если все прахом станет? Ах, а может, все-таки что-то есть там?». Вот тут-то и начинаются метания: «Дайте нам Истину»…
– Ну, а разве это не естественно? – вздохнул я.
Отец Леонид ответил уже без насмешки:
– Однако и мальчиком быть – тоже естественно. А мальчики… они не думают о конце, жизнь для них впереди, и кажется им, что перед ними вечность. А кто верит в вечность, для того она существует. И может быть, Истина… или одна из истин… в том, чтобы не терять Мальчика в душе? Тогда не страшным будет путь… Уж если кому-то суждено спасти мир и познать смысл бытия, то именно мальчикам – тем, кто владеет вечностью».

(Переработанная и дополненная в 2020г статья, первый вариант которой был опубликован в журн. "Уральский Следопыт", №12. 2013г. под названием «Дети Кристаллы Владислава Крапивина»)

Прощайте, Папа Слава!..

1 сентября 2020 года в 6:40 утра по екатеринбургскому времени не стало писателя и педагога Владислава Крапивина – автора множества книг для детей и взрослых, создателя и почетного Командора детского отряда «Каравелла», который существует в нашей стране более 60-ти лет. Он скончался на 82-ом году жизни.

Такие его книги как «Острова и капитаны», «Голубятня на желтой поляне», цикл повестей и романов «В Глубине Великого Кристалла», «Мальчик со шпагой» и многое другое – читают и дети, и взрослые.

Но, наверное, не все взрослые.

А те из них, которые навсегда сохранили в душе свою первую любовь к Миру как тому внутреннему пространству, где, как в глубоком гнезде под синим бездонным небом, и обретается подлинное Счастье.

Доброй памяти!

Я убеждена, что когда-нибудь В.П.Крапивин станет еще популярней, намного популярней, чем сейчас (хотя у него и сейчас с этим все хорошо). Потому что это большой русский писатель... Он сумел войти в ту Глубину, где не просто Великий Кристалл – он сумел войти в самое Сердце. Это не каждому дано.

В эти дни в группах, посвященных его жизни и творчеству, самые разные люди оставляют свои отзывы, рассказывают о своем отношении к любимому автору, рассказывают свои истории.
Очень много отзывов, очень много пронзительных, искренних историй, прекрасных теплых слов.

Одна из читательниц написала о своем любимейшем писателе, который помогал ей жить и расти, помогал сохранять внутренний Мир: «Я чувствую, как меня разрывает осознание, что мой Отец умер».

Многие поклонники творчества писателя говорят и пишут о том же.

Они ощущали его незримое присутствие в своей жизни как присутствие духовного отца, хотя и не осознавали этого. А некоторым он заменил земного отца – потому что земные отцы не всегда оказываются на высоте (об этом есть отдельная повесть – «Журавленок и молнии»). А духовный отец – это настоящий Отец.

Я начала чувствовать какую-то внутреннюю скорбь еще за несколько месяцев до случившегося.

Но 1 сентября – когда мучения Командора закончились – я расслабилась и почувствовала себя лучше. В душе появилась какая-то светлая энергия, которая звала меня ввысь...

Я чувствовала что Владислав Петрович действительно перешел в лучший мир и ему там хорошо.

Не надо плакать!... Он ушел в Полет.

И я его сейчас не потеряла, а обрела еще больше.

А вместе с ним – и еще крепче обрела Бога.

Я почувствовала, что раз мы видим в Командоре Отца, и даже не Отца – а Папу – Папу Славу! – то значит, мы на самом деле видим отразившийся и раскрытый им по полной Образ Божий.

Наш Бог прекрасный, добрый, родной. Он щедрый, справедливый, милосердный, великодушный.
Гнев его отходчив. Он не наказывает, потому что умеет видеть в каждом личность, а к каждой личности у него свой волшебный ключик.

Он создал Мир Словом. Его Фантазии сбываются.

Он тоже Папа!

Он тоже Мальчик со Шпагой!

Бог отражается в Человеке!

Величие Командора в том, что он – Человек!

А настоящий Человек, за что бы он ни взялся – обязательно оставит на Земле добрый След.

Крапивин взялся за труд писателя-педагога – и стал большим Писателем. Прямо-таки огромным. Потому что такова природа живущего в нем Бога.

Прощайте, Папа Слава!..

5 сентября 2020г

Поэт-провидец Шота Руставели

Мне думается, что грузинский поэт Шота Руставели, живший в 12в и о котором вообще ничего не известно, - кто он был такой, как выглядел и как его звали (на сей счет имеются лишь почти не подкрепленные источниками мифы) - действительно был гением и пророком, прямо таки святым каким-то провидцем. Он изобразил такие вещи, до каких литература и философия дошли только в 20 веке.

Его поэма имеет несколько пластов прочтения.
На одном из пластов некий Витязь в Тигровой шкуре - его зовут Тариэл - потерял свою ворзлюбленную, которую похитили, увезли за тридевять земель и заключили в крепость злые волшебники-демоны - их называют "каджи".

С тех пор отчаявшийся ее найти Тариэл ушел от людей и поселился в пещере.

Он бродит около пещеры в тигровой шкуре или молча сидит на камне и беспрерывно проливает слезы. Это Рыцарь Печального образва. При нем - только единственная преданная ему служанка, которая находит для него пищу, а то бы он умер без пищи еще скорее, чем от тоски.

А потом он знакомится с попавшим в те края другим витязем - Автандилом. У которого есть своя невеста, он - сын царя. И невеста его - царица.

Но услышав печальную историю Тариэла, Автандил дает клятву найти возлюбленную Тариэла - чего бы это ему не стоило.

И он откладывает свадьбу с собственной невестой на время будущих поисков и узжает из царского дворца скитаться по свету в поисках возлюбленной Тариэла. Причем его собственная невеста - Царица Тинатин (под которой выведен образ реальной грузинской царицы 12в - Царицы Тамары, современицы поэта, к которой он, как видно, был неравнодушен) - благословляет его в дорогу. Она тоже считает, что он должен отыскать Возлюбленную для несчастного Тариэла даже ценой того, что их личная свадьба теперь откладывается. Между ними - полное взаимопонимание в этом вопросе. У них нет деление на главного и подчиненого в семье - оба они прекрасно понимают друг друга и идут в одном направлении.

И ценой многих препятствий и приключений - Автандил находит Крепость , где пленена Возлюбленная друга, вызывает туда Тариэла и еще одного их общего друга, - мусульманского царя! - который у них появился потом - и все втроем освобождают эту Принцессу.

Тариэл счастлив. Все счастливы. Все становятся братьями и сестрами. Они - друг другу - и их жены друг другу. И даже - их слуги.

Такая высочаяшая гуманистическая поэма, написанная в мрачное Спекдневековье!

Там много отступлений, где Руставели пишет о Боге и религии и иносказательно - о Фаворском Свете.
Вся поэта и пронизана этим Фаворским Светом.
Рукопись этой поэмы пролежала в безвестности несколько веков и была опубликованна только в 1712г.
И - как это часто бывает - вначале духовенство приняло эту поэму в штыки и сжигало экземпляры "Витязя в тигровой шкуре" на кострах, как еретическую литеравтуру.
Но то - только один пласт прочтения.
На другом - там рассказывается внутренняя история.

Тариэл - это печальный рыцарь, разлучшившийся со своей Душой-Психееей, потреявший ее, заблудившийся и погрузившийся в уныние.

Поэтому вернуть душу человеку - это первейшая потребность и долг ВСЕХ. Самая

главная задача в жизни
Заточенная среди злых духов в крепости Нестан-Дареджан - это и есть символ Психеи.

***

И на самом деле в нашей повседневной жизни такие истории происходят повсеместно.
А еще у меня есть предположение, обосновать которое я с помощью фактов пока не могу - о том, что под литературным псевдонимом "Шота Руставели" скрывался автор... под именем Царица Тамара!

Авторская лицензия:
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).